Д. И. Скворцовъ.

СОВРЕМЕННОЕ
РУССКОЕ СЕКТАНТСТВО

(ОЧЕРКИ, СТАТЬИ И ИЗСЛѢДОВАНІЯ).

Предисловіе. — I. Краткій обзоръ происхожденія раціоналистическихъ сектъ на Руси — II Штундизмъ —III. Пашковщина —IV. Сютаевщина — V. Пашковцы по судебнымъ процессамъ о нихъ. — VI. Пашковскія брошюры. — VII. Толстовство, какъ секта — VIII Письмо сектанта. —IX. Раціонализмъ въ безпоповщинѣ —X Скопцы.—XI. Религіозность русскаго народа, какъ предметъ эксплоатаціи.

МОСКВА.
Типо-Литографія И. Ефимова. Большая Якиманка, соб домъ.
1905.

Проф. 1961 г.

ВХ
599

Отъ Московскаго Духовно-Цензурнаго Комитета печатать дозволяется. Москва, 12 августа 1904 года.

Цензоръ Протоіерей *Іоаннъ Петропавловскій*

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР

458
62

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагаемая благосклонному вниманію читателя книга представляетъ собою сборникъ нѣсколькихъ статей о сектантствѣ, которыя были напечатаны нами въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ и въ разное время-на протяженіи болѣе, чѣмъ десяти лѣтъ. Въ сборникъ вошли статьи, посвященныя преимущественно исторіи и характеристикѣ современнаго *раціоналистическаго* сектантства, наиболѣе обращающаго на себя вниманіе современнаго общества,—каковы секты штундистовъ, пашковцевъ, сютаевцевъ и толстовцевъ,—съ предварительнымъ „краткимъ очеркомъ происхожденія раціоналистическихъ сектъ на Руси".—Только три послѣднія статьи (IX, X и XI) не подходятъ подъ эту категорію. IX-я статья содержитъ характеристику безпоповщины, но и эта статья разсматриваетъ безпоповщину со стороны содержащагося и обнаруживающагося въ безпоповщинѣ *раціонализма*. X-я ст. даетъ характеристику скопчества по одному судебному процессу о скопцахъ, на которомъ намъ пришлось быть въ роли эксперта, что и является для насъ, между прочимъ, побужденіемъ внести ее въ сборникъ. Наконецъ, XI статья указываетъ нѣкоторые виды эксплоатаціи религіозности русскаго народа, которая (религіозность) не рѣдко эксплоатируется не только съ матеріальною цѣлію, но и съ цѣлію сѣянія въ народѣ разныхъ ложныхъ вѣрованій и сектантскихъ заблужденій.

Нѣтъ надобности доказывать, что современное русское сектантство, особенно раціоналистическа-

го характера, обнимая собою очень многія стороны народно общественной жизни, полно захватывающаго интереса не только съ одной церковной точки зрѣнія, но и со стороны соціальной и даже политической. Этимъ объясняется, что представители самыхъ разныхъ направленій большой и малой прессы не мало удѣляютъ мѣста въ своихъ изданіяхъ вопросамъ о сектантствѣ. Различіе въ направленіяхъ изслѣдователей сектантства, естественно, породило и самые разнообразные взгляды на современное русское сектантство, начиная съ крайне-консервативныхъ взглядовъ и кончая крайне-либеральными. Поэтому читателямъ—не спеціалистамъ трудно иногда бываетъ разобраться въ этомъ разнорѣчіи.

Въ виду сказаннаго распространеніе историческихъ и фактическихъ свѣдѣній о сектантствѣ, какъ изъ его прошлаго, такъ и настоящаго, а также освѣщеніе фактовъ изъ сектантской жизни, и вообще характеристика современнаго сектантства безъ тенденціозности весьма желательны. Подобное изслѣдованіе о сектантствѣ настолько же необходимо, насколько необходимъ точный діогнозъ при излѣченіи всякой болѣзни, а сектантство, какъ и расколъ, есть „тяжкая и сложная болѣзнь народнаго духа“ (выраженіе В. С. Соловьева *), объ уврачеваніи коей какъ церковь, такъ и государство много заботятся.

Дмитрій Скворцовъ.

Дер. Рагодино, Тверскаго у.
3 авг 1904 г

---

*) *В. Соловьевъ.* Религіозныя основы жизни, стр 153.

I.

Краткій очеркъ происхожденія раціоналистическихъ сектъ на Руси *).

Въ наше время замѣчается особенный подъемъ религіозно-церковной жизни русскаго народа. Повсемѣстное открытіе церковно-приходскихъ школъ, приближающихъ народъ къ церкви, учрежденіе православныхъ церковныхъ братствъ, поставляющихъ главною своею заботою народное просвѣщеніе въ духѣ православной церкви, устройство религіозно-нравственныхъ собесѣдованій, основаніе церковно-приходскихъ попечительствъ, заведеніе читаленъ при церквахъ и т. п.,—все это несомнѣнные признаки развитія религіозно-церковной жизни. Но, на ряду съ этими отрадными явленіями, въ той же религіозно-церковной жизни нашего народа весьма замѣтны явленія и противоположнаго характера. Въ то время какъ громадное большинство русскаго люда все болѣе и болѣе начинаетъ относиться къ церкви съ разумнымъ пониманіемъ ея ученія и духа, осво-

*) Изъ публичной богословской лекціи, читанной въ залѣ Синодальнаго училища, 16 марта 1898 г., въ г. Москвѣ.

бождаясь отъ тьмы предразсудковъ и суевѣрій, другая часть его (и, къ сожалѣнію, не малая) становится къ ней во враждебныя отношенія, уходитъ отъ нея во страну далечу. Мы разумѣемъ здѣсь современное сектантство протестантскаго характера. Извѣстно, что два внутренніе недуга постоянно безпокоятъ и озабочиваютъ нашу русскую православную церковь: старообрядческій расколъ и протестантствующее сектантство. Что касается перваго изъ нихъ, то онъ становится все менѣе и менѣе опаснымъ для церкви: симпатіи къ нему народа, съ проникновеніемъ въ среду его просвѣщенія, охладѣваютъ. Но протестантствующее сектантство становится зато болѣе опаснымъ и дерзкимъ врагомъ, который лукаво пользуется во вредъ церкви распространяющимся образованіемъ народа. — Такъ какъ для объясненія современныхъ явленій принято наводить историческія справки во временахъ отдаленныхъ, съ цѣлію разслѣдовать, — не было-ли въ исторіи явленій, подобныхъ современнымъ, и не есть-ли то или другое современное явленіе русской дѣйствительности продолженіе или, такъ сказать, доразвитіе прежнихъ подобныхъ явленій, то и мы, держась этого, несомнѣнно, разумнаго, историческаго правила, заглянемъ въ прошлое нашей церковной жизни и сдѣлаемъ хотя самый краткій обзоръ сектантскихъ броженій на Руси.

Господи! не доброе-ли сѣмя сѣялъ ты на полѣ своемъ, откуда же на немъ плевелы (Мѳ. 23, 27)?

Такъ, по одной притчѣ Спасителя, слуги спрашиваютъ своего господина, когда увидѣли на полѣ вмѣстѣ съ колосьями пшеницы много плевелъ. Такъ спросимъ теперь и мы, приступая къ обозрѣнію разнообразныхъ русскихъ сектъ—этихъ плевелъ на нивѣ Христовой. Не чистая-ли православная вѣра насаждена была на Руси св. Владиміромъ и его сподвижниками?! Тихо, безъ сопротивленія русскій народъ воспринялъ эту св. вѣру и всѣ ея св. обычаи и настолько глубоко проникся ею въ своей душѣ, что православіе долгое, долгое время служило исключительнымъ началомъ русской мысли и жизни, а церковь православная признавалась главнѣйшимъ основаніемъ единства общественнаго. Но разномысліе въ дѣлѣ вѣры, какъ свидѣтельствуетъ Слово Божіе и исторія церкви, является неизбѣжнымъ: „подобаетъ бо и ересемъ въ васъ быти“, говоритъ апостолъ. Поэтому то и среди русскаго народа весьма рано появились разрушительныя противоцерковныя идеи. Первыми врагами русской церкви считаются волхвы, по происхожденію — финны, которые въ XI вѣкѣ смущали не мало вѣрующихъ. Но мы не назовемъ ученіе волхвовъ сектантскимъ въ современномъ смыслѣ этого слова. Ихъ ученіе представляетъ собою странную смѣсь христіанства и язычества, выразившуюся въ дуализмѣ: два міра—небесный и земной управляются двумя различными и самостоятельными силами, — Богъ христіанскій есть Богъ небесный, въ Его

власти находятся небо и души людей, а языческіе боги управляютъ землею и земною судьбою человѣка, его тѣломъ при жизни и по смерти. Волхвы, такимъ образомъ, не были христіанами. Но въ собственномъ смыслѣ сектантство обнаружилось на Руси только въ половинѣ XIV в. сначала во Псковѣ, а затѣмъ скоро занесено было въ Новгородъ. Здѣсь появилась ересь съ оригинальнымъ названіемъ *стригольниковъ*. Ересь эта шла въ народъ сверху — отъ людей начитанныхъ и стоявшихъ близко къ церковнымъ дѣламъ. Основателемъ ея былъ одинъ псковскій діаконъ Карпъ, который былъ „художествомъ стригольникъ". „Художество" діакона Карпа состояло въ стриженіи новопоставленныхъ дьяковъ. Эта выстрижка (такъ называемаго гуменца), обязательная для духовенства при возведеніи въ первую церковную должность пѣвца или дьяка, совершалась тотчасъ послѣ посвященія.

По своей должности имѣя много случаевъ наблюдать за злоупотребленіями при посвященіяхъ, именно поставленіе *на мздѣ*, діаконъ Карпъ прежде всего началъ съ отрицанія пастырей церкви, а потомъ послѣдовательно дошелъ до отрицанія ихъ священнодѣйствій, проповѣдуя народу, что не нужно принимать отъ священниковъ ни крещенія, ни покаянія, ни евхаристіи, что каяться можно безъ священства, припадая къ землѣ, что другія таинства вовсе для спасенія не нужны. Крайніе стригольники съ логическою

послѣдовательностію довели до конца начало отрицанія, положенное въ основу секты: они отрицали рѣшительно *все внѣшнее* въ христіанствѣ, не желая признавать никакихъ—даже апостольскихъ писаній; отвергали воскресеніе мертвыхъ и будущую жизнь и даже, кажется, потеряли самую вѣру въ Божественнаго Искупителя человѣчества, полагая, что для спасенія достаточно молиться на небо, призывая въ молитвахъ Отца Небеснаго, дойдя, такимъ образомъ, въ своемъ отрицаніи до нѣкотораго деизма *).

Въ такомъ своемъ видѣ секта стригольниковъ перешла изъ XIV вѣка въ XV-й. Хотя основатели и вожаки этой секты были потоплены народомъ въ рѣкѣ Волховѣ, однако сѣмена ихъ лжеученія продолжали произростать: въ Новгородѣ и въ половинѣ XV вѣка оставалось много сочувствовавшихъ стригольничеству. Таковыми были большею частію люди духовнаго сана.Но стригольничество XV вѣка, не теряя своего основного раціоналистическаго характера, подъ вліяніемъ весьма сложныхъ причинъ, восприняло въ себя новые элементы, которые заимствованы были, главнымъ образомъ, изъ либеральнаго іудейства караимскаго направленія, заключающагося въ критическомъ отношеніи къ вѣрѣ отеческой и въ глубокомъ уваженіи къ научному образованію. Привнесъ эти элемен-

*) Секта стригольниковъ, проф. *Титова* (Мисс. Обозр. 1896. Апр. кн. 1, стр. 16—17)

ты въ стригольничество одинъ ученый еврей Захарія Скара, прибывшій въ Новгородъ по торговымъ дѣламъ, почему и секта, имъ основанная, получила впослѣдствіи названіе „ереси жидовствующихъ“. Караимское еврейство либерально-философскаго направленія встрѣтилось съ крайнимъ отрицательнымъ стригольничествомъ, каковымъ оно заявило себя въ XV вѣкѣ, и изъ смѣшенія ихъ образовалась новая секта, извѣстная подъ названіемъ жидовствующихъ. Эта новая секта скоро привлекла къ себѣ симпатіи высшаго общества и охватила значительное пространство. Въ числѣ поклонниковъ своихъ она имѣла прежде всего лицъ духовныхъ, каковы были протопопъ софійскій Гавріилъ, священники новгородскіе Діонисій и Алексѣй, а перенесенная въ Москву—она привлекла къ себѣ образованныхъ придворныхъ дьяковъ, каковы были Ѳеодоръ Курицынъ, его братъ Иванъ Волкъ и др., нѣкоторыхъ бояръ,—и даже проникла въ царскую семью, гдѣ послѣдовательницею ея была невѣстка великаго князя Іоанна III, покровительствомъ котораго сектанты лукаво пользовались. Въ концѣ концовъ дѣло дошло до того, что на митрополичій престолъ былъ возведенъ тайный приверженецъ секты, Симоновскій архимандритъ Зосима. Принявши такіе размѣры, секта жидовствующихъ грозила весьма серьезною опасностію для церкви. Ученіе жидовствующихъ было крайне разрушительно и выражалось въ слѣдующихъ главныхъ пунктахъ:

1) они отрицали догматы воплощенія и Божества І. Христа, 2) признавая сходство Господа І. Христа съ Моисеемъ и другими пророками, они считали Ветхій и Новый Завѣты одинаково обязательными и въ практической жизни стремились примирить предписанія того и другого, 3) отвергали поклоненіе иконамъ и др. священнымъ предметамъ православной церкви, почитаніе святыхъ и мощей, 4) критически относились къ Св. Писанію, преданію и святоотеческимъ твореніямъ, 5) нѣкоторые изъ нихъ отрицали безсмертіе душъ, воскресеніе мертвыхъ и будущую жизнь и наконецъ, 6) отвергали монашество.

Въ XVI вѣкѣ русское вольнодумство еще разъ потерпѣло видоизмѣненіе—и опять таки въ сторону крайняго развитія отрицанія. Извѣстно, что XVI-й вѣкъ былъ вѣкомъ крайняго развитія обрядовѣрія, что особенно выразилось въ постановленіяхъ Стоглаваго собора; какъ-бы въ противовѣсъ этой крайности, обнаружилась другая: съ особенною силою ожило сектантское вольнодумство. Главными вольнодумцами того времени были нѣкто Матвѣй Бакшинъ и монахи Ѳеодосій Косой и Игнатій; они имѣли много послѣдователей. Въ то время какъ лжеученіе жидовствующихъ заключало въ себѣ хотя незначительную іудейскую подкладку, лжеученіе Бакшина, наоборотъ, было уже христіанско-раціоналистическою ересью, не имѣвшею ничего общаго съ іудействомъ, хотя и находившеюся въ прямой связи съ прежнимъ

жидовствомъ *). Бакшинъ и его послѣдователи были такіе же вольнодумцы и невѣры, какими заявили себя въ наши дни послѣдователи, напр., гр. Толстого и т. п. Отрицательные пункты ученія вольнодумцевъ XV'I вѣка состояли въ слѣдующемъ: 1) они отрицали божественность І. Христа, 2) не признавали догмата искупленія, 3) отрицали безсмертіе человѣческой души, почитаніе иконъ, которыя называли идолами, храмы, посты, чудеса, мощи и внѣшніе обряды, какъ человѣческія преданія, которыя введены духовенствомъ.

Итакъ, мы видимъ, что раціоналистическое сектантство, зародившись у насъ въ XIV' вѣкѣ, не прекращалось и въ XV'I в.,—вѣкѣ крайняго развитія обрядовѣрія: оно только видоизмѣнялось. Каждый изъ трехъ вѣковъ отмѣчается въ церковной исторіи очень сильными сектантскими броженіями. „Печальною сектою стригольниковъ, — говоритъ проф. Малышевскій,—началось у насъ, т. е. въ нѣкоторой части русскаго народа, то религіозно - раціоналистическое движеніе, которое перешло въ слѣдующія десятилѣтія и вѣка. Не болѣе, какъ чрезъ 35-лѣтіе послѣ нея началось и опять въ Новгородѣ новое такое движеніе, извѣстное подъ именемъ ереси іудействующихъ. Іудейство участвовало въ немъ въ видѣ случайнаго, внѣшняго возбужденія, преслѣдуя здѣсь не

*) Мисс. Обозр. 1896 г. ноябрь, кн 1-я, стр. 343.

столько цѣли чисто-религіозной пропаганды, въ которой, съ появленіемъ христіанства, іудейство утратило и способность и желаніе, сколько цѣли матеріальныя, торгово-промышленныя. Но движеніе это сильнѣе питалось самородными элементами религіознаго своемыслія, въ ряду ихъ и укрывавшимися остатками ереси стригольниковъ“ *), а потомъ, прибавимъ мы, освободившись отъ элементовъ іудейскихъ, сдѣлалось крайнею раціоналистическою христіанскою сектою.

Что касается, далѣе, XVII вѣка, то вѣкъ этотъ ознаменованъ прискорбнымъ отпаденіемъ массы русскаго народа отъ православной церкви въ расколъ. Этотъ важный фактъ церковной жизни поглотилъ тогда все вниманіе гражданскаго и церковнаго правительства и затмилъ собою всѣ другія отрицательныя религіозныя движенія русской мысли. Но, несомнѣнно, раціоналистическая мысль жила и тогда, а къ концу этого вѣка обнаружилось еще довольно сильное мистическое броженіе, представителями котораго были Кульманъ и Нодерманъ. Впрочемъ, несомнѣнно, что XVII вѣкъ не отмѣченъ какими-нибудь крупными или выпуклыми явленіями въ религіозно-раціоналистическомъ движеніи. Зато слѣдующій XVIII -й вѣкъ былъ особенно благопріятенъ для развитія всякаго рода сектантскихъ бредней, какъ характера раціоналистическаго, такъ и мистическаго.

---

*) Изъ Мисс. Обозр. 1896 г.

Извѣстно, что при Петрѣ и преемникахъ его протестантскія идеи получили полное право гражданства. Еще одинъ изъ первыхъ вольнодумцевъ Петровскаго времени Дмитрій Тверитиновъ говаривалъ: «нынѣ у насъ, слава Богу, вольно всякому—кто какую вѣру изберетъ, въ ту и вѣруетъ". Нѣмецкое вліяніе смѣнилось затѣмъ во второй половинѣ XVIII вѣка не менѣе опаснымъ французскимъ. Легкомысленные помѣщики, воспитавшіеся на французской философіи, поклонявшіеся Вольтеру, какъ нынѣ поклоняются Льву Толстому, разсѣянные по всѣмъ уголкамъ Россіи, могли вліять на народъ только въ худомъ смыслѣ. Такимъ образомъ, почва для всякихъ отрицательныхъ ученій была подготовлена. И вотъ появляется цѣлый рядъ всякаго рода сектъ въ видѣ духоборцевъ, молоканъ, субботниковъ, хлыстовъ, скопцовъ и т. п. съ ихъ развѣтвленіями и подраздѣленіями. Не имѣя возможности установить и выяснить генетическую связь этихъ сектъ съ сектами XIV—XVI вѣковъ, мы однако должны сказать, что въ нихъ развивались тѣ же противоцерковныя и отчасти противогосударственныя идеи, какія и въ сектахъ прежняго времени. Что касается въ частности секты духоборцевъ и молоканъ, то онѣ являются отголоскомъ секты Бакшина и Косого и доразвитіемъ идей Тверитинова, а секта субботниковъ представляетъ собою продолженіе секты жидовствующихъ.

Жизнь русскаго сектантства первой половины

XIX вѣка выражалась, главнымъ образомъ, въ тѣхъ или иныхъ броженіяхъ въ сектахъ, народившихся въ XVIII вѣкѣ, въ ихъ взаимной борьбѣ между собою, въ выдѣленіи изъ нихъ новыхъ толковъ, удерживавшихъ однако основной характеръ сектантства XVIII вѣка. Если и появлялись тогда какія-нибудь новыя секты, въ родѣ Сіонской вѣсти, то онѣ были или очень незначительны, или же недолговѣчны и не вызывали въ русскомъ народѣ массоваго движенія въ ихъ пользу.—Совсѣмъ другое мы должны сказать, приступая къ обозрѣнію современнаго сектантства, народившагося во второй половинѣ XIX вѣка и доселѣ приковывающаго къ себѣ неослабное вниманіе какъ со стороны церкви и государства, такъ и со стороны общества и печати.

Такъ какъ наши дальнѣйшіе очерки будутъ посвящены главнымъ образомъ раціоналистическому сектанству, то считаемъ предварительно нужнымъ выяснить,—что такое сектантскій раціонализмъ? Это вовсе не то, что раціонализмъ философскій, отрѣшенный отъ религіозной основы. Поэтому, раціонализмомъ въ сектантствѣ мы называемъ *своевольное* построеніе своего вѣро-и-нравоученія, искусственно обосновываемаго тѣми или другими источниками христіанскаго вѣроученія, при чемъ оно прежде всего выражается въ грубомъ отрицаніи прежнихъ формъ религій,—у насъ на Руси—православной. Если раціонализмъ философскій можетъ быть свойственъ только людямъ

болѣе или менѣе развитымъ, то раціонализмъ сектантскій одинаково можетъ быть присущъ даже невѣждамъ, что съ ясностію и подтверждаетъ исторія сектантства. Кромѣ сектъ раціоналистическихъ, существуютъ еще секты, извѣстныя подъ общимъ названіемъ мистическихъ. Но такое подраздѣленіе всѣхъ русскихъ сектъ на два разряда нельзя назвать строго опредѣленнымъ и ясно характеризующимъ народное сектантство.

Въ основаніи такого дѣленія русскихъ сектъ лежитъ то положеніе, что однѣ изъ нихъ ищутъ разрѣшенія тревожныхъ религіозныхъ вопросовъ и недоумѣній, ищутъ „праваго пути ко спасенію“ подъ руководствомъ своего ума, а другія слѣдуютъ голосу своего сердца, чувства. Но мы сказали бы неправду, если бы провели рѣзкую грань между сектами раціоналистическими и мистическими.

Большая часть такъ называемыхъ раціоналистическихъ сектъ заключаетъ въ себѣ очень много элементовъ мистическихъ,—и нельзя указать ни одной такой секты, въ ученіи которой былъ бы одинъ чистый раціонализмъ и совершенно отсутствовалъ мистицизмъ. Поэтому, по отношенію къ большинству русскихъ сектъ протестантскаго характера приложимо названіе мистико-раціоналистическихъ сектъ. Да и по самому существу дѣла, религіозная секта, пока она остается таковою, не можетъ быть свободна отъ элемента мистическаго, потому что въ основѣ каждой религіи ле-

житъ извѣстное отношеніе конечнаго къ безконечному, человѣка къ Богу,—живой союзъ ихъ, который не можетъ ограничиваться холоднымъ познаніемъ, а долженъ обнимать собою всѣ силы души человѣка — преимущественно же сердце. Тамъ же, гдѣ этотъ союзъ порывается, гдѣ человѣкъ хочетъ не вѣрить, а только знать, логически понимать все сверхчувственное, кончается религіозное отношеніе къ Богу и, вмѣсто его, начинается философское объясненіе всего мірозданія. Устраненіе изъ религіи вѣры и извѣстнаго отношенія вѣрующаго къ Богу равносильно уничтоженію самой религіи. Что сказано вообще о религіи, то же должно сказать и о всякой религіозной сектѣ какого угодно направленія и характера. Поэтому, и всѣ наши, такъ называемыя, раціоналистическія секты, при всемъ своемъ грубомъ отрицательномъ направленіи, такъ свойственномъ всякому раціонализму, непремѣнно заключаютъ въ себѣ элементы мистическіе, заключающіеся въ извѣстномъ внутреннемъ отношеніи сектанта къ Богу, не поддающемся обыкновенному постиженію и объясненію умомъ. Поэтому же, далѣе, тѣ секты, которыя по пути отрицаютъ и стремленія объяснить все въ религіи своимъ умомъ, такъ чтобы не оставалось ничего для вѣры, секты такъ называемыя крайне-раціоналистическаго направленія весьма близки къ вырожденію изъ сектъ религіознаго характера въ отрицательныя атеистическія системы, гдѣ на мѣ-

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР

сто живаго Бога, къ Которому тяготѣетъ всякій вѣрующій, поставляется безличная божественная сила, разлитая въ мірѣ и управляющая имъ, а вмѣсто духовнаго небеснаго царства съ сонмомъ небожителей — царство земное съ извѣстнымъ устройствомъ, которое придумывается согласно съ мечтами сектантовъ о свободѣ, равенствѣ, всеобщемъ довольствѣ и т. п. Это послѣднее приводитъ сектантовъ къ отрицанію современнаго государственнаго строя и къ стремленію на мѣсто его основать *на землѣ* такое царство, въ которомъ не было бы ни властей, ни стѣсненій, ни судовъ, ни бѣдныхъ, ни богатыхъ и т. п. Такимъ образомъ, здѣсь уже ясны элементы какъ атеистическаго, такъ и антигосударственнаго характера. Устранивъ христіанскаго личнаго Бога, сектанты начинаютъ мечтать не о будущей блаженной жизни, которой не должно быть (такъ какъ, по ихъ мнѣнію, и Бога нѣтъ), а о возможно-полномъ благоденствіи на землѣ—о полной свободѣ, равенствѣ, братствѣ и, такимъ образомъ, сдѣлавшись отрицателями христіанскаго Бога, становятся во имя отвлеченныхъ идей, не имѣющихъ своей основы въ Богѣ, въ оппозицію государству, дѣлаются его врагами. При обзорѣ современнаго русскаго сектантства мы увидимъ что наши крайнія раціоналистическія секты на пути къ подобному вырожденію, которое можетъ совершиться подъ вліяніемъ все болѣе проникающаго въ среду сектантства толстовства.

Но дай Богъ, чтобы этого не случилось, дай Богъ, чтобы заблуждающіеся шли не далѣе по пути отрицанія, не уходили отъ церкви во страну далече, а чтобы, напротивъ, вразумились яснымъ божественнымъ благоволеніемъ къ нашей православной церкви, проявляемымъ въ послѣднее время въ особенныхъ знаменіяхъ и чудесахъ, каково, напр., недавнее поразительное чудо въ Курскѣ!

II.

Штундизмъ.

Современное русское сектантство обнаружилось въ трехъ главныхъ видахъ, имѣющихъ между собою близкое соотношеніе. Каждое изъ послѣднихъ трехъ десятилѣтій минувшаго столѣтія отмѣчено появленіемъ особой секты: въ 60-хъ годахъ въ южной Россіи появился всѣмъ извѣстный *штундизмъ*, въ 70-хъ въ сѣверной столицѣ проявилась не менѣе извѣстная *пашковщина*, а въ 80-хъ еще болѣе извѣстное *толстовство*, какъ богословско-философская доктрина, стало перерождаться въ секту. Всѣ эти три вѣтви сектантства какъ-бы дополняютъ и доразвиваютъ одна другую и появились онѣ въ естественномъ порядкѣ развитія ихъ принциповъ.

Возникновеніе первой изъ указанныхъ сектъ относится, какъ сказано, къ 60-мъ годамъ. Это обстоятельство обращаетъ на себя особое вниманіе. Шестидесятые года оставили по себѣ, можно сказать, двоякую память. Съ одной стороны, они

памятны намъ тѣмъ, что тогда сильнѣе, чѣмъ когда-либо, пробудилось въ обществѣ стремленіе къ знанію и просвѣщенію, а народъ изъ раба сдѣлался свободнымъ. Но, вмѣстѣ съ просвѣщеніемъ и наукой, проникъ тогда къ намъ и съ особенной силою заявилъ о себѣ ложный либерализмъ, какъ общественная язва. Это, какъ нельзя болѣе, способствовало „развитію раціонализма, колебанія и сомнѣнія въ отношеніи къ вѣковымъ устоямъ и авторитетамъ и въ обществѣ и въ народѣ. Съ этой стороны—рѣзко всюду начинаютъ распространяться притязанія на право каждому имѣть свое сужденіе о предметахъ вѣры и ученіе о мнимой свободѣ совѣсти, подъ которой разумѣется неограниченное право вѣрить во всякую ложь и распространять всякое заблужденіе. Такимъ возбужденнымъ стремленіемъ народнаго сознанія къ свободѣ и знанію воспользовались наводнившіе югъ Россіи проповѣдники нѣмецкихъ сектъ — піэтистовъ, меннонитовъ и баптистовъ, а также агенты заграничныхъ миссій въ лицѣ книгоношъ британскаго библейскаго общества, сколько съ цѣлію религіозною, столько и даже болѣе—съ цѣлію чисто политическою, съ цѣлію мирнаго завоеванія южно-русскаго края. Трудно сказать какъ бы пережиты были въ народѣ всѣ эти искушенія, но съ увѣренностію можно утверждать, что штунды онъ не создалъ бы, если бы нѣмецкіе проповѣдники не преподали ему этихъ чуждыхъ міровоззрѣнію русскаго человѣка док-

тринъ“ *). Кромѣ этого, говоря о почвѣ и условіяхъ, при которыхъ возникъ и окрѣпъ штундизмъ, нужно упомянуть объ особенномъ тогда религіозномъ броженіи и возбужденіи на югѣ Россіи, при которыхъ легко возникаютъ сектантскія движенія, если во время это возбужденіе не найдетъ должнаго руководства въ лицѣ пастырей, а такое руководство на югѣ Россіи въ то время отсутствовало. Явившись на такой почвѣ, русскій штундизмъ быстро окрѣпъ и сталъ распространяться. Безпрепятственному распространенію его благопріятствовали весьма многія обстоятельства: во 1-хъ, его очень долго не замѣчали и на него поэтому не обращали вниманія; во 2-хъ, когда онъ былъ замѣченъ, то многіе — одни по невѣдѣнію, другіе по либеральничанью, третьи, наконецъ, по враждѣ къ церкви—отнеслись къ нему сочувственно; такъ, сочувственно отнеслась къ нему вся такъ называемая либеральная печать: она усмотрѣла въ штундизмѣ явленіе „отрадное, свѣтлое, желательное“ среди будто бы совершенно „темнаго народа“; въ 3-хъ много ободрили штундистовъ первые оправдательные приговоры Окружнаго Суда, когда они привлечены были къ отвѣтственности за возмутительное кощунство; наконецъ, неподготовленность тогдашняго духовенства къ борьбѣ съ новымъ врагомъ церкви была новою причиною свободнаго распростране-

*) Мисс. Обозр. 1896 г. Янв. стр 59—60.

лія штундизма.—Мы не имѣемъ возможности въ этомъ краткомъ очеркѣ излагать исторію штундизма *), но укажемъ только на то, что въ ней доселѣ можно различить три періода: первый до 70 хъ годовъ, когда штундисты, повидимому, еще не порывали связи съ церковію, второй—съ 70-хъ годовъ и до половины 80-хъ. Этотъ періодъ характеризуется наибольшимъ расцвѣтомъ штун-

*) Штунда, по нѣмецки—stunde — значитъ просто—*часъ* времени Первымъ виновникомъ штунды признаютъ пастора одной изъ херсонскихъ нѣмецкихъ колоній—Боннекемпфера Онъ очень уважалъ православную вѣру, но какъ лютеранинъ, соблазнялся тѣмъ, что въ православной церкви вся важность полагается яко-бы въ обрядѣ, въ церковной внѣшности, что нѣтъ въ ней, на ряду съ прекрасными обрядами и внѣшностью, живой проповѣди. Онъ хотѣлъ восполнить этотъ недостатокъ,—и поэтому сталъ приглашать на свои часовыя проповѣди, устрояемыя для нѣмцевъ и русскихъ православныхъ крестьянъ, тѣмъ болѣе, что онъ зналъ по русски и могъ толковать библію на русскомъ языкѣ. Нѣкоторые православные пошли сначала изъ любопытства, но лютеранскіе часы понравились имъ. Они сообщили объ этомъ другимъ православнымъ, и тѣ въ свою очередь заинтересовались *часами*. Такъ обр., нѣмецкія штунды стали привлекать къ себѣ все болѣе и болѣе слушателей изъ числа православныхъ. Доселѣ мы не видимъ въ штундѣ еще ничего худого. Но припомнимъ, что въ устахъ Боннекемпфера, какъ и другихъ лютеранскихъ пасторовъ, библія и чтеніе ея принимаетъ вѣроисповѣдный характеръ. Поэтому, онъ, несмотря на свои медоточивыя увѣренія въ глубокомъ уваженіи къ православію, сильно критиковалъ его въ своихъ чтеніяхъ. Такъ, наше православное богослуженіе онъ называлъ не богослуженіемъ и богопочтеніемъ, а цереслуженіемъ и маріепочтеніемъ; затѣмъ, онъ выражалъ мысль, что къ православному Credo нужно присоединить и лютеранскую свободу въ толкованіи библіи. Очевидно, что когда православные стали посѣщать часы Боннекемпфера, онъ не ограничился только однимъ назидательнымъ чтеніемъ библіи, а давалъ ему вѣроисповѣдный характеръ —Штунда явилась на югѣ потому, что на югѣ у насъ есть множество нѣмецкихъ колоній съ пасторами Боннекемпферами, которые языкомъ точатъ похвалы православному вѣроисповѣданію съ его превосходными обрядами, твердымъ Credo, а на дѣлѣ творятъ ему всевозможныя пакости.

дизма, когда онъ успѣлъ охватить своимъ пожаромъ чуть не весь югъ Россіи, пользуясь свободою, когда не десятками и сотнями, а цѣлыми тысячами совращались православные въ штунду; — третій періодъ—съ половины 80-хъ годовъ и до настоящаго времени. когда штундизмъ сталъ не такъ смѣлъ и дерзокъ и сталъ даже разлагаться. Прошлое благотворное царствованіе коснулось и штундизма, придя на помощь миссіи въ борьбѣ съ нимъ Въ этомъ періодѣ штундизма важнѣйшимъ моментомъ является изданіе закона 1894 года, по которому секта признана „особенно вредною“ и для церкви и для государства, и потому имъ (закономъ) запрещены всякія собранія штундистовъ.

Что-же такое штундизмъ, что онъ представляетъ собою въ религіозномъ отношеніи и какіе его соціальные и государственные идеалы?

Нѣмецкое названіе штундизма показываетъ, что онъ и по духу, и направленію своему есть, такъ сказать, нѣметчина, но нѣметчина, передѣланная простымъ русскимъ умомъ по своему. Отвлеченное протестантское ученіе не по силамъ было усвоить простому русскому уму, и вотъ оно усвояется въ тѣхъ своихъ частяхъ и съ тѣми видоизмѣненіями и, наконецъ, въ той формѣ, какія наиболѣе русскому уму доступны. Въ сектѣ штундистовъ, поэтому, мы находимъ самые разнообразные элементы, изъ которыхъ каждый имѣетъ свой источникъ, именно: частью въ чи-

стомъ протестантствѣ, частью въ мистическомъ анабаптизмѣ, частью въ невѣжественномъ раціонализмѣ, выродившемся изъ раціонализма южнорусской интеллигенціи, но при этомъ составные элементы ея до такой степени неразвиты и случайны, что трудно отыскать логическую связь отовсюду нахватанныхъ воззрѣній и взглядовъ, которые одинъ другому противорѣчатъ, одинъ другой исключаютъ. Это обстоятельство всегда затрудняло и затрудняетъ изслѣдователей болѣе или менѣе систематично изложить ученіе штундистовъ. Мы остановимъ свое вниманіе только на нѣкоторыхъ пунктахъ штундистскаго ученія.

Штундисты, какъ и другіе сектанты раціоналистическаго направленія, начали съ грубаго отрицанія и поруганія православныхъ обрядовъ, святыхъ, мощей, православныхъ праздниковъ и постовъ и т. п. Это психологически вполнѣ понятно. Воспринятіе раціональной мысли массой, равно какъ и отдѣльнымъ лицомъ—необходимо требуетъ низведенія съ пьедестала всего того, что было окружено ореоломъ святости. Но такъ какъ ученіе церкви о вышеупомянутыхъ предметахъ въ своей основѣ имѣетъ священное преданіе, то само собою нужно было отвергнуть послѣднее, какъ выдумку человѣческую. Какъ извѣстно, лютеранство также отвергаетъ преданіе, но оно отвергаетъ его принципіально, выходя изъ догмата объ оправданіи человѣка одною вѣрою. Штунда же безпринципна. Ей нужно только до-

стигнуть одной цѣли—расшатать окончательно религіозно-нравственные устои простого народа, которые коренятся у него болѣе въ знаніи внѣшней обрядовой стороны религіи, чѣмъ въ пониманіи догматическихъ тонкостей. Выходя изъ этой практической цѣли, руководители штундизма такъ аргументируютъ свое отрицаніе преданія: „Въ словѣ Божіемъ,—говорятъ они,—мы находимъ все нужное для спасенія, такъ какъ записано было то, что нужно, а что лишнее, о томъ и писать не было необходимости“, —или: „ненаписанное въ Евангеліи—преданіе церковное мы не принимаемъ и не признаемъ“. Окончательный выводъ отсюда дѣлаетъ одинъ изъ вожаковъ штунды — Балабанъ: „православные обряды,—говоритъ онъ,—театры; преданіе—пустая выдумка“. Разъ такъ, остается хулить все, что православіе чтитъ, издѣваться надъ всѣмъ, предъ чѣмъ православный человѣкъ преклоняется. И дѣйствительно, въ издѣвательствѣ и хулѣ на все церковное штундисты перешли всѣ возможныя границы. Прежде всего, всю церковь православную они называютъ блудницею, сидящею на водахъ многихъ, дочерью Вавилона. Членовъ священной іерархіи обзываютъ всевозможными оскорбительными именами. Православные священники—это жрецы, ненавистные обманщики, которые принадлежатъ къ числу тѣхъ самыхъ архіереевъ, которые распяли Христа“,—затѣмъ: дармоѣды, вымогатели, лѣнтяи, лжепророки. Право-

славныхъ архіереевъ называютъ саранчею, родъ свой они ведутъ будто-бы еще отъ царя Ирода. Былъ случай, что одинъ штундистъ назвалъ священника патлатымъ чертомъ. Дальше, кажется, идти некуда. Рядовыхъ членовъ церкви они б. ч. называютъ несчастными, погибшими язычниками. Далѣе, естественно ожидать, что наибольшей хулѣ штундистовъ должны подвергнуться тѣ святые, которые въ наибольшемъ почитаніи въ православной церкви. Такъ и случилось. По сообщеніямъ миссіонеровъ, они „Матерь Божію хулятъ самыми скверными названіями, называютъ именами, возмущающими душу вѣрующаго до самаго основанія“. Изъ св. угодниковъ Божіихъ злоба и ненависть сектантовъ всего болѣе изливается на святителя и чудотворца Николая: отъ него все въ церкви Божіей пошло не по закону; имя этого святителя у нихъ играло и играетъ такую же роль, какъ у раскольниковъ имя патр. Никона. По имени этого святителя они называютъ православныхъ еретиками—николаитами, а Пергамская церковь (о которой упом. въ Апокалипсисѣ) означаетъ, по ихъ мнѣнію, Петербургъ. Что касается иконъ, то извѣстно, что штундисты называютъ ихъ кумирами, идолами, болванами. Рубятъ иконы, какъ дрова, бросаютъ ихъ въ печь, варятъ на нихъ пищу, топчутъ ногами, выкалываютъ глаза и т. п., о чемъ грустно даже входить въ подробности. Даже крестъ Христовъ они называютъ дьявольскимъ

знакомъ, печатью Ирода, начертаніемъ антихриста. И такъ, въ цѣляхъ подрыва церковныхъ установленій, дисциплины, права пастырей управлять, штундисты отвергли свящ. преданіе, признавая единственнымъ источникомъ вѣроученія свящ. писаніе. Но и свящ. писаніе сдѣлалось въ рукахъ штундистовъ, если позволительно такъ выразиться, игрушкой, которую они употребляютъ тогда и такъ, когда и какъ имъ нравится. Въ толкованіи его руководятся, по ихъ словамъ, „благодатію, которая дарована всякому", и, слѣд., всякій имѣетъ право по своему понимать то или другое мѣсто св. писанія; очевидно, здѣсь полный просторъ произволу. Примѣровъ странныхъ толкованій у штундистовъ многое множество. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ: „хранилища свои", по штундовому опредѣленію, — „постройки", въ которыхъ хранится имущество," „воскрылія одеждъ"—полы и рукава рясъ",—„возлагать руки"—бить. Поэтому, вполнѣ справедливо одинъ изслѣдователь штундизма произвольное толкованіе писанія ставитъ въ числѣ существенныхъ признаковъ его, говоря: тотъ, кто отвергаетъ необходимость православной религіи со всѣми таинствами, обрядами и іерархіею, держится девиза: толкуй евангеліе, какъ хочешь, и живи, какъ знаешь,—и будетъ штундистъ.

Свящ. писаніе, насколько можно понять, является для штундистовъ источникомъ истинъ полемическаго характера, а источникомъ истинъ

положительныхъ они указываютъ духовное озареніе, которое можетъ быть доступно каждому штундисту. Путемъ нравственной подготовки штундистъ можетъ дойти то такого состоянія, что въ его душу вселяется Богъ, становится ему видимымъ, совершаетъ въ немъ свои дѣла, даже дѣйствуетъ за человѣка.

„Ты не бачилъ своего Бога,—говоритъ штундистъ православному,—а я, якъ закрою очи, то и бачу". Но понятно, что озареніе—такое субъективное состояніе, о которомъ долженъ знать переживающій его, а потому могли выдавать себя за озаренныхъ по произволу тотъ или другой штундистъ. Такъ, дѣйствительно и бывало. Разсказываютъ, что одинъ штундистъ, напившись до безумія, ворвался въ собраніе „братьевъ" и сталъ бить сперва публику, потомъ стекла въ окнахъ. Когда его вздумали уговаривать,—онъ кричалъ, бранился и категорически утверждалъ: мнѣ духъ велитъ дѣлать это.

Таинствъ въ православномъ смыслѣ штундисты не признаютъ; они, подобно лютеранамъ, отождествляютъ таинство со словомъ, отрицаютъ въ немъ существенную сторону — благодатное воздѣйствіе Св. Духа на личность и высоко ставятъ въ немъ субъективный нравственный моментъ. Поэтому, крещеніемъ они называютъ внутреннее превращеніе грѣшника въ праведника путемъ покаянія, что на языкѣ штунды означаетъ переходъ православнаго въ штундизмъ.

Водное крещеніе есть уступка простецамъ, для которыхъ необходимо же чѣмъ-нибудь ознаменовать ихъ вступленіе въ общество „братьевъ“, и штундизмъ, допуская крещеніе водою, сейчасъ же противорѣчитъ себѣ, замѣчая, что можно обойтись и безъ крещенія, такъ какъ оно — простой обрядъ, наружный знакъ, и не въ немъ сила. Итакъ, крещеніе есть знакъ внутренней перемѣны. Подобное же ученіе содержатъ штундисты и о таинствѣ причащенія. Возможное для вѣрующаго причащеніе Тѣла и Крови Христовыхъ есть только причащеніе словомъ. „Мы принимаемъ ясныя слова Спасителя, — говоритъ одинъ изъ вожаковъ штундизма,—и пріобщаемся Его плоти и крови, какъ Самъ Онъ говоритъ: слушающій слова Мои... имѣетъ жизнь вѣчную. Вкушеніе хлѣба и вина — уступка простецамъ, какъ въ крещеніи употребленіе воды, слѣд., обрядъ, допускаемый по нуждѣ. Заключая религіозное ученіе штундизма, которое, повторяемъ, отличается крайнею запутанностью, мы должны замѣтить особенно ихъ крайне неопредѣленный, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ прямо богохульный взглядъ на центральное лице въ христіанствѣ — на Господа Іисуса Христа. Казалось бы, въ этомъ пунктѣ не должно быть колебанія и неопредѣленности. И однакоже у штундистовъ, на ряду съ ученіемъ объ І. Христѣ, какъ Единородномъ Сынѣ Божіемъ, Спасителѣ, Который вочеловѣчился и пострадалъ спасенія нашего ради, мы

встрѣчаемъ—ученіе о Іисусѣ-человѣкѣ. Позволимъ себѣ привести нѣсколько буквальныхъ выраженій штундистовъ объ І. Христѣ. Одни говорятъ: „І. Христосъ есть Единородный Сынъ, Слово, Спаситель, превознесенный выше всякой власти и могущества, Отецъ семейства; Онъ сдѣлался причастникомъ всѣхъ пророковъ и апостоловъ, причастникомъ Св. Духа". Уже и въ этомъ взглядѣ на лице Господа І. Христа усматривается странная, еретическая мысль, что І. Христосъ—есть только причастникъ Св. Духа. Но другіе представители штундизма и такихъ не мало—прямо называютъ І. Христа простымъ человѣкомъ. Вотъ сообщаемыя миссіонерами нѣкоторыя выраженія сектантовъ о лицѣ Господа І. Христа: „Христосъ былъ такой же человѣкъ, какъ вотъ мы всѣ, но никакъ не Богъ. ибо Онъ былъ сынъ плотниковъ и у него были братья и сестры, вотъ такъ, какъ и вообще у всѣхъ насъ"; „Апостолы пребывали не съ Матерью Божіею, а съ Маріею, матерью Іисусовою и съ братьями Его. Слѣд., Іисусъ не былъ Богъ, а человѣкъ, вотъ такой-же, какъ и мы теперь стали всѣ Іисусы"; Христосъ теперь (когда вы православные сдѣлались штундистами) сталъ уже вамъ, братъ, только старшій, и вы теперь стали такіе же, какъ и Онъ предъ Богомъ, святыя и безгрѣшныя дѣти Его"; „Христосъ—не Богъ, а только посредникъ предъ Богомъ, какъ были мировые посредники", а по другимъ—„защитникъ", „вотъ какъ въ Окруж-

номъ судѣ защитникъ". А одинъ штундистъ назвалъ І. Христа — „политиканомъ". Наконецъ: „Христосъ—не Богъ, а умный человѣкъ, набрался мудрости въ Египтѣ, но былъ невоздержанъ, указывалъ народу на неправды фарисеевъ и саддукеевъ и за то былъ распятъ губернаторомъ Пилатомъ и царемъ Иродомъ". Вотъ цѣлый рядъ буквально выписанныхъ штундистскихъ взглядовъ на лице І. Христа, какъ простаго человѣка. Въ виду того, что мнѣніе и воззрѣніе всѣхъ представителей штундизма должны имѣть для насъ одинаковую цѣнность, да и съ точки зрѣнія самихъ штундистовъ иначе быть не можетъ, мы не можемъ не признать, что въ штундизмѣ ученіе о І. Христѣ, какъ простомъ человѣкѣ, достаточно распространено.

Кромѣ религіозной стороны, въ ученіи штундистовъ есть сторона соціально-политическая,— и послѣдняя находится въ тѣсной связи съ первой. Устранивъ церковь съ ея пастырями, штунда стремится къ упроченію у себя демократическаго элемента, ставя народъ въ исключительное положеніе организма, который самоуправляется въ духовно-религіозной жизни, не имѣя головы. Для штундизма нѣтъ пастырей и нѣтъ учителей ни въ православномъ, ни даже въ протестантскомъ смыслѣ. Но самую идею церкви штундисты не отрицаютъ, а поэтому они не мало говорятъ о реализаціи новаго союза, новой истинной церкви святаго соединенія, въ которомъ всѣ

члены должны быть равноправны. Такая истинная церковь, по ихъ мнѣнію, существовала всегда среди избранныхъ. Хотя въ штундистскихъ обществахъ есть пресвитеры и діаконы, однако они свое полномочіе получаютъ только отъ общества и избираются только на опредѣленный срокъ. Впрочемъ, нельзя не замѣтить, что существованіе этого института въ штундизмѣ есть нарушеніе ихъ принципа.

Ученіе о новомъ духовномъ союзѣ, въ которомъ всѣ должны быть равноправны, въ связи съ ученіемъ объ озареніи, которое доступно всякому, легло въ основаніе ученія штундистовъ о новомъ государственномъ и общественномъ устройствѣ. Иначе говоря, отрицая Православную Церковь, составляющую оплотъ нашей государственной и общественной жизни, штундисты отрицаютъ и всѣ существующія формы общественной жизни. Русское общество, по ученію сектантовъ, стоитъ въ настоящее время на послѣдней ступени разложенія. И вотъ, штунда, ратуя противъ гражданскаго порядка, предъявляетъ обществу альтернативу: или оно должно признать, что, кромѣ власти Божіей, никакой другой власти нѣтъ, и пересоздаться по образцу, предлагаемому штундизмомъ, или должно исчезнуть съ лица земли. Отрицая существующія формы общественной жизни, штундисты, между прочимъ, говорятъ: теперь существуютъ въ обществѣ суды, но суды эти убиваютъ человѣка духовно; слѣд.,

болѣе существовать не могутъ. Общество должно „признать судьей совѣсть, а братья не то должны рѣшать, виновенъ или нѣтъ совершившій преступленіе, а то, почему онъ это сдѣлалъ“. Теперь повсюду остроги, за тяжкія преступленія ждетъ каторга и даже смертная казнь. Но преступникъ— потому и преступникъ, что „творитъ по невѣдѣнію.“ Теперь война благословляется, воинство называется христолюбивымъ: „братья“ не знаютъ войны,—она зло. Даже условно нельзя признать за обществомъ права оружія: бьющій мечемъ долженъ погибнуть отъ меча. Равнымъ образомъ не должны существовать клятва, договоры, присяга: они въ обществѣ „святыхъ братьевъ“—contradictio in adiecto,—мѣста не имѣютъ.

Но что-же, однако, штундизмъ предлагаетъ на мѣсто этихъ отрицаемыхъ формъ общественной жизни? Ничто иное, какъ коммунизмъ и соціализмъ: если будутъ проведены въ жизнь эти два начала, тогда „новый союзъ“ братьевъ будетъ фактомъ. Еще при самомъ возникновеніи штундизма, люди дальновидные выражали опасеніе, что штундизмъ, начавъ съ отрицанія церкви и всего святаго для русскаго народа, можетъ послѣдовательно дойти до отрицанія и власти, освященной церковью, и говорили: „здѣсь есть надъ чѣмъ призадуматься“! Одинъ изслѣдователь сектантства — также очень давно (лѣтъ 30 назадъ) писалъ: „коммунизмъ есть та удочка, на которую штундовые удятъ неофитовъ“. Вотъ рядъ

выводовъ, по коимъ штундовые объясняютъ коммунизмъ. „І. Христосъ, говорятъ они, пострадалъ за весь родъ человѣческій; слѣд., и любовь Его ко всѣмъ людямъ равна; если любовь І. Христа ко всѣмъ одинакова, то и блага міра сего должны быть раздѣлены между людьми тоже поровну; а какъ состояніе и земля суть блага міра сего, то слѣд., какъ первое, такъ и вторая должны быть раздѣлены поровну между всѣми живущими людьми“. Это было сказано слишкомъ 30 лѣтъ тому назадъ, въ настоящее же время штундисты вполнѣ оправдываютъ такой отзывъ объ нихъ: они, дѣйствительно, коммунисты и соціалисты, такъ, что, по общему отзыву миссіонеровъ, современный штундизмъ—секта столько-же антицерковная, сколько антигосударственная съ соціальной нѣмецкой подкладкой. Что все это такъ, можно усматривать изъ слѣдующихъ открыто высказываемыхъ штундистами мыслей (мы опять приводимъ слова штундистовъ буквально): „попы проповѣдуютъ вѣру, эта вѣра—не та, которую намъ нужно, эта вѣра—языческая, и мы ее отвергаемъ; наша вѣра будетъ вотъ какова: свобода, равенство и братство“. Въ 1889 г. южнорусская печать сообщала о существованіи среди штундистовъ цѣлой теоріи будущаго гражданскаго устройства Новороссіи, при чемъ теорія эта отождествляетъ пропаганду штунды съ пропагандой нѣмецкаго соціализма. Штундизмъ откровенно заявляетъ: „теперь насъ 50, можетъ

быть, тысячъ, чрезъ 5—10 лѣтъ намъ полгосударства отойдетъ"; „теперь молчимъ и подати платимъ и всѣ казенныя повинности исправно выполняемъ, а скоро наступитъ такая пора, когда и патлатымъ и тому, кто ими командуетъ, скажемъ: „молчать"! „Нынѣ,—говоритъ еще штундизмъ,—воскресъ духъ Христа въ сердцахъ Его братьевъ, открылось Слово Божіе, сокровенное отъ вѣковъ и родовъ: нынѣ будетъ отнята сила у всякаго начальства; оно будетъ подвергнуто позору, фарисеи (т. е. священники) и саддукеи (т. е. чиновники) — солома, солому эту сожгутъ, когда народъ освободится отъ рабства и станетъ пшеницей Божіей", т. е. когда поголовно перейдетъ въ штундизмъ. Въ своемъ настроеніи противъ власти штундизмъ доходитъ до фанатизма. Такъ разсказываютъ, что одна штундистка Анна Ганичева рѣшила „идти въ Петербургъ, чтобы землю скорѣе раздѣлили и правильнѣе разложили подати". Случаевъ дѣйствительнаго сопротивленія штундистовъ властямъ извѣстно очень много. Когда сельскія власти, желая заставить того или другого штундиста исполнить законное требованіе, напоминали объ исправникѣ или становомъ, то обыкновенно слышали отъ него отвѣтъ: „я знать не хочу ни станового пристава, ни исправника, ни губернатора". До самаго послѣдняго времени въ своихъ отношеніяхъ къ властямъ, штундизмъ продолжаетъ не только быть вѣрнымъ себѣ, но и до-

развиваетъ свои разрушительно-отрицательныя начала.

Итакъ, „новый союзъ братьевъ“, „истинная церковь“, „святое соединеніе“, о которыхъ такъ много говорятъ штундисты, есть ничто иное, какъ осуществленіе началъ коммунизма и соціализма съ признаками анархіи. Нашъ простой народъ, лукаво отторгнутый отъ Церкви, отъ которой онъ получалъ искони все свое духовное достояніе, легко уже далѣе поддается всякому вѣтру ученія, и въ томъ числѣ и коммунѣ и соціализму. Итакъ, повторяемъ: штундизмъ есть секта не только антицерковная, но и антигосударственная.

III.

Пашковщина.

Въ то самое время, когда на югѣ Россіи расцвѣла народная штунда и вспыхнула, по выраженію преосвящ. Амвросія, „нравственно-политическимъ пожаромъ въ нашемъ отечествѣ“, въ сѣверной столицѣ зарождалась также своего рода штунда, — только аристократическая. Говоря это, мы разумѣемъ пашковщину, которая во многихъ отношеніяхъ имѣетъ сходство со штундою. О взаимномъ отношеніи пашковщины со штундою будетъ рѣчь ниже; теперь же позволимъ себѣ припомнить тѣ обстоятельства, при которыхъ возникла пашковщина въ Петербургѣ. Если для народной южной штунды нашлась благопріятная почва, то еще болѣе благопріятная почва оказалась въ Петербургѣ для пашковщины. Шестидесятые года почти совершенно разрушили вѣру въ нѣкоторой части нашего общества. На всѣ стороны общественной жизни были усвоены либеральныя воззрѣнія; жизнь со всѣми своими мелочами текла вполнѣ согласно съ этими воззрѣніями. Либеральная западная наука и цивили-

зація, такъ сказать, насквозь пропитала русскую жизнь. Оставалась только непоколеблемою и неизмѣнною наша Православная Церковь, которая никакъ не мирилась съ такою наукою и жизнію. Очевидно, обществу оставалось одно изъ двухъ: или отречься отъ западной цивилизаціи и отъ всего, что чрезъ нее привнесено въ жизнь противнаго духу православной вѣры и церкви, или же измѣнить самую вѣру, такъ чтобы она не стояла въ рѣзкомъ противорѣчіи съ жизнію. Для того, чтобы рѣшиться на первое—нуженъ былъ подвигъ, нужно было заразъ отказаться отъ множества вошедшихъ въ жизнь привычекъ, нравовъ и обычаевъ. Но и безъ вѣры общество жить не можетъ. Среди всѣхъ роскошей жизни, среди всѣхъ наслажденій свѣта не всякій способенъ закружиться до того, чтобы атрофировать въ себѣ потребность религіи; время отъ времени она сказывается невыразимой тоскою. Особенно неспособна отрѣшиться отъ этой потребности женщина, въ самой природѣ которой избытокъ религіознаго элемента. Между тѣмъ отъ Православной Церкви зараженные западнымъ либерализмомъ успѣли отвыкнуть, глубокій смыслъ ученія ея перестали понимать, требованій ея не въ силахъ были исполнять. Таковые изъ общества, томимые неудовлетворимостью главной потребности духа, обыкновенно кидаются на призывъ перваго пришельца, который сумѣетъ заговорить языкомъ доступнымъ ихъ разумѣнію, сумѣетъ затронуть

ихъ чувства предложеніемъ доступной имъ формы религіи, которая давала бы имъ возможность успокоиться безъ особенной борьбы съ своими нравственными недугами.

Когда въ Петербургѣ подобнымъ образомъ были настроены очень многіе изъ высшаго круга, тогда (именно въ 1874 г.) и явился туда оригинальный проповѣдникъ, англійскій лордъ Гренвиль Редстокъ. Вслѣдствіе разныхъ жизненныхъ обстоятельствъ, проникнутый страстію къ миссіонерству и пропагандѣ своихъ воззрѣній, этотъ лордъ, кромѣ Англіи, въ продолжаніе долгаго времени проповѣдывалъ во Франціи и въ Швейцаріи, пока не достигъ и предѣловъ Россіи. Оригинальный способъ проповѣди, состоявшій въ безыскусственномъ, импровизованномъ объясненіи Свящ. Писанія, сопровождаемомъ колѣнопреклоненными, также импровизованными молитвами, пѣніемъ особыхъ стиховъ и т. п., вездѣ привлекалъ къ нему немало слушателей. Слухъ о новомъ проповѣдникѣ быстро распространился по Петербургу и заставилъ встрепенуться сердца той части Петербургскаго общества, которая падка до всякихъ новинокъ. А въ данномъ случаѣ новинка была немалая: англійскій лодрь — въ роли проповѣдника, миссіонера въ статскомъ платьѣ—какъ хотите — рѣдкость! А когда пронеслись слухи объ особенныхъ пріемахъ проповѣдника и о содержаніи его проповѣдей, то интересъ петербуржцевъ къ этой новинкѣ удвоился. Поэтому нечего

удивляться тому, что скоро же въ проповѣдническую залу лорда стало стекаться аристократическое общество, изъ котораго многіе сдѣлались ревностными послѣдователями Редстока и образовали изъ себя секту *редстокистовъ*. Между тѣмъ, самое содержаніе проповѣдей Редстока, хотя оно представляло собою ничто иное, какъ только развитіе идей протестантства съ примѣсью методизма, для русскихъ было ново и привлекательно. Главнымъ пунктомъ его проповѣдничества былъ вопросъ объ оправданіи одною вѣрою; добрыя же дѣла въ этомъ случаѣ могутъ служить только тормазомъ, задерживающимъ человѣческое спасеніе; отсюда у Редстока, вытекало отверженіе такихъ вспомогательныхъ и необходимыхъ средствъ нравственнаго преуспѣянія и спасенія человѣка, какъ обряды и таинства, — и самой церкви. По словамъ самого Редстока, „онъ понялъ, что прощеніе грѣховъ за добрыя дѣла невозможно; что грѣхи могутъ быть омыты только кровію Христа, а эта кровь уже пролита и омываетъ чувствующаго свою немощь и принимающаго Христа, какъ единаго Спасителя и единаго Ходатая между Богомъ и человѣкомъ, — слѣд., всѣ принявшіе Христа спасены, и имъ нечего безпокоиться за себя и плакать: сердце ихъ полно радости всесовершенной.“ Не мѣсто здѣсь подробно разъяснять — чего не понялъ Редстокъ, вслѣдствіе чего его ученіе „объ оправданіи“ есть отрицаніе самыхъ существенныхъ требованій христіанства,

безъ выполненія которыхъ и кровь Богочеловѣка можетъ не быть спасительною для человѣчества, вслѣдствіе чего и радоваться пока еще нечему. Замѣтимъ только, что подобное ученіе самымъ прямымъ путемъ ведетъ ко всѣмъ крайностямъ нравственной распущенности, успокоивая совѣсть человѣка тѣмъ, что дѣло сдѣлано, и съ его стороны не требуется никакой борьбы съ злыми влеченіями ради нравственнаго самоусовершенствованія. Такое ученіе мы назвали привлекательнымъ, и не безъ основанія: освобожденіе человѣка отъ многихъ сложныхъ обязанностей, возлагаемыхъ на него христіанствомъ, какъ нельзя болѣе желательно въ томъ классѣ общества, гдѣ, за ежедневной суетою, погонею за удовольствіями, мало остается времени заглянуть внутрь себя и подумать о своемъ спасеніи.

Однимъ изъ самыхъ усердныхъ посѣтителей и слушателей Редстока былъ весьма богатый помѣщикъ, полковникъ Василій Александровичъ Пашковъ, которому и суждено было получить печальную извѣстность основателя секты, почему она стала называться по его фамиліи, хотя въ сущности онъ былъ только продолжателемъ дѣла Редстока. До своего увлеченія редстоковскимъ ученіемъ Пашковъ былъ самый обыкновенный аристократъ — богатый помѣщикъ, проводившій время среди разнообразныхъ свѣтскихъ удовольствій и развлеченій; къ религіи онъ относился холодно и даже пренебрежительно. На проповѣдь

Редстока онъ пошелъ, вѣроятно, какъ и большинство, ради новости развлеченія. Не рѣшаемся брать на свою совѣсть рѣшенія вопроса, — дѣйствительно-ли проповѣдь Редстока произвела на Пашкова такое могучее впечатлѣніе, что пересоздала его внутренній міръ и образовала рѣшимость жить по духу, или же просто ему понравилась въ Родстокѣ роль проповѣдника, котораго всѣ такъ слушаютъ, который въ продоженіе долгихъ часовъ является предметомъ общаго вниманія, и Пашкову захотѣлось самому пережить то же состояніе и сдѣлаться проповѣдникомъ *). Какъ бы то ни было, Пашковъ сдѣлался усерднѣйшимъ продолжателемъ дѣла Редстока: благо-

*) Самъ Пашковъ объясняетъ дѣло, конечно, въ первомъ смыслѣ. Въ своемъ profession de foi, напечатанномъ въ Церк. Вѣст. за 1880 г. № 19, онъ пишетъ: „когда-то я былъ безъ Христа, чуждъ завѣтовъ обѣтованія, не имѣлъ надежды и былъ безбожникомъ въ мірѣ. Законъ Божій былъ для меня мертвою буквою, я руководился почти исключительно правилами человѣческими, живя для себя, пытаясь въ самыя лучшія минуты жизни совмѣстить несовмѣстимое, т. е служить двумъ господамъ *Я былъ другомъ міру, не понимая, что дружба съ міромъ есть вражда противъ Бога;* я жилъ по волѣ князя міра сего, а вмѣстѣ съ тѣмъ боялся окончательно разсориться съ Богомъ. . Настало время, когда явилась мнѣ благодать Божія, спасительная для всѣхъ человѣковъ, когда Господу благоугодно было дать мнѣ понять, что Христосъ, умирая за грѣхи міра, отвѣтилъ и за грѣхи мои. . Озаренный свѣтомъ слова Господня, я увидѣлъ себя отчужденнымъ и врагомъ по расположенію къ злымъ дѣламъ, понялъ, что я—грѣшникъ погибшій, что ничего не въ состояніи сдѣлать для своего спасенія... Я довѣрился Спасителю моему, въ Которомъ и имѣю теперь жизнь вѣчную. Господь принялъ меня, какъ принимаетъ всякаго приходящаго къ Нему; я теперь принадлежу не себѣ, а Ему, живу не для себя, но для умершаго за меня и воскресшаго Христа“.

даря ему, сѣмена, посѣянныя лордомъ — проповѣдникомъ, дали хорошій всходъ на русской почвѣ. Открывши проповѣднические собранія въ своихъ обширныхъ петербургскихъ домахъ, Пашковъ постарался расширить кругъ своихъ слушателей: кромѣ аристократіи, ему хотѣлось привлечь на свои бесѣды и простой народъ; это скоро ему удалось, благодаря, вѣроятно, особенно тому обстоятельству, что болѣе бѣднымъ посѣтителямъ онъ послѣ бесѣды оказывалъ вспомоществованіе то деньгами, то одеждой. Но Пашкову хотѣлось еще шире поставить дѣло своей пропаганды среди народа. Съ этою цѣлію онъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими вліятельными лицами г. Петербурга образовалъ „Общество поощренія дух.-нравственнаго чтенія“, которое, по видимой его полезности и благонамѣренности, было утверждено министромъ Внутр. Дѣлъ 4 ноября 1876 г. *). На самомъ же дѣлѣ задачею этого общества было распространеніе среди народа брошюръ съ протестантскими тенденціями, изложенными въ популярной формѣ: брошюры эти съ одной стороны были переводныя, а съ другой представляли собою искусственный подборъ текстовъ изъ Свящ. Писанія и святоотеческихъ твореній, благопріятствующихъ пашковскому ученію; цѣна этихъ брошюръ была назначена весьма низ-

*) Впрочемъ, не мѣшаетъ замѣтить, что въ то время министромъ внутреннихъ дѣлъ былъ г. Тимашевъ, родственникъ Пашкова.

кая: 1 к. — 1½ к., благодаря чему онѣ распространялись въ народѣ весьма быстро и, конечно, производили свое вліяніе. Той же цѣли, т. е. пропагандѣ протестантскихъ идей, служилъ еще иллюстрированный журналъ „Русскій рабочій“. Помимо всего этого, Пашковъ и его сотрудники для распространенія своихъ заблужденій употребляли слѣдующій довольно своеобразный способъ. Новый Завѣтъ (а иногда и всю Библію) на русскомъ языкѣ они испестрили многочисленными отмѣтками,—подчеркнули въ немъ всѣ тѣ мѣста, которыя извѣстнымъ образомъ могутъ быть истолкованы въ пользу протестантскаго ученія. Въ данномъ случаѣ, понятно, они руководились тѣмъ психологическимъ соображеніемъ, что человѣку свойственно во всякой книгѣ обращать преимущественное вниманіе на тѣ мѣста ея, которыя такъ или иначе отмѣчены. Наконецъ, говоря о средствахъ пропаганды Пашковымъ и К°, нельзя пройти молчаніемъ матеріальныхъ средствъ. Располагая огромнымъ состояніемъ, Пашковъ и нѣкоторые его сотрудники не щадятъ его на излюбленное дѣло, чѣмъ весьма и весьма сильно поддерживаютъ секту. Между прочимъ, Пашковъ въ Петербургѣ устроилъ дешевую столовую, чрезъ которую довольно широко ведется дѣло пропаганды *).

*) Столовая эта находится на углу Большой Самсоньевской улицы. Въ услуженіи при этой столовой находятся, обыкновенно, люди уже проникнутые пашковскимъ лжеученіемъ; если же за кѣмъ замѣчалось,

Всѣ изложенныя обстоятельства первоначальнаго возникновенія секты пашковцевъ и затѣмъ довольно быстраго ея распространенія не могли, конечно, не обратить на себя вниманія гражданской и церковной власти. Когда бесѣды Пашкова въ Петербургѣ приняли очень широкіе размѣры и когда, съ другой стороны, сдѣлалось извѣстнымъ, что Пашковъ проповѣдуетъ на этихъ бесѣдахъ, — тогда послѣдовало воспрещеніе ему устраивать какъ въ своемъ домѣ, такъ и въ другихъ частныхъ и общественныхъ зданіяхъ, религіозно-нравственныя собранія. Это было въ 1877 г., т. е. спустя цѣлыхъ три года послѣ пріѣзда въ Петербургъ Редстока. Употребивъ эту наиболѣе дѣйствительную мѣру для ограниченія пашковской пропаганды, Правительство въ слѣдующемъ 1878 г. поручило церковной власти увѣщевать Пашкова и его единомышленниковъ оставить свое

что онъ держится убѣжденій православныхъ, то таковой подвергался нѣкоторымъ стѣсненіямъ. Напр., извѣстенъ такой фактъ. Въ услуженіи при дешевой столовой Пашкова вмѣстѣ съ другими находилась крестьянка Твер. у Маланьи Алексѣева 7 дек. 1882 г., возвратившись изъ бани, она нашла все свое имущество погибшимъ отъ пожара, происшедшаго въ ея отсутствіе. Она обратилась за помощію къ В. А. Пашкову въ полной увѣренности, что онъ поможетъ ей. Но каково же было ея разочарованіе, когда она выслушала рѣзкій отказъ, приправленный сектаторскимъ внушеніемъ: „такъ тебѣ и нужно, сказалъ онъ, это тебя Богъ наказалъ. Сколько разъ я тебя обличалъ, что ты облеклась въ діавола и не вѣруешь во Христа“.—„Какъ не вѣрую?!“ воскликнула несчастная женщина.“—„Да, не вѣруешь, продолжалъ Пашковъ, потому что ты ходила въ церковь, держала у себя иконы и засвѣчивала предъ ними лампадки. Нѣтъ тебѣ ничего, ступай—куда хочешь“. (Прав. Обозр. 1890 г., 2, стр. 4).

заблужденіе и присоединиться къ церкви. Затѣмъ, столичное духовенство и по собственной иниціативѣ стало устраивать бесѣды съ народомъ въ строго православномъ духѣ въ противовѣсъ пашковскому протестантизму, стало избирать предметомъ своихъ проповѣдей разборъ и обличеніе новаго лжеученія. Не ограничиваясь всѣмъ этимъ, столичное духовенство въ 1880 г. образовало еще особое общество, которое главною задачею своею поставило борьбу съ вновь появившимся лжеученіемъ. Между тѣмъ въ томъ же 1880 г. послѣдовало еще разъ воспрещеніе Пашкову устраивать воскресныя бесѣды. Въ виду, несомнѣнно, всѣхъ этихъ ограниченій, Пашковъ на время счелъ лучшимъ оставить Петербургъ и перенести свою дѣятельность во внутреннія губерніи: это для него было очень удобно, такъ какъ въ нѣсколькихъ губерніяхъ Пашковъ имѣетъ богатыя помѣстья. И вотъ заносятся сѣмена пашковскаго лжеученія въ губерніи Московскую, Нижегородскую, Тамбовскую, Тульскую и др. *). Но перенеся дѣятельность въ свои помѣстья, Пашковъ не забывалъ и Петербургъ: по временамъ онъ пріѣзжалъ сюда и открывалъ бесѣды, чѣмъ, конечно, воодушевлялъ своихъ послѣдователей, остававшихся въ Петербургѣ. Когда же, вѣроятно, газетные толки о пашковщинѣ попризамолкли,

*) Разсказываютъ, что въ своихъ помѣстьяхъ Пашковъ послѣ бесѣдъ устраивалъ для слушателей и угощеніе, при чемъ раздавалъ имъ брошюры.

и самъ Пашковъ пересталъ быть предметомъ этихъ толковъ, онъ возвратился въ Петербургъ, гдѣ снова началъ устраивать религіозно-нравственныя собранія. Къ этому времени относится выступленіе въ роли борца за православіе противъ пашковцевъ г. Богдановича (старосты Исаак. собора), который написалъ „Открытыя письма къ г. Пашкову"; въ нихъ авторомъ кратко изложено вѣроученіе пашковщины и указана неблаговидность средствъ, какими Пашковъ завлекалъ въ свою секту православныхъ, а затѣмъ сдѣланъ выводъ о вредѣ секты. Эти письма, а также начавшія мало-по-малу появляться газетныя замѣтки о новыхъ проявленіяхъ сектантской дѣятельности Пашкова и К° снова заставили Правительство обратить серьезное вниманіе на сектантовъ. Оно рѣшило принять болѣе энергичныя мѣры противъ зла. 24 мая 1884 года послѣдовало такого рода Высочайшее повелѣніе: „закрыть общество поощренія духовно-нравственнаго чтенія и принять мѣры къ прекращенію дальнѣйшаго распространенія ученія Пашкова на всемъ пространствѣ Имперіи". Послѣ этого, Св. Синодъ предписалъ епархіальнымъ архіереямъ, а Министерство Внутр. Дѣлъ—губернаторамъ—слѣдить за распространеніемъ лжеученія и немедленно доносить высшему начальству. Послѣ такого рода правительственнаго распоряженія, Пашкову не только неудобно, но почти невозможно было оставаться въ Петербургѣ: онъ уѣхалъ за границу

Сущность пашковскаго лжеученія можетъ быть выражена въ слѣдующихъ немногихъ словахъ: „вѣрь, что грѣхи твои искуплены кровію Христа, что ты спасенъ какъ-бы ты ни велъ себя, что-бы ты ни дѣлалъ, и ты дѣйствительно будешь спасенъ“, а г. Богдановичъ (бывш церк. староста Исаакіевскаго собора) выразилъ эту сущность только двумя словами: „мы спасены.“—Но если требуется яснѣе выразить ученіе Пашкова, то нужно обратить вниманіе на слѣдующіе главные пункты его: 1) спасеніе совершилось, и всѣ увѣровавшіе во Христа спасены; 2) спасеніе даровано намъ *даромъ* безъ всякаго содѣйствія съ нашей стороны; 3) человѣкъ спасается чрезъ одну вѣру во Христа и для усвоенія спасенія отъ него требуется только, чтобы созналъ себя грѣшникомъ, неспособнымъ собственными усиліями и стараніями умилостивить Бога и затѣмъ обратиться взоромъ къ Христу, увѣровать, что Онъ хочетъ спасти его и всю надежду возложить на искупительную жертву Христа; 4) каждый принявшій въ себя Христа непремѣнно творитъ добрыя дѣла, которыя не спасаютъ человѣка, а суть плоды вѣры; изъ нея они вытекаютъ сами собою. Изъ другихъ пунктовъ разсматриваемаго ученія обращаетъ на себя вниманіе еще слѣдующій: „церковь сама по себѣ, а прежде всего нужно искать Христа.“ Ограничившись указаніемъ этихъ главныхъ пунктовъ, *) мы посмотримъ теперь,

*) 20 пунктовъ пашковскаго лжеученія съ подробнымъ критическимъ

какіе логическіе выводы или слѣдствія вытекаютъ изъ нихъ. Прежде всего вытекаетъ отрицаніе значенія въ дѣлѣ спасенія всѣхъ внѣшнихъ средствъ. Въ самомъ дѣлѣ, если человѣкъ спасается одною вѣрою, однимъ даже приникновеніемъ мысли ко Христу, то къ чему всѣ эти посредства для спасенія; если, далѣе, Христосъ непосредственно имѣетъ тѣсное общеніе съ увѣровавшимъ, вселяется въ него, то для чего еще должны существовать церковь, таинства, іерархія—въ качествѣ условій для освященія и спасенія человѣка: освященіе и спасеніе совершается непосредственно однимъ Христомъ по вѣрѣ. Всѣ эти мысли необходимо содержатся въ главномъ пунктѣ пашковскаго ученія объ оправданіи одною вѣрою. По свидѣтельству одного изъ слушателей воскресныхъ бесѣдъ Пашкова г. Попова, Пашковъ проводилъ даже взглядъ на внѣшнія средства спасенія, какъ на измышленія діавола: всѣ эти средства спасенія суть стѣна, отдѣляющая человѣка отъ Бога (Церк. Вѣстн. 1880 г. № 10) Здѣсь Пашковъ пошелъ даже дальше Лютера, который, разсуждая о церковномъ строѣ подобнымъ-же образомъ, все-таки оставилъ за нимъ значеніе педагогическое, воспитательное, чего не признаетъ Пашковъ. Но все-таки, какъ видно изъ сказаннаго, новаго русскій проповѣд-

---

разборомъ ихъ изложены въ брошюрѣ „письма къ одному лицу въ Петербургѣ по поводу появленія тамъ новаго учителя вѣры“ С.П.-Бургъ, 1881 г.

никъ выдумалъ немного сравнительно съ нѣмецкими реформаторами XVI вѣка. Относительно добрыхъ дѣлъ г. Пашковъ учитъ такъ же, какъ нѣмецкіе реформаторы, именно, что они не имѣютъ въ дѣлѣ спасенія никакого значенія, и хотя онъ *прямо* не отрицаетъ ихъ необходимости, но каждый можетъ сдѣлать выводъ относительно ихъ необязательности. „Всѣ мы предъ Богомъ, говорится въ одной изъ брошюръ Пашковскаго изданія, не болѣе, какъ развращенные грѣшники, и вся наша праведность ненужный хламъ. Мы не можемъ разсчитывать на нее, а должны придти ко Христу, какъ нищіе, нагіе грѣшники, ища оправданія не въ дѣлахъ нашихъ, а въ нашей вѣрѣ. Представимъ себѣ эту нашу воображаемую праведность въ видѣ очень красивыхъ платьевъ, которыя нравятся намъ, но не нравятся Богу. Они не только не спасутъ, но могутъ погубить насъ, если мы положимся на нихъ. Навѣшивать на себя подобные наряды также безумно и опасно, какъ было-бы опасно для моряка во время кораблекрушенія нагружаться всѣмъ, что онъ можетъ захватить предъ тѣмъ, какъ бросаться въ воду, чтобы плыть къ берегу. Корабль можетъ потонуть при грузѣ изъ бриллiантовъ точно такъ же, какъ при грузѣ изъ простого камня“ *).

Ученіе Пашкова—не новое: оно ничего глубо-

*) „Выгода отъ потери,“ брош. стр. 6.

каго или оригинальнаго въ себѣ не заключаетъ, и однако, несмотря на это, оно успѣло привиться не только въ высшихъ классахъ русскаго общества, но проникло и въ среду простого народа, у котораго наиболѣе ярко обнаружились и плоды этого ученія. Кромѣ вышеразсмотрѣнныхъ условій и обстоятельствъ, въ объясненіе этого явленія нужно сказать еще то, что Пашковское ученіе предлагаетъ весьма легкій и удобный путь спасенія: оно освобождаетъ человѣка отъ весьма многихъ сложныхъ обязанностей, возлагаемыхъ на него христіанствомъ, успокоиваетъ совѣсть человѣка и такимъ образомъ представляетъ собою спекуляцію на счетъ человѣческой безпечности. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ мало успокоительнаго въ томъ, что разъ предъ лицемъ Бога добрыя дѣла не имѣютъ никакого значенія, то мы можемъ творить все, что намъ вздумается совершенно безнаказанно. Такое ученіе для простого народа, для массы положительно ядъ, вливаемый въ души простецовъ: у простецовъ религія и жизнь большею частію сливаются, и разъ простецъ во что повѣровалъ, то вѣра эта непосредственно отражается на жизнедѣятельности, на всѣхъ поступкахъ. Да и самая-то вѣра простеца всего лучше и виднѣе познается въ дѣйствіяхъ и поступкахъ. Простецъ большею частію не можетъ ясно формулировать отвлеченныя начала своей вѣры, но всегда вѣрно приложитъ эти начала къ жизни, разъ онъ проникся ими. Совер-

шенно подобное случилось почти со всѣми пашковцами—крестьянами, о которыхъ были судебные процессы въ Тверской губ. [1]). Насколько можно понять изъ показаній этихъ крестьянъ, они (за немногими исключеніями) довольно смутно представляютъ себѣ отвлеченное начало Пашковскаго лжеученія объ оправданіи одною вѣрою, но всѣ они (безъ исключенія) вполнѣ вѣрно приложили это ученіе къ жизни, именно перестали ходить въ церковь, перестали принимать священниковъ, отказались отъ принятія таинствъ и отъ богослуженія Православной Церкви, перестали затѣмъ почитать святыхъ и покланяться имъ, наконецъ, дошли до самообольщенія, что они уже не могутъ творить грѣховъ. Все это—такіе поступки и дѣйствія, которые, несомнѣнно, согласны съ основнымъ ученіемъ г. Пашкова, но повторяемъ, что самое это основное ученіе изъ яснаго представленія крестьянъ — сектантовъ нирѣдко ускользаетъ. Благодаря неясному теоретеческому усвоенію пашковскаго принципа, произошло то, что они совершенно темно представляютъ ученіе о таинствахъ. Не будучи, очевидно, въ силахъ совершенно отрѣшиться отъ прежнихъ вѣрованій, съ которыми они, конечно, сжились, которыя руководили ихъ жизнію, привыкши, однимъ словомъ, къ мысли о необходимости та-

---

1) См. объ этомъ очеркъ V: „Пашковцы по судебнымъ процессамъ о нихъ“.

инствъ, нѣкоторые сектанты—крестьяне и послѣ усвоенія пашковскаго лжеученія продолжаютъ признавать таинства, хотя и понимаютъ ихъ своеобразно и даже разногласятъ въ своихъ показаніяхъ о числѣ ихъ (вспомнимъ, напр., показаніе Орѣхова, что таинствъ 4 или 5 и показаніе Павла Павлова, говорившаго, что ихъ 3) [1]). Это показываетъ, что не всѣ пункты пашковскаго лжеученія отчетливо усвояются пашковцами—крестьянами (хотя-бы и передовыми); они всего лучше и яснѣе усвояютъ изъ него только то, что для нихъ болѣе понятно, что легче дается въ руки и что, наконецъ, болѣе приложимо къ жизни,—жизненнѣе. Поэтому мы замѣчаемъ, что излюбленнымъ предметомъ разсужденій крестьянъ—пашковцевъ является отрицаніе почитанія иконъ, мощей и всей богослужебной внѣшности и т. п. Но зато, съ другой стороны, замѣчается со стороны ихъ *привнесеніе* въ пашковское лжеученіе *кое-чего новаго,* въ чемъ уже обнаружилась самостоятельная работа русскаго ума, ставшаго на путь раціонализма. Въ этомъ отношеніи особенно

---

1) Пашковецъ Иванъ Кондратьевъ въ личной бесѣдѣ съ нами на вопросъ,—признаетъ-ли онъ таинства, отвѣчалъ „въ Евангеліи ничего не тайно, а все явно". Вотъ образецъ того, насколько опредѣленно представленіе крестьянъ-пашковцевъ, даже передовыхъ (каковымъ, несомнѣнно, является Кондратьевъ) о таинствахъ. А вотъ другой, еще болѣе поразительный случай невѣжественнаго отношенія пашковцевъ къ слову Божію Одна пашковка извѣстныя слова Спасителя „не клянись вовсе" (Матѳ. 5, 34) объяснила въ смыслѣ „не кланяйся вовсе"—ни святымъ, ни иконамъ.

характерно показаніе одного изъ подсудимыхъ пашковцевъ, что они вмѣсто иконъ покланяются другъ другу: въ этомъ обнаруживается преувеличенное уваженіе къ человѣческой личности (начало духоборческое). То же самое мы усматриваемъ въ показаніи Корчевскаго пашковца Ивана Петрова, который прямо выразился, что онъ „Богомъ признаетъ всякаго, кто дѣлаетъ добро“.— Хотя пункта о поклоненіи другъ другу не содержится прямо въ ученіи Пашкова, но все-таки онъ не находится въ противорѣчіи съ духомъ этого ученія, а напротивъ соотвѣтствуетъ ему. Вполнѣ естественно восчувствовать къ личности человѣка большее уваженіе, если признать, что человѣкъ чрезъ вѣру *непосредственно* соединяется со Христомъ и что послѣ этого уже не грѣшитъ. Значитъ, здѣсь простой умъ крестьянина далъ ученію Пашкова дальнѣйшее развитіе,—и кто знаетъ,—до какихъ крайностей въ своемъ развитіи дойдетъ ученіе Пашкова, если оно привьется среди простого народа.—Наконецъ, стоитъ обратить вниманіе на то, какъ нѣкоторые сектанты—крестьяне смотрятъ на таинство св. причащенія. Мы, говорятъ они, причащаемся каждый разъ, какъ пьемъ или ѣдимъ, или, по словамъ другихъ, когда преломляемъ хлѣбъ. Здѣсь опять выразился раціонализмъ въ толкованіи извѣстнаго мѣста изъ 1-го посланія ап. Павла къ Коринѳянамъ (11, 26). Не даетъ-ли все это права думать, что если простой русскій умъ станетъ въ пониманіи

св. Писанія на ложный путь, указываемый ему такими проповѣдниками, какъ Пашковъ, то онъ зайдетъ въ такія дебри всевозможныхъ заблужденій, что выходъ изъ нихъ на истинный путь будетъ ужъ весьма труденъ.

Пока пашковское ученіе было достояніемъ лицъ изъ интеллигенціи, особенно высшаго круга, до тѣхъ поръ оно выражалось въ свойственной имъ приличной формѣ. Но лишь только оно стало прививаться народу, какъ обнаружилось, что оно носитъ въ себѣ тѣ же разрушительные элементы, какъ и южная штунда. Прежде всего пашковщина, такъ сказать, народная отличается такими же дерзкими хулами на Православную Церковь и ея святыни, какъ и штунда. Изъ судебныхъ процессовъ о тверскихъ пашковцахъ—крестьянахъ обнаружилось, что послѣдніе такъ же, какъ штундисты, надругаются надъ иконами, мощами, святыми, праздниками, постами и. т. д. Такъ, по показанію свидѣтелей по дѣлу одного крестьянина Тверской губерніи Орѣхова, пашковцы о священныхъ предметахъ Прав. Церкви отзывались такъ, что „сказать нехорошо;“ святыхъ они называютъ уменьшительными именами, напр. Николкой, Нилкой и т. п. Излишне приводить еще примѣры подобнаго отношенія сектантовъ къ православной святынѣ, потому что оно было бы повтореніемъ того, что было сказано объ этомъ раньше.—Что касается политическихъ и соціальныхъ воззрѣній крестьянъ—пашковцевъ, то они не разработаны

и не развиты такъ подробно и обстоятельно, какъ у штундистовъ, но несомнѣнно, что въ сущности эти взгляды тѣ-же самые (за исключеніемъ, впрочемъ, нѣкоторыхъ штундистскихъ крайностей, напр., о штундовомъ нѣмецкомъ царѣ). Такъ, намъ извѣстны изъ судебныхъ процессовъ о тверскихъ пашковцахъ такія выраженія ихъ о властяхъ. Одинъ пашковецъ Воробьевъ, на основаніи 2-го псалма ст. 2 и 3, говорилъ: „кромѣ Бога, нами никто не управляетъ“, а жена его прибавила: „начальство учреждено *для дураковъ*, а для людей ищущихъ правды оно не нужно.“

Указывая на общія черты пашковщины со штундизмомъ, мы однако не смѣшиваемъ ихъ между собою. При выясненіи характера штундизма мы видѣли, что ему въ значительной степени, на ряду съ раціонализмомъ, сроденъ и мистицизмъ, что особенно ясно видно изъ ученія его о духовномъ озареніи. Раціонализмъ же пашковцевъ въ области вѣры пошелъ дальше. Религіозная мысль штундиста занимается еще многими религіозными вопросами, такъ или иначе еще рѣшаетъ эти вопросы. Въ пашковщинѣ же всѣ эти вопросы считаются лишними, кромѣ одного — о вѣрѣ въ свое спасеніе, такъ что, по замѣчанію г. Богдановича, вся догматика пашковцевъ можетъ быть выражена словами: „мы спасены“. И еще одна черта довольно опредѣленно отличаетъ пашковцевъ отъ штундистовъ: послѣдніе очень много говорятъ о добрыхъ дѣлахъ, признавая ихъ

необходимыми для спасенія, первые же (т. е. пашковцы) добрымъ дѣламъ не придаютъ никакого значенія для спасенія, говоря, что довольно проникнуться мыслію о Христѣ и крестѣ, чтобы изъ грѣшника сдѣлаться святымъ безъ всякаго духовно-нравственнаго подвига.

Говоря о пашковщинѣ, должно обратить особенное вниманіе на ея развитіе среди аристократіи и интеллигенціи. Это обстоятельство придаетъ ей особенно важное значеніе среди всего протестантствующаго сектантскаго міра. Достовѣрно извѣстно, что многіе петербургскіе пашковцы и особенно пашковки изъ высшаго круга имѣютъ сношеніе со штундистами, поддерживаютъ ихъ, ободряютъ и, такъ сказать, доразвиваютъ ихъ отрицательныя религіозно-политическія воззрѣнія. Въ рукахъ пашковцевъ — интеллигентовъ находится очень много разнообразныхъ средствъ пропаганды. Выше мы уже упомянули объ устройствѣ проповѣдническихъ собраній, объ изданіи брошюръ и журнала, о благотворительности, какъ о способахъ привлеченія народа въ пашковскую секту. Но, кромѣ этого, пашковцы-интеллигенты въ послѣднее время стали совершать „походъ“ въ народъ, подобно тому какъ совершали его наши либералы въ 60-хъ годахъ. Но въ 60-хъ годахъ походъ въ народъ былъ неудаченъ вслѣдствіе того, что тогда „интеллигенція“ „подходила къ народу очень грубо и слишкомъ прямо обнажила свое нигилистическое міросозерцаніе, діаметрально проти-

воположное міросозерцанію набожнаго народа. Теперь же эта пропаганда начинаетъ принимать болѣе тонкія и болѣе обманчивыя формы, являясь, по выраженію одного изъ изслѣдователей современнаго сектантства, „въ библейской оправѣ раціоналистическаго сектантства“. По сообщенію спеціальнаго органа о современномъ сектантствѣ (Миссіон. Обозр.), въ настоящее время народился особый типъ странниковъ-пропагандистовъ. „Извѣстно, говорится въ этомъ органѣ, что народъ нашъ искони любитъ странничковъ Божіихъ и относится къ нимъ съ полнымъ довѣріемъ. И вотъ въ послѣднее время иногда появляются странники, по внѣшнему своему виду ничѣмъ не отличающіеся отъ традиціоннаго типа странниковъ. Тотъ же длинный кафтанъ, отращенные волосы, котомка за плечами, посохъ въ рукѣ. Появляются они въ монастыряхъ, заходятъ въ церковь и повидимому молятся, крестятся. Затѣмъ, безъ всякаго труда сходятся съ простымъ людомъ, съ богомольцами, которые всегда не прочь послушать интереснаго разсказчика, много на своемъ вѣку исходившаго по св. мѣстамъ. И вотъ тутъ-то начинается пропаганда сектантства, пропаганда осторожная, ловкая, замаскированная, медленно вливающая ядъ духовнаго растлѣнія въ раскрытое довѣріемъ сердце простолюдиновъ, особенно изъ богомольцевъ“. По удостовѣренію того же органа, странники-сектанты бываютъ чаще всего изъ фанатичныхъ добровольцевъ-интелли-

гентовъ, чѣмъ изъ простолюдиновъ. Такъ, въ 1894 году въ Кіевскихъ обителяхъ появился изъ далекаго Сѣвера (Архангельска) такой интеллигентъ, проповѣдникъ пашковщины: молодой человѣкъ занималъ хорошо обезпеченное мѣсто (въ 1200 руб. жалованья); совращенный теперь петербургскими „дамами большого свѣта“ въ пашковскую секту, онъ оставилъ домъ, родную семью, старика-отца и, одѣвшись въ подбитый вѣтромъ полукафтанъ, пошелъ странствовать по бѣлу-свѣту съ проповѣдью о спасеніи одною вѣрою, безъ церкви, таинствъ, безъ креста, поста и попа. Въ Курскѣ присталъ къ сектанту-пилигриму какой-то недужный шальной купеческій сынъ. Самозванные учители сняли въ Кіевѣ квартиру, туда зазывали изъ ночлежныхъ домовъ и монастырскихъ страннопріимницъ слушателей и слушательницъ изъ простого народа и вели съ ними бесѣды о вѣрѣ по цѣлымъ ночамъ, пѣли и пили чай“ (Мис.Обозр.1896 годъ,февраль стр. 38—39). Пашковцы и пашковки изъ интеллигенціи, стараясь лично пропагандировать излюбленное ими ученіе среди народа, еще болѣе заботятся о томъ, чтобы изъ самаго народа подготовить надежныхъ и убѣжденныхъ проповѣдниковъ, которые бы, выйдя изъ народа, могли говорить съ нимъ о вѣрѣ на вполнѣ понятномъ для него языкѣ. И въ этомъ отношеніи они достигли немалаго успѣха. Теперь—не рѣдкость встрѣтить мужика или рабочаго—проповѣдника, которые, подъ руководствомъ

продолжателей дѣла Пашкова, до того изучили библію, что безъ затрудненія приводятъ десятки нужныхъ имъ текстовъ, которые всѣ подобраны искусно для доказательства ихъ сектантскаго ученія!—Мы лично имѣли случай неоднократно бесѣдовать съ такими мужиками-пропагандистами и можемъ засвидѣтельствовать, что знаніе ими нужныхъ текстовъ замѣчательно, — но только именно въ этихъ текстахъ они сильны и находятся среди нихъ, какъ въ какомъ-то заколдованномъ кругѣ.

Итакъ, намъ представляется, что дѣятельное участіе пашковцевъ и пашковистокъ изъ высшаго круга въ пропагандѣ сектантства, ихъ сочувственное отношеніе къ сектантству народному, вливаетъ во все русское сектантство свѣжую струю, даетъ ему новыя силы, дѣлаетъ его болѣе смѣлымъ и дерзкимъ. Извѣстно, что штундисты весьма гордятся тѣмъ, что въ Петербургѣ у нихъ есть сильные и образованные покровители. Мало этого, дѣлая заключеніе отъ частнаго къ общему, они нерѣдко высказывали мысль, что ихъ сторону держитъ большинство лицъ, власть имущихъ. Отсюда проистекали ихъ смѣлыя попытки получить полную религіозную свободу; отсюда ихъ многочисленныя депутаціи въ Петербургъ и прошенія даже на имя самого Государя Императора.

IV.

Сютаевщина.

Подъ вліяніемъ многоразличныхъ причинъ, о которыхъ въ послѣднее время говорилось немало и въ повременныхъ изданіяхъ и въ спеціальныхъ изслѣдованіяхъ, въ 60-хъ и 70-хъ годахъ минувшаго столѣтія весьма замѣтно стало усиливаться сектантское движеніе одновременно въ разныхъ мѣстахъ Россіи [1]). Проявляясь въ формѣ то чистаго мистицизма, то мистико-раціонализма, а преимущественно въ формѣ раціонализма, движеніе это является особенно замѣтнымъ на югѣ Россіи. Но въ то же время и не безъ нѣкоторой связи съ южнорусскимъ сектантствомъ оно обнаружилось по поволжью и далѣе—къ сѣверу. Въ 60-хъ и 70-хъ годахъ въ губерніяхъ Нижегородской и Костромской стала быстро распространяться секта—извѣстная подъ названіемъ „немоляковъ“, съ характеромъ раціоналистическимъ и отрицательнымъ; распространеніе ея, хотя не настолько

[1]) См. о семъ въ изслѣдованіи о. Рождественскаго „Южно-русскій штундизмъ.“ СПБ. 1889. Здѣсь указаны, м. пр, и тѣ статьи и замѣтки, въ которыхъ можно находить свѣдѣнія о сектантскомъ движеніи 50-хъ, 60-хъ и 70-хъ годовъ минувшаго столѣтія.

замѣтное, пошло потомъ далѣе—къ сѣверу — въ губерніи Вятскую и Пермскую и достигло Сибири. Но изъ поволжскихъ губерній, расположенныхъ по верхней Волгѣ до ея, такъ сказать, загиба къ югу, въ разсматриваемомъ отношеніи заслуживаетъ, кажется, преимущественнаго вниманія губернія Тверская. Здѣсь сектантское движеніе нашло для себя почему-то особенно благопріятную почву и отлилось въ нѣкоторыя совершенно своеобразныя формы. Намъ кажется, что пока еще рано доискиваться глубокихъ причинъ этого явленія: прежде этого необходимо близкое и обстоятельное знакомство съ характеромъ сектантскаго движенія, чтобы потомъ говорить о причинахъ его.

Къ тому времени, когда въ Петербургѣ явился въ аристократическомъ кругу модный проповѣдникъ, лордъ-апостолъ, какъ его не безъ иронiи называютъ, Гренвиль Редстокъ, въ Тверской губерніи была уже благопріятная почва для воспріемлемости сѣмянъ ученія этого непризваннаго „апостола“. Здѣсь, кромѣ распространенія секты „немоляковъ“, послѣдователи которой должны быть весьма воспріимчивы къ ученію Редстока, въ то же время усердно уже занимались распространеніемъ брошюръ съ протестантскими тенденціями книгоноши англійскаго библейскаго общества [1]). Поэтому нечего удивляться, что когда

[1]) См. о семъ статью въ Прав. Об. 1883, 1, стр. 552 и др. „Къ вопросу о русскомъ сектантствѣ“ М А. *Куплетскаго.*

ревностный послѣдователь Редстока г. Пашковъ съ усердіемъ, достойнымъ лучшаго дѣла,—самъ непосредственно и чрезъ своихъ агентовъ,—сталъ распространять свое лжеученіе, то среди населенія нѣкоторыхъ мѣстностей Тверской губерніи нашелъ немало послѣдователей. Этому значительно способствовало и то обстоятельство, что многіе жители нѣкоторыхъ уѣздовъ Тверской губерніи отправляются на заработки въ Петербургъ, гдѣ они непосредственно могли знакомиться съ проповѣдью Пашкова. Сосѣдство Тверской и Петербургской губерній точно такъ же сыграло въ данномъ случаѣ свою роль. Однимъ словомъ, намъ представляется довольно понятнымъ, что вскорѣ же послѣ обнаруженія пашковскаго ученія въ Петербургѣ, оно явилось и въ Тверской губерніи. Въ десятилѣтній періодъ времени—отъ начала восьмидесятыхъ годовъ [1]) пашковщина обнаружилась съ полною опредѣленностію, насколько намъ извѣстно, въ слѣдующихъ уѣздахъ Тверской губерніи: Новоторжскомъ, Бѣжецкомъ, частію Корчевскомъ, Вышневолоцкомъ и Старицкомъ; несомнѣнно, послѣдователи ея имѣются и въ другихъ уѣздахъ, но мы пока не имѣемъ опредѣленныхъ объ этомъ извѣстій и свѣдѣній, а потому и не говоримъ о томъ.

Извѣстно, что сектантское движеніе, подгото-

---

[1]) Статья „Пашковцы въ Тверской епархіи," изъ которой заимствованъ этотъ очеркъ о сютаевцахъ, была напечатана въ 1893 году въ Тверскихъ Епарх. Вѣд.

вившее, такъ сказать, благопріятную почву для пашковщины, а потомъ развившееся и болѣе опредѣлившееся подъ несомнѣннымъ вліяніемъ ея, обнаружилось въ Новоторжскомъ уѣздѣ почти въ одно время съ проповѣдничествомъ въ Петербургѣ г. Редстока, а за нимъ и Пашкова. Уже въ 1876 году (черезъ два года по прибытіи Редстока въ Петербургъ) священникъ села Яконова доносилъ полиціи, что въ деревнѣ Шевелинѣ (Повѣдской вол., быв. Шевковской) появился сектантъ Василій Кирилловъ Сютаевъ, который отказывается крестить своего внука. На допросѣ Сютаевъ показалъ, что не креститъ внука потому, что въ писаніи сказано: „покайтесь и пусть крестится каждый изъ васъ"; а ребенокъ каяться еще не можетъ. Когда же, по порученію Тверской консисторіи, священникъ дѣлалъ Сютаеву „первоначальное увѣщаніе", то онъ сказалъ, что потому-де прекратилъ посѣщеніе церкви, что „не понималъ ничего изъ чтенія и пѣнія въ церкви, не зналъ даже евангелія, которое прихожанамъ не объясняется, и, словомъ, во тмѣ оставался". Въ 1877 году тотъ же священникъ дѣлаетъ новый доносъ полиціи, въ которомъ пишетъ, что Сютаевъ распространяетъ свою ересь, и что секта эта—„не евангелисты, а соціалисты", которые не признаютъ властей [1]). Ко времени этихъ доносовъ Яконовскаго священника пашковское ученіе могло

[1]) Рус Мысль 1881 г., октябрь, стр. 120—121

уже свободно достичь Новоторжскихъ предѣловъ,— и дѣйствительно, мы имѣемъ цѣлый рядъ указаній на то, что такъ называемые сютаевцы находились подъ сильнымъ его вліяніемъ. Такъ, судебный слѣдователь г. Губченко въ разговорѣ съ А. С. Пругавинымъ высказалъ, что жители дер. Шевелина, будучи по ремеслу каменщиками, бываютъ въ Петербургѣ, знаютъ о Пашковѣ; къ этому онъ присовокупилъ, что пашковцы не разъ присылали въ Тверь разныя книжки для передачи сютаевцамъ [1]). Затѣмъ, священникъ с. Яконова сообщалъ Пругавину, что онъ дознался о происхожденіи сютаевской ереси и узналъ, что она идетъ „изъ Питера, отъ барона“ (вѣроятно, разумѣется баронъ Корфъ, или же самъ Редстокъ). Но что особенно важно, такъ это то, что сыновья Сютаева были знакомы съ Пашковымъ и его воззрѣніями и неоднократно бывали на его бесѣдахъ въ Петербургѣ [2]) и что наконецъ, пашковцы не разъ присылали брошюры на имя Сютаева. Все это насъ убѣждаетъ въ томъ, что развитіе сютаевщины происходило подъ сильнымъ вліяніемъ пашковщины [3]), Этому выводу противорѣ-

---

[1]) Рус. Мысль 1881 г., октябрь, стр 222.

[2]) По сознанію самого Сютаева, сынъ его—*первый* пришелъ къ мысли, что торговля—грѣхъ, и, несмотря на убѣжденія отца, оставляетъ торговлю и идетъ въ каменотесы.

[3]) Поэтому одинъ изслѣдователь сектантства прямо называетъ Сютаева *пашковцемъ* и находитъ вовсе неумѣстнымъ говорить о какой-то сектѣ сютаевской;—это, по его словамъ, *мнимая* секта. (М. А. *Куплетскій* По вопросу о русскомъ сектантствѣ, Прав. Об. 1883 г., 1, стр 573 и

читъ, повидимому, то обстоятельство, что ученіе Сютаева значительно разнится отъ ученія пашковскаго. Въ то время, какъ пашковцы учатъ объ оправданіи одною вѣрою, предполагая, что вся религія—въ теоретическомъ признаніи искупительныхъ заслугъ Христовыхъ и въ твердомъ убѣжденіи, что „мы спасены“ [1]), сютаевцы уклонились въ неправильное пониманіе любви, какъ основы христіанской религіи: „отсюда та или другая вѣра, то или другое ученіе, тѣ или другія книги тогда только и постольку именно хороши, поскольку они служатъ водворенію любви, правды и мира“. „Вѣра, говоритъ Сютаевъ, одна: вѣра—любовь, потому что Богъ любовь, стало быть, гдѣ нѣтъ любви, тамъ нѣтъ и Бога“ [2]). У пашковцевъ начало отвлеченное, теоретическое, у сютаевцевъ--практическое. Но, несмотря на это видимое различіе, сютаевское ученіе образовалось не безъ значительнаго вліянія пашковскаго. У пашковцевъ въ ученіи есть одинъ такой пунктъ, который могъ лечь въ основу развитія ученія сютаевскаго. Пунктъ этотъ заключается въ томъ,

---

др.) Но мы не совсѣмъ согласны съ этимъ, потому что усматривая у сютаевцевъ общія черты съ пашковцами, въ то же время находимъ и различіе между ними, о чемъ дальше.

1) Основное положеніе пашковскаго ученія можетъ быть выражено такъ: „вѣрь, что грѣхи твои искуплены кровью Христа, что ты спасенъ, какъ-бы ни велъ себя, что бы ты ни дѣлалъ, и ты дѣйствительно будешь спасенъ,“ а по словамъ г. Богдановича (бывш. церков. староста Исаакіевскаго собора) основной пунктъ этого ученія можетъ быть выраженъ двумя словами. „мы спасены.“

2) Рус. Мысль, 1881 г., № 12, стр. 297.

что послѣ увѣрованія во Христа, послѣ проникновенія мыслію во Христа, т. е. иначе послѣ теоретическаго признанія истины искупленія, они— пашковцы — дѣлаются уже людьми совершенно иными, не совершающими грѣховъ, способными только на правду и дѣла добрыя, хотя эти дѣла не имѣютъ для спасенія никакого значенія: Богъ вовсе не требуетъ отъ человѣка этихъ дѣлъ, да и совершеніе ихъ не принадлежитъ собственно самому человѣку [1]).

---

[1]) Этотъ пунктъ пашковскаго лжеученія многимъ кажется несогласнымъ съ тѣмъ признаннымъ положеніемъ, что пашковцы не придаютъ значенія въ дѣлѣ спасенія дѣламъ, относя все къ вѣрѣ. „Какъ-же, говорятъ, пашковцы не признаютъ добрыхъ дѣлъ, когда увѣровавшіе, по ихъ мнѣнію, *непремѣнно* творятъ добрыя дѣла.“ Отъ нѣкоторыхъ намъ приходилось слышать, что то клевета на пашковцевъ, что будто у нихъ проповѣдуется безразличіе поступковъ.—Но дѣло объясняется просто. Пунктъ ученія о дѣлахъ *въ той формѣ*, въ какой онъ содержится пашковцами необходимо вяжется съ ихъ ученіемъ о вѣрѣ, какъ единственномъ средствѣ спасенія Вѣра созидаетъ *все* спасеніе Если же такъ, то несомнѣнно, что она пересоздаетъ человѣка, изъ грѣшника дѣлаетъ его святымъ, потому что для прелюбодѣя, пьяницы, развратника и т. п. безъ такого „пересозданія“ спасеніе невозможно, потому что, короче говоря, грѣшникъ не спасется, если онъ не очистится: этого не могутъ не признать и пашковцы. А поэтому признавши, что *одна* вѣра спасаетъ, пашковцы необходимо должны признать, что она какимъ-то неизвѣстнымъ для нихъ, если угодно, чудеснымъ образомъ дѣлаетъ ихъ святыми, чистыми и т. д. Отсюда то вытекаетъ открытое, исполненное самообольщенія заявленіе пашковцевъ предъ судомъ, что послѣ увѣрованія они не грѣшатъ. Но вѣдь пашковцы должны быть всѣ слѣпыми, или намѣренно закрывать себѣ глаза, чтобы не видѣть, что и среди ихъ собратій („увѣровавшихъ“) совершается немало неприглядныхъ поступковъ. Какъ же они должны смотрѣть на нихъ съ ихъ точки зрѣнія? Они необходимо должны признать, что вѣра-же очищаетъ ихъ временные грѣхи: стоитъ только мыслію перенестись ко Христу и кресту, чтобы опять сдѣлаться чистымъ Такъ, дѣйствительно, и учатъ пашковцы. И это есть необходимый логическій выводъ изъ

Намъ представляется, что это ученіе о чистотѣ, мирѣ и правдѣ больше понравилось Сютаеву, чѣмъ отвлеченное и трудно усвояемое простымъ умомъ ученіе объ оправданіи одною вѣрою. Вмѣсто того, чтобы признать это ученіе придаточнымъ пунктомъ, несущественнымъ, какъ это сдѣлано у пашковцевъ, Сютаевъ выдвинулъ его на первый планъ, положилъ въ основу своего религіознаго ученія. Такъ объясняется различіе въ ученіи Пашкова и Сютаева: любимымъ предметомъ разсужденій перваго является — вѣра спасающая, а втораго—любовь, братство, единеніе.— Что же касается, далѣе, отношеній сютаевцевъ къ православной церкви, то они почти совершенно одинаковы съ пашковскими, — отношенія чисто отрицательныя. Въ этомъ отношеніи вліяніе пашковскаго ученія на образованіе сютаевскаго является несомнѣннымъ. Сютаевцы, какъ и пашковцы, не признаютъ церкви, какъ хранительницы благодатныхъ даровъ и орудія нашего спасенія, отрицаютъ св. таинства, посты и обряды прав. церкви.

ученія пашковцевъ разъ *одна* вѣра, одно признаніе искупительныхъ заслугъ Спасителя, приникновеніе мыслію ко кресту, спасаетъ насъ, то она—эта вѣра—должна производить въ насъ *все*, что необходимо для спасенія, а такъ какъ для спасенія, м пр., необходима и внутренняя чистота, то вѣра производитъ и ее. Какимъ образомъ это происходитъ—такого вопроса для пашковцевъ не можетъ существовать. Отсюда понятно, насколько легко могутъ смотрѣть на свои проступки люди „увѣровавшіе“ „Каждый увѣровавшій, говоритъ 5-й пунктъ пашковскаго ученія, *тотчасъ-же* получаетъ отпущеніе грѣховъ,“—очевидно безъ всякаго усилія воли и нравственнаго самоочищенія и долгаго процесса раскаянія, для чего требуется время, а не одинъ моментъ.

Все свое ученіе они основываютъ только на Новомъ завѣтѣ и главнымъ образомъ—на евангеліи, при чемъ толкуютъ все по своему,—въ духовномъ смыслѣ. Но признавая извѣстное вліяніе пашковцевъ на образованіе ученія сютаевцевъ, мы, повторяемъ, ничуть не смѣшиваемъ этихъ двухъ явленій. Сютаевщина не имѣла особеннаго успѣха при своемъ началѣ и, кажется, не имѣетъ никакой будущности: не приложимое къ жизни ученіе Сютаева объ общности и безраздѣльности имѣній и совершенномъ братствѣ, такъ что не нужно ни судовъ, ни войны, ни властей,—ученіе хотя и соблазнительное—не могло долго обольщать его послѣдователей при видѣ живой дѣйствительности, разрушавшей въ корнѣ все это ученіе [1]). Но пашковщина живетъ и развивается.

---

[1]) Въ Торжкѣ г. Пругавинъ узналъ, что послѣдователи новой секты устроили было въ Шевелинѣ общину, но что община эта вскорѣ распалась. участники ея перессорились между собой, и все дѣло кончилось двумя исками, предъявленными мѣстному мировому судьѣ А. А. Бакунину.—Послѣ первыхъ печатныхъ извѣстій о Сютаевѣ и его ученіи онъ сдѣлался предметомъ дов. продолжительныхъ газетныхъ толковъ. Но особенно на Сютаева обратили вниманіе съ тѣхъ поръ, какъ извѣстный изслѣдователь русскаго сектантства А. С. Пругавинъ съ нарочитою цѣлію ознакомленія съ сютаевцами съѣздилъ въ дер Шевелино и далъ подробный и интересный отчетъ о своихъ наблюденіяхъ надъ сектантами въ статьѣ подъ заглавіемъ: „алчущіе и жаждущіе правды“ (Рус. М. 1881 г. кн. 10 и 12). Но нужно замѣтить, что въ статьѣ этой г. Пругавинъ слишкомъ идеализировалъ Сютаева и его послѣдователей. По отзыву М. А Куплетскаго, „эта статья Пругавина есть не что иное, какъ тенденціозное восхваленіе мнимой новой секты съ порицаніемъ православной церкви и ея служителей и намѣренное желаніе автора пропагандировать протестантскія идеи въ русскомъ обществѣ,

V.

Пашковцы по судебнымъ процессамъ о нихъ.

Судебные процессы о раскольникахъ и сектантахъ, вслѣдствіе толерантныхъ законовъ нашего правительства по отношенію къ нимъ, бываютъ у насъ сравнительно не часто, но зато подробныя свѣдѣнія о бывшихъ таковыхъ про-

---

къ счастію встрѣтившее себѣ препятствія въ дѣйствіяхъ Новоторжскаго исправника и Тверской консисторіи." (Прав Обоз. 1883, 1, стр. 447—548 въ статьѣ· „По вопросу о русскомъ сектантствѣ.)" Присуще-ли г. Пругавину желаніе пропагандировать въ русскомъ обществѣ протестантскія идеи, какъ это утверждаетъ г Куплетскій,—мы того не знаемъ, но съ мыслію о крайнемъ восхваленіи имъ сютаевцевъ—нельзя не согласиться. Въ противовѣсъ статьѣ Пругавина „Гражданинъ" (1884, №№ 40—41) слѣдующимъ образомъ характеризуетъ Сютаева· „Сютаевъ—маньякъ, помѣшавшійся на идеѣ общности имуществъ и на отверженіи церкви, іерархіи и таинствъ, на жизни „по духу," но человѣкъ честный и искренній, неспособный быть основателемъ секты." Намъ непонятно, почему авторъ статьи въ Гражданинѣ, называя Сютаева маньякомъ, считаетъ его неспособнымъ сдѣлаться основателемъ секты; намъ, напротивъ, кажется, что эта-то черта въ Сютаевѣ и была главною причиною того, что нашлись послѣдователи его ученія,—и только потому это ученіе не организовало крѣпко новой секты, что оно вовсе не приложимо къ жизни и фантастично. Стоитъ, между прочимъ, отмѣтить, что, по отзыву Гражданина, „статьи Пругавина, пересланныя Сютаеву, принесли много вреда, и самъ онъ и другіе на него стали смотрѣть съ тѣхъ поръ съ большимъ уваженіемъ и большой вѣрой." Послѣ этой статьи къ Сютаеву

цессахъ весьма цѣнны въ цѣляхъ ознакомленія съ дѣйствительною современною жизнію сектантства, которая въ судебныхъ процессахъ обнаруживается со всею непосредственностію. Въ на-

явились какіе-то господа и оставили у него прокламаціи, увѣряя, что въ нихъ проповѣдуется жизнь „по духу.“ Прокламаціи эти, впрочемъ, чрезъ нѣсколько времени самъ Сютаевъ принесъ въ волость (Заимствовано изъ Церк. Вѣсти 1884, № 41).—Что касается численности послѣдователей Сютаева, то самъ г. Пругавинъ, такъ стремящійся видѣть въ сютаевщинѣ замѣчательное движеніе, говоритъ, что «она представляетъ собою весьма скромную цифру сютаевцевъ пока можно считать только десятками». (Стран. 1881, 2, стр. 490 въ замѣткѣ „Новая секта—сютаевцы.)“ По другимъ же извѣстіямъ отъ 1883—84 г. г. у Сютаева послѣдователей не болѣе 5 семействъ (Гражданинъ 1884. №№ 40—41), или же 13 человѣкъ (Церк.-Общ. Вѣст. 1883 г., въ ст. „Фиктивныя секты,“ *Куплетскаго*). Стоитъ еще упомянуть, что благодаря статьѣ Пругавина, на Тверскаго сектанта обратила вниманіе даже заграничная печать. Въ январской книжкѣ (1883 г.) «Revue de deux Mondes» появилась статья подъ заглавіемъ: «Русскій сектантъ», въ которой дается характеристика личности Сютаева. Статья эта представляетъ собою лучшій примѣръ того, какъ изъ мухи можно дѣлать слона. На основаніи того, что сказано о Сютаевѣ и вообще русскомъ сектантствѣ у Пругавина, авторъ упомянутой статьи г. Богюэ предсказываетъ великую будущность раціоналистическимъ стремленіямъ славянской расы. „Кто знаетъ, говоритъ онъ, не суждено-ли русскому народу, позднѣе всѣхъ пришедшему на сцену умственной жизни, расширить могущественное зданіе христіанства.“ (Ист. Вѣст 1883 г., т XI, стр 467). Можетъ быть и такъ въ извѣстномъ смыслѣ (не въ такомъ, какой разумѣетъ г Богюэ), но конечно суждено сдѣлать это не Сютаевымъ. Между прочимъ, тѣмъ же вопросамъ русской жизни отводитъ мѣсто одинъ изъ лучшихъ нѣмецкихъ журналовъ въ статьѣ „Евангелическо-религіозное движеніе въ Россіи,“ гдѣ авторъ фонъ-Брюггенъ дѣлаетъ краткій очеркъ исторіи русской церкви, затѣмъ излагаетъ основанія штундизма, а въ заключеніе, согласно личнымъ впечатлѣніямъ, описываетъ Пашкова и его дѣятельность. (Ист. Вѣст. 1883, т. XI, стр. 467). Наконецъ, тому же предмету посвящены два нѣмецкія сочиненія—Германа *Далтона* «Evangelische Stromungen in der Russischer Kirche der Gegenwart», Heilbronn. 1881. (Т. е. Евангельскія теченія въ русской церкви настоящаго времени) и Николая *фонъ-Гербель-Эмбаха* «Russische Sectirer» Heilbronn, 1883. (Русскіе сектанты).

шемъ распоряженіи имѣются свѣдѣнія, не подлежащія никакому сомнѣнію, о таковыхъ процессахъ, правда, имѣвшихъ мѣсто только въ одной Тверской губерніи, но отъ этого ничуть не теряющія своего значенія для характеристики современнаго сектантства. Мы будемъ фактичны [1]).

Въ то время какъ толки о сютаевцахъ призамолкли, невдалекѣ отъ дер. Шевелина — этого центра сютаевщины—съ значительной силою обнаружилась пашковщина и заставила обратить на себя серьезное вниманіе. Появившись на этотъ разъ сначала въ д. Сальницахъ, она дов. быстро распространилась отсюда по сосѣднимъ селамъ и деревнямъ. Впрочемъ, было бы несправедливо указать на дер. Сальницы, какъ центръ, изъ котораго исключительно распространилась пашковщина въ томъ округѣ; на ряду съ Сальницами въ данномъ случаѣ могутъ быть выставлены нѣкоторыя селенія сосѣдняго Бѣжецкаго уѣзда, каковы деревни Малая Горка и Сошники, находящіяся отъ Сальницъ приблизительно верстахъ въ 40 — 50; такъ что теченіе пашковскаго вліянія шло съ разныхъ сторонъ. Между этими, такъ сказать, болѣе видными пунктами пашковской пропаганды, какъ мы увидимъ, существуютъ [2]) живыя связи и сношенія—въ цѣляхъ именно привлеченія новыхъ членовъ въ секту.

[1]) Для этого мы имѣемъ полную возможность, потому что почти при всѣхъ судебныхъ процессахъ о пашковцахъ, о которыхъ будетъ рѣчь, намъ приходилось быть въ роли эксперта.

[2]) Это было писано въ 1893 г.

Болѣе виднымъ пропагандистомъ пашковщины въ дер. Сальницахъ былъ крестьянинъ этой деревни Иванъ Кондратьевъ, судебный процессъ о которомъ въ отдѣленіи Тверскаго Окружнаго суда былъ 9 окт. 1891 г. Изъ дѣла выяснились слѣдующія обстоятельства.

Въ дер. Сальницахъ, принадлежащей къ приходу Золотихинской церкви, пашковская секта обнаружилась около 1887 года и пошла она именно отъ Ивана Кондратьева. Иванъ Кондратьевъ по происхожденію корелъ, 40 лѣтъ, увлекся пашковскимъ ученіемъ, проживая въ Петербургѣ, гдѣ онъ, по собственному показанію, бывалъ не рѣдко на собраніяхъ пашковцевъ (на Пескахъ по 4 и 7 ул.), на которыхъ проповѣдывалъ нѣкто Иванъ Розовъ. Сынъ Кондратьева Василій Ивановъ, держась также пашковскаго ученія, кажется, доселѣ проживаетъ въ Петербургѣ. Свои религіозныя убѣжденія Кондратьевъ на предварительномъ слѣдствіи выразилъ такъ: „я не хожу въ православную церковь, не признаю святости креста и иконъ, и не поклоняюсь имъ поэтому, но я христіанинъ и исповѣдую религію по слову Христа Спасителя, т. е. по св. евангелію; это— самое главное основаніе моей религіи и еще 22 ветхозавѣтныя книги. Читая евангеліе и ветхозавѣтныя книги, я пришелъ къ непоколебимому убѣжденію, что крестъ я долженъ носить въ душѣ своей, что иконы есть твореніе рукъ человѣческихъ, почему молиться на нихъ не слѣдуетъ;

въ церковь я не хожу главнымъ образомъ потому, что обстановка церкви и обряды богослуженія не соотвѣтствуютъ моему вѣроисповѣданію, да къ тому же я понимаю слово *церковь*, какъ собраніе вѣрующихъ, въ духовномъ смыслѣ". Къ этому Кондратьевъ прибавилъ, что, исповѣдуя такую вѣру въ Бога, онъ вовсе не старается распространять ее. Однако истинная исторія дѣла показываетъ совершенно противное: старанія Кондратьева въ распространеніи пашковщины весьма ревностны. По согласному показанію свидѣтелей по дѣлу Кондратьева на предварительномъ слѣдствіи, онъ весьма часто (по показанію, напр., однихъ,—„каждый вечеръ", а по показанію другихъ,—„чуть не ежедневно") собиралъ собранія, о которыхъ *оповѣщалъ народъ заранѣе и приглашалъ желающихъ присутствовать на нихъ*. Приходящихъ на собранія по этому приглашенію Кондратьевъ и другіе пашковцы стараются совратить въ свою вѣру, увѣряя всѣхъ, что только въ ихъ вѣрѣ и можно спастись. Напр., 7 янв. 1890 года крестьяне дер. Сальницъ Александръ Кирилловъ, Поликарпъ Арефьевъ и Николай Ивановъ вошли въ домъ Кондратьева, чтобы „послушать ихъ службу"; тутъ пашковцы начали ихъ распрашивать, *грѣшны они или нѣтъ*, и если грѣшны, то *сегодня же должны познать истинную*, т. е. пашковскую вѣру; при этомъ Иванъ Кондратьевъ говорилъ, что вотъ онъ, будучи прежде такимъ же грѣшникомъ, какъ только узналъ

пашковскую вѣру, совсѣмъ очистился отъ грѣховъ. Для характеристики собраній пашковцевъ должно упомянуть, что на нихъ, по показанію свидѣтелей, Кондратьевъ читалъ на память молитвы, напр., такого содержанія: „Господи, побей ихъ (т. е. православныхъ) камнями, умягчи ихъ сердце". Послѣдователи его въ это время наклонялись къ землѣ и шептали какія-то слова, при чемъ даже рыдали. Послѣ Кондратьева на собраніяхъ читали и другіе—желающіе подобнаго-же рода молитвы: „Господь придетъ на зарѣ, побей ихъ камнями" и т. д., при чемъ присутствовавшіе точно также всѣ становились на колѣни и „плакали навзрыдъ". На собранія эти являлись пашковцы не только дер. Сальницъ и сосѣднихъ, но изъ деревень довольно отдаленныхъ, – даже изъ другого уѣзда. Такъ извѣстно, что сюда приходили изъ дер. *Сошниковъ*, (Бѣжец. у.) крестьянинъ Прокопій Трофимовъ, изъ села *Пиногощъ* (Бѣж. у.) Варлаамъ Ѳедоровъ, изъ дер. *Трестина* (Твер. у.) Дмитрій Ѳедоровъ, изъ дер. *Малыхъ-Горокъ* (Бѣжец. у.) крест. Михаилъ Ивановъ съ женою Татьяною Ивановою и дѣтьми. Послѣдній извѣстенъ, какъ очень ревностный пропагандистъ пашковщины въ своей деревнѣ и другихъ; у Кондратьева онъ иногда жилъ по нѣсколько дней и даже недѣль, при чемъ въ бытность его въ домѣ Кондратьева происходили собранія каждодневно [1]).

[1]) О Михаилѣ Ивановѣ будетъ дальше у насъ особая подробная рѣчь.

Описанныя нами собранія были для Кондратьева однимъ изъ главныхъ способовъ пропаганды; но и кромѣ собраній онъ находилъ немало средствъ для распространенія излюбленнаго своего ученія. Такъ, священникъ с. Кавы о. Толмачевскій доносилъ преосвященному, что въ его приходѣ Кондратьевъ и его жена „съ неимовѣрнымъ фанатизмомъ“ дѣлали попытки совращенія православныхъ въ трехъ селеніяхъ: Осташковѣ, Лисьихъ-Горахъ и Кузовинѣ. Именно: въ с. Осташковѣ Кондратьевъ продавалъ и раздавалъ книжки съ тенденціями пашковскаго ученія; въ Лисьихъ-Горахъ жена Кондратьева въ домѣ одного крестьянина Родіона читала многимъ женщинамъ, собравшимся вокругъ ея изъ разныхъ селеній, со слезами на глазахъ „какую-то“ книгу (Евангеліе) и толковала. Въ деревнѣ Кузовинѣ Кондратьевъ совратилъ было крест. Ивана Кириллова и подарилъ ему Новый завѣтъ въ переплетѣ, на задней стѣнкѣ котораго оттиснуты слова: „для русскаго народа“. О. Толмачевскій въ своемъ рапортѣ преосвященному отмѣчаетъ еще тотъ замѣчательный фактъ, что Кондратьевъ для большей, вѣроятно, убѣдительности дерзаетъ увѣрять слушателей, что онъ имѣетъ въ себѣ Духа Святаго, внушающаго ему наставлять людей на новую вѣру, въ которую онъ принималъ желающихъ *своимъ особымъ крещеніемъ*. О томъ, что въ немъ пребываетъ Духъ св., Кондратьевъ заявлялъ въ дер. *Чашковѣ* въ домѣ одного крестьянина Зи-

новія, но Зиновій возразилъ ему, что въ немъ не Духъ св., а сатана,—и съ тѣмъ прогналъ его изъ своего дома [1]). Далѣе, что дов. замѣчательно, Кондратьевъ дѣлалъ попытку вести свою пропаганду чрезъ школу—Кузовинскую и Золотихинскую. Въ первой изъ нихъ онъ имѣлъ долгое препирательство съ учителемъ Захаромъ Егоровымъ въ присутствіи учениковъ, при чемъ о священникахъ высказался слѣдующимъ образомъ: „скоро православные священники будутъ рыскать, какъ голодные львы". Въ Золотихинской же школѣ онъ безплатно раздавалъ мальчикамъ книжки, которыя потомъ были отобраны и представлены полицейской власти. Насколько открыто и даже дерзко велъ свое дѣло пропаганды Кондратьевъ съ послѣдователями—это показываетъ особенно слѣдующія двѣ его выходки. Когда на Свѣтлой недѣлѣ 1890 года священникъ с. Золотихи о. Орловъ ходилъ въ дер. Сальницахъ съ образа-

---

[1]) Это обстоятельство весьма важно Оно показываетъ, насколько благопріятную почву представляетъ изъ себя пашковщина для развитія въ ней идей мистическихъ. Изъ исторіи сектантства извѣстно, что почти всѣ основатели мистическихъ сектъ начинали свое ученіе съ того-же, съ чего началъ и Кондратьевъ: съ отрицанія церковнаго авторитета и съ провозглашенія себя особыми божественными посланниками, пророками или носителями Духа святаго; потомъ нѣкоторые доходили до крайняго самообольщенія, объявляя себя Христами, Саваоѳами и т. п Нѣчто весьма подобное замѣчается уже въ Кондратьевѣ. Недавно о. Толмачевскій сообщилъ намъ лично, что онъ узналъ изъ вѣрныхъ источниковъ, что Кондратьевъ „нерѣдко увѣряетъ внимающихъ его лжеученію, что онъ вмѣстѣ съ І. Христомъ будетъ судить живыхъ и мертвыхъ на страшномъ судѣ Христовомъ".—Одинъ шагъ до обожествленія себя.

ми, то вслѣдъ за нимъ ходилъ и Кондратьевъ съ своими послѣдователями (которыхъ было человѣкъ 5) и, дразня священника, онъ и послѣдователи пѣли какія-то несвященныя пѣсни, изъ которыхъ свидѣтель, сообщившій объ этомъ фактѣ, запомнилъ только такія слова: „по зарѣ пойдетъ рано Богъ“. Въ тотъ же, вѣроятно, разъ, когда священникъ, обходя дер. Сальницы, проходилъ мимо дома Кондратьева, послѣдній обратился къ мальчику, несшему за священникомъ кадило, съ вопросомъ, что онъ такое носитъ и для какой цѣли? Когда этотъ мальчикъ объяснилъ значеніе кадила, то Кондратьевъ сказалъ, что его, т. е. кадило, стоитъ только бросить и затоптать въ грязь.

Кромѣ вышеуказанныхъ пунктовъ, дѣятельность Кондратьева имѣла очень замѣтный успѣхъ въ дер. *Лужкахъ*, принадлежащей къ приходу с. Михайловой-Горы. По показанію православныхъ крестьянъ этой деревни, пашковщина появилась здѣсь „въ теченіе послѣднихъ пяти лѣтъ“, т. е. начало ея падаетъ на тотъ-же 1887-й годъ, въ который началъ свою пропаганду Кондратьевъ въ дер. Сальницахъ. По согласному показанію священника и всѣхъ свидѣтелей, первымъ провозвѣстникомъ пашковскаго лжеученія въ Лужкахъ былъ, несомнѣнно, Кондратьевъ. Скоро онъ пріобрѣлъ усерднаго помощника въ своемъ дѣлѣ въ лицѣ крестьянина дер. Лужковъ Гавріила Васильева. Стоитъ отмѣтить, что этотъ крестьянинъ

до перехода въ пашковскую секту былъ безпоповцемъ. Это обстоятельство обращаетъ на себя вниманіе потому, что несмотря на то, что между старообрядческимъ расколомъ и пашковщиной и вообще сектами раціоналистическими нѣтъ ничего общаго,—даже должна, повидимому, существовать между ними вражда, однако въ послѣднее время встрѣчаются случаи перехода старообрядцевъ въ общество сектъ раціоналистическихъ. Извѣстно, что въ той-же деревнѣ сдѣлалась пашковкою старообрядка Прасковья Ермолаева. Послѣ того, какъ Гавріилъ Васильевъ увлекся пашковщиной, въ домѣ его стали происходить весьма часто собранія, преимущественно ночью. На собранія эти пріѣзжалъ и Иванъ Кондратьевъ. Затѣмъ, извѣстно, что на эти собранія нерѣдко являлись изъ другихъ уѣздовъ и даже изъ Петербурга какія-то неизвѣстныя лица, какъ напр., было въ январѣ мѣсяцѣ 1891 года. Въ февралѣ мѣсяцѣ въ Лужки пріѣзжали двѣ дов. извѣстныя пашковки изъ Бѣжецкаго у., изъ дер. Малыхъ-Горокъ—крестьянки Марья Васильева и дочь ея Матрена Иванова. Это—мать и сестра упомянутаго выше крестьянина Михаила Иванова. По собственному заявленію этихъ крестьянокъ, онѣ прибыли въ дер. Лужки къ своимъ родственникамъ—„братьямъ и сестрамъ по духу“,—что раньше онѣ гостили въ дер. Сальницахъ, и что какъ тамъ, такъ и въ Лужкахъ, ходили на собранія, на которыхъ читали и толко-

вали тексты изъ евангелія. Собранія пашковцевъ, происходившія въ Лужкахъ, характеризуются тѣми-же чертами, какъ и вышеописанныя собранія въ Сальницахъ и другихъ деревняхъ. Изъ послѣдователей пашковскаго лжеученія въ д. Лужкахъ стоитъ обратить нѣкоторое вниманіе, кромѣ Гавріила Васильева, еще на одного крестьянина Ефима Иванова. Этотъ крестьянинъ заявилъ о себѣ, что онъ цѣлыхъ 20 лѣтъ искалъ „вѣры болѣе подходящей“, пока не обрѣлъ ее въ формѣ пашковщины. Въ истинѣ пашковскаго ученія онъ убѣдился въ то время, когда въ продолженіе шести недѣль онъ находился въ Бурашевской колоніи (для умалишенныхъ) и читалъ тамъ Евангеліе. Сдѣлавшись пашковцемъ, Ефимъ Ивановъ успѣлъ уже заявить себя дерзкой и кощунственной выходкой противъ православной церкви. Дня за 2—3 до праздника св. Николая (6 дек.) 1890 г. онъ зашелъ къ крестьянину Николаю Иванову и высказалъ ему здѣсь свой взглядъ на православныхъ священниковъ и на иконы въ слѣдующей грубой формѣ: „зачѣмъ вы приглашаете на домъ священника? онъ — наемный пастухъ“; затѣмъ, указывая на стоявшія на полкѣ св. иконы Николая чудотворца и Нила Столобенскаго, онъ выразился такъ: „Николка и Нилка, выбросить вонъ, такихъ мощей нѣтъ.“ [1]).

[1]) Когда эта наша статья была уже окончена, мы имѣли случай собрать еще нѣсколько свѣдѣній объ Иванѣ Кондратьевѣ, имѣющихъ

Въ несомнѣнной связи съ распространеніемъ пашковскаго лжеученія въ Новоторжскомъ уѣздѣ находится распространеніе его въ уѣздѣ Бѣжец-

---

также довол. важное значеніе въ современной исторіи пашковщины въ Тверской губерніи 9-го октября 1891 г Кондратьевъ отдѣленіемъ Тверскаго окружнаго суда былъ приговоренъ къ ссылкѣ въ Закавказскій край за совращеніе въ пашковскую секту. Но противъ этого рѣшенія была подана апелляція, а самъ Кондратьевъ былъ взятъ на поруки со взносомъ 100 рублей, которые тотчасъ-же послѣ окончанія суда внесъ прикащикъ одной богатой мѣстной фабрики (Новотор. у.). Повидимому, можно было ожидать, что Кондратьевъ послѣ судебныхъ розысканій объ его дѣлѣ и послѣ упомянутаго приговора оставитъ, по крайней мѣрѣ, на время свою пропаганду; однако на самомъ дѣлѣ вышло не такъ Не прошло послѣ судебнаго процесса и одного мѣсяца, какъ о Кондратьевѣ начинается новое слѣдствіе по совращеню имъ двухъ лицъ — запаснаго унтеръ-офицера изъ крестьянъ, Новотор у., д Данильцева Андрея Иванова Воробьева и крестьянки дер. Звягина Прасковьи Леонтьевой. Первый изъ этихъ лицъ и самъ уже началъ дѣло совращенія, преимущественно своихъ семейныхъ, почему и относительно его началось слѣдствіе 22 января 1892 года. Относительно этого новаго пашковца, который обѣщаетъ быть дѣятельнымъ помощникомъ Кондратьева извѣстно, что онъ человѣкъ—очень состоятельный. Увлекшись пашковскимъ лжеученіемъ, онъ тотчасъ въ своемъ домѣ сжегъ всѣ иконы въ печи, а на мѣстѣ иконъ повѣсилъ листокъ подъ заглавіемъ: „Два пути: пространный путь, узкій путь“. Послѣ этого онъ сталъ принимать дѣятельныя мѣры къ совращенію другихъ; по показанію одного свидѣтеля, онъ заходитъ въ дома сосѣдей и читаетъ Евангеліе, прочитавъ стихъ, истолковываетъ потомъ въ извращенномъ видѣ, „что для спасенія души нѣтъ надобности ходить и вообще посѣщать церковь, что св. угодниковъ вовсе нѣтъ, а слѣдов. и изображенія ихъ не нужны“ и т. п. Разъ Воробьевъ, обращаясь къ одному изъ своихъ односельчанъ, сказалъ: „черезъ года три вовсе церквей не будетъ, и тогда скажешь: Андрей Ивановичъ—молодецъ“.—Изъ упомянутыхъ новыхъ дѣлъ о Кондратьевѣ и Воробьевѣ отчасти выясняется темный вопросъ объ отношеніяхъ пашковцевъ къ властямъ. Нѣтъ основанія сказать, что пашковцы совсѣмъ отвергаютъ власть, но въ то же время они не признаютъ ее существенно необходимой: она необходима только при нынѣшнихъ дурныхъ порядкахъ и при нынѣшнемъ развращеніи общества. Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ вниманія показаніе мѣстнаго діакона, который свидѣтельствуетъ о Воробьевѣ, что онъ разъ „въ какомъ-то волненіи

комъ. Здѣсь наиболѣе рѣзко сказалось пашковское движеніе въ дер. Малыхъ-Горкахъ, Алешинской волости, гдѣ главнымъ пропагандистомъ

и аѣитации, схвативши свою русскую библію, открылъ 2-й псаломъ и сталъ читать 2-й и 3-й стихи, и въ особенности остановился на 3-мъ стихѣ Эти стихи таковы 2-й—«Возстаютъ цари земли и князья совѣщаются вмѣстѣ противъ Господа и помазанника Его", 3-й стихъ—„Живущій на небесахъ посмѣется, Господь поругается имъ. Вотъ тебѣ, дьяконъ, гдѣ законъ? Гдѣ цари и князья? Кромѣ Бога, нами никто не управляетъ". Жена Воробьева показывала, что „начальство учреждено *для дураковъ*, а для людей, ищущихъ правды, оно не нужно". Даже самъ осторожный и уклончивый въ разсужденіяхъ о подобныхъ вопросахъ Кондратьевъ, который, насколько мы знаемъ его изъ личныхъ бесѣдъ съ нимъ, всегда стремится замаскировать все болѣе или менѣе неприглядное въ пашковскомъ лжеученіи,—и тотъ въ показаніи своемъ по послѣднему дѣлу о немъ проговорился относительно властей въ неблагопріятномъ смыслѣ. Онъ, между прочимъ, сказалъ. „молиться за царей и начальствующихъ и *за враговъ* живыхъ, равно какъ и *за враговъ нашихъ*, *которые предаютъ насъ суду за нашу вѣру*, мы должны молиться". Судьи здѣсь уже прямо называются *врагами* „Евангельской вѣры" и „Евангельскихъ христіанъ", но изъ этихъ же словъ Кондратьева видно, что не особенными доброжелателями своими онъ почитаетъ „и царей и другихъ начальствующихъ", потому что иначе не совсѣмъ понятнымъ было бы послѣ словъ „молиться за царей и начальствующихъ",—прибавленіе *„и за враговъ живыхъ"*. Это прибавленіе является какъ-бы пояснешемъ къ предыдущимъ словамъ, такъ что въ общемъ эта фраза получаетъ такой приблизительно смыслъ. „хотя цари, начальствующіе, равно какъ и судьи намъ не доброжелаютъ, являются врагами „истинно-вѣрующихъ;" но вѣдь Господь повелѣлъ молиться и за враговъ". Иначе, повторяемъ, прибавленіе „и за враговъ живыхъ" непосредственно послѣ упоминанія о царяхъ и начальствующихъ трудно объяснимо. Отчего-бы Кондратьеву было не сказать, напр , такъ „молиться за царей и начальствующихъ, какъ и вообще *за всѣхъ* живыхъ, мы должны," къ чему тутъ потребовалось упоминаніе именно о врагахъ?!—Наконецъ въ заключеніе нашихъ сообщеній о Кондратьевѣ, какъ видномъ распространителѣ пашковщины въ Новоторжскомъ уѣздѣ, слѣдуетъ привести два показанія о. Толмачевскаго, характеризующія тамошнихъ сектантовъ съ особой неизвѣстной доселѣ стороны. „Одинъ неизвѣстный мнѣ крестьянинъ, говоритъ о. Толмачевскій, сказывалъ, что дѣти совратившихся сальницкихъ домохозяевъ говорили ему о томъ, будто-бы *имъ показы-*

лжеученія явился крестьянинъ Михаилъ Ивановъ. Это—тотъ Михаилъ Ивановъ, о которомъ мы выше упоминали, какъ объ усердномъ посѣтителѣ пашковца дер. Сальницъ Ивана Кондратьева: у него Ивановъ проживалъ по нѣскольку дней сряду,—при чемъ каждодневно собирались собранія. Очевидно и несомнѣнно, так. обр., что между пашковцами Новоторжскими и Бѣжецкими существуютъ живыя сношенія, — въ цѣляхъ болѣе успѣшной пропаганды лжеученія, чего и дѣйствительно они достигаютъ въ значительныхъ размѣрахъ. О Михаилѣ Ивановѣ пока извѣстно, что онъ прежде проживалъ въ Петербургѣ; здѣсь онъ состоялъ на службѣ въ „Обществѣ поощренія духовно-нравственнаго чтенія“. Съ цѣлію продажи этихъ книгъ онъ ѣздилъ въ разные города. Вѣроятно, благодаря такому своему положенію, онъ и впалъ въ заблужденіе: общество, въ которомъ служилъ Михаилъ Ивановъ, очевидно, то самое, которое основано Пашковымъ и компаніей для изданія и распространенія своихъ тенденціозныхъ брошюръ и которое было закрыто по Высочайшему повелѣнію 24 мая 1884 года. Пропагандистская дѣятельность Михаила Иванова отразилась прежде всего на его семействѣ, которое все

ваютъ родители ихъ какою-то бога два раза въ недѣлю.“ Затѣмъ „многіе изъ крестьянъ увѣряли, что о погребеніи Иванъ Кондратьевъ толкуетъ такъ: наши вѣрующіе всѣ святые и по смерти не требуетъ погребенія, а прямо завернутыхъ въ рогожку и вынесенныхъ ночью за селеніе Господь возноситъ на небо тѣла всѣхъ умершихъ.“

совратилось въ пашковщину,—совратились: мать его Марья Васильева, жена Татьяна Иванова, братъ Кириллъ Ивановъ и сестра Матрена Иванова. Но, принимая во вниманіе то дѣятельное сношеніе, которое Ивановъ ведетъ съ пашковцами—даже другихъ уѣздовъ, за несомнѣнное должно признать, что жертвы его пропаганды далеко не ограничиваются однимъ семейнымъ кружкомъ. Впрочемъ, должно сказать, что въ совращеніи семейства Михаила Иванова, помимо его, немалое значеніе имѣли и обстоятельства. Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ особеннаго вниманія показаніе (замѣтимъ, — откровенное) тогда еще 12-лѣтней сестры Михаила—Матрены, изъ котораго обнаружилось кое—что очень важное,—именно обнаружилось то, какъ много путей, которыми пашковцы ведутъ свою пропаганду. Матрена Иванова показывала судебному слѣдователю на предварительномъ слѣдствіи слѣдующее. Съ 6 лѣтъ, когда Матрена съ матерью проживала въ Петербургѣ, она ходила въ школу учиться; школа эта находится на Забалканскомъ проспектѣ. Посѣщеніе ею школы продолжалось около 4-хъ лѣтъ. Въ школѣ Матрена обратила вниманіе на одну дѣвочку - сиротку, которая не молилась Богу. Матрену это заинтересовало,—и она спросила эту дѣвочку, почему она не молится Богу. Дѣвочка на это отвѣтила, что „образамъ молиться не слѣдуетъ, нужно молиться Богу душею и сердцемъ“, при этомъ она присовокупила, что она «*ходитъ*

на мирную бесѣду въ одинъ домъ». Пришедши изъ школы домой, Матрена о всемъ этомъ разсказала своей матери. Узнавши домъ, въ которомъ происходили, по словамъ дѣвочки, «мирныя бесѣды», Марья Васильева (мать Матрены) съ дочерью стала ходить туда. „Тамъ, по словамъ Матрены, собиралось много народу, который молился на колѣняхъ Богу, не дѣлая крестнаго знаменія; въ помѣщеніи, гдѣ собиралась эта бесѣда, образовъ не было. На бесѣдѣ читали Евангеліе". Очевидно, на эти собранія ходилъ и самъ Михаилъ Ивановъ и занималъ на нихъ не послѣднее мѣсто, потому что далѣе сестра его показываетъ: «братъ мой Михаилъ Ивановъ.... во многомъ спорилъ на собраніяхъ съ тѣми лицами, которыя тамъ были, по поводу святыхъ и мощей, доказывая этимъ лицамъ, что должно вѣровать и въ святыхъ и въ мощи, а тѣ это вѣрованіе отвергали". Вѣроятно, это было на самыхъ первыхъ порахъ увлеченія Михаила Иванова пашковщиной. Въ послѣдствіи же онъ ясно и опредѣленно высказываетъ свой отрицательный взглядъ на православную церковь, на таинства, на почитаніе мощей и святыхъ [1]).

---

[1]) Стоитъ здѣсь буквально привести показаніе Михаила Иванова относительно своихъ религіозныхъ воззрѣній. Мы въ качествѣ эксперта по этому дѣлу пожелали, чтобы М. Ивановъ подробно изложилъ свое вѣрованіе, что онъ и исполнилъ. Такъ какъ въ такомъ полномъ видѣ пашковское ученіе, насколько намъ извѣстно, еще ни разу не высказывалось простымъ крестьяниномъ, то намъ кажется, показаніе М. Иванова стоитъ привести здѣсь—полностію. Будемъ отчасти удерживать и

Что касается, далѣе, Корчевскаго у., то въ немъ сектантское движеніе отлилось въ какую-то совершенно своеобразную форму. Говоря такъ, мы впро-

---

орѳографію Иванова —«Я, Михаилъ Ивановъ, къ дополненію къ моему первому показанію объясняю. причина моего отдѣленія отъ православной церкви та, а именно, что когда я полагался на исполненіе обрядностей прав. церкви, я былъ какъ скотъ безсмысленъ и ходилъ только по видѣнію моихъ очей и по влеченію моего сердца и потому я никогда не чувствовалъ въ себѣ мира душевнаго, какъ и написано: (а нечестивые какъ море взволнованное. нѣтъ мира нечестивымъ)(Ис. 57, ст. 20—21). И еще также написано: (пути мира они не знаютъ) (Ис. 59, ст 8). А потому когда началъ изслѣдовать писанія по слову Господа, Который говоритъ (изслѣдуйте писанія, ибо вы думаете чрезъ нихъ имѣть жизнь вѣчную, а они свидѣтельствуютъ о Мнѣ, Іоан. 5. 39 ст.) А также говоритъ Господь Іисусъ Христосъ заблуждаетесь, не зная писанія, ни силы Божіей (Ев. Мѳ. 22, 29). И имѣя въ виду это повелѣніе Господне, я по милости Божіей началъ изслѣдовать писанія И при этомъ я далъ себѣ вопросъ, какія именно писанія я долженъ изслѣдовать, такъ какъ писаній много и потому былъ я въ недоумѣніи нѣкоторое время относительно выбора писаній и чтобы не впасть въ ошибку я началъ прежде всего изслѣдовать новый завѣтъ а именно съ евангелія отъ Матѳея и до Откровенія Іоанна И при этомъ я замѣчалъ ссылки изъ новаго завѣта въ ветхій завѣтъ и имѣя въ виду ссылки изъ новаго завѣта въ ветхій завѣтъ показалось мнѣ необходимымъ пріобрѣсти библію, которую и пріобрѣлъ. Такъ какъ читая 2-е посланіе ап. Петра 1-ю главу и 19 стихъ, въ которомъ говорится. и притомъ мы имѣемъ вѣрнѣйшее пророческое слово и вы хорошо дѣлаете, что обращаетесь къ нему, какъ къ свѣтильнику сіяющему въ темномъ мѣстѣ доколѣ не начнетъ разсвѣтать день и не взойдетъ утренняя звѣзда въ сердцахъ вашихъ 2-е—Петра 1-я гл 19 ст. Отсюда мнѣ показалось неяснымъ, которое именно вѣрнѣйшее пророческое слово и окончательное убѣжденіе я получилъ, читая слѣдующія мѣста свящ писанія, а именно. Ап. Павелъ свидѣтельствуетъ въ посланіи въ Римлянамъ въ 3-й главѣ какъ онъ и говоритъ (іудеямъ ввѣрено слово Божіе) (Римл 3. 1—2 ст.) И пророкъ Давидъ говоритъ, въ 147 псалмѣ, Богъ возвѣститъ слово Свое Іакову, уставы Свои и суды Свои Израилю. не сдѣлалъ Онъ того никакому другому народу. (Псал. 147, 8—9 ст.). И еще также написано: (и снисшелъ Ты на гору Синай и говорилъ съ неба и далъ суды справедливые, законы вѣрные, уставы и заповѣди добрые) (Неемія 9, ст. 13). А также еще есть много мѣстъ въ свящ. писаніи, о которыхъ не достанетъ времени повѣствовать и

чемъ, разумѣемъ только одинъ извѣстный намъ случай обнаруживанія здѣсь особаго рода сектантства, многими своими сторонами, несомнѣнно,

которыя ясно свидѣтельствуютъ, что слово Божіе вѣрено еврейскому народу —И потому я началъ изслѣдовать писанія слѣдующія, а именно законъ Моисеевъ, 5-ти книжіе 1-е Бытіе 2-е Исходъ, 3-е Левитъ 4-е числа 5-е Второзаконіе и затѣмъ воспріемника Моисеева Іисуса Навина книгу. И далѣе Судей книгу и книгу Руѳь, 4 книги Царствъ, 2 книги Паралипоменонъ, 1-ю книгу Ездры, книгу Нееміи, книгу Эсѳирь, книгу Іова, Псалтирь, Притчей Соломоновыхъ, Екклезіаста, Пѣсни Пѣсней Соломона, пророковъ: Исаіи, Іереміи, Іезекіиля, Даніила, Осіи, Іоиля, Амоса, Авдія, Іоны, Михея, Наума, Аввакума, Софоніи, Агея, Захаріи, Малахіи и затѣмъ 27 книгъ Новаго завѣта Изслѣдывая вышеизложенныя книги, я убѣдился, что слѣдуетъ искать спасенія во Христѣ, Который прообразованъ въ пророчествахъ, которые предсказывали А именно слѣдуетъ читать слѣдующія мѣста Второзаконія 18, 15 –19, Псал 21, 17—18 и 117, 22, Исаіи 7, 14 ст и 9, 6 и еще 53, 1—12 ст. Имѣя въ виду вышеизложенныя мѣста свящ. писанія, я убѣдился, что истина во Іисусѣ, въ Котораго и увѣровалъ что Онъ спасъ меня не по дѣламъ праведности, которыя бы я сотворилъ, а по Своей милости, которую доказалъ въ Своей любви, что Онъ умеръ на крестѣ когда я былъ еще грѣшникомъ, посему тѣмъ болѣе будучи оправданный кровію Его спасусь имъ отъ гнѣва —А причина отдѣленія моего отъ православія та, что въ православіи господствуетъ ложь вмѣсто истины. Постановленія же ложныя въ православіи слѣдующія, а именно 1-е Поминовеніе умершихъ, это совершенно противно слову Божію, которое написано въ слѣдующихъ мѣстахъ свящ. писанія. А именно Псал. 48, 8–9 и Евангеліе отъ Луки 16, 25—26, Евангеліе Матѳея 16, 26, 1-е посланіе къ Ѳессалоникійцамъ 4, 13—18. И 2-е постановленіе ложное противъ слова Божія ходатайство предъ Богомъ принадлежитъ только Іисусу Христу, какъ и видно изъ слѣдующихъ мѣстъ свящ. писанія, а именно Евангеліе отъ Матѳея 11-я, 28, и 2-я 5 ст. Служеніе въ православіи не признаю правильнымъ, причащеніе въ православіи не признаю правильнымъ, крещеніе младенцевъ не признаю правильнымъ, и даже всю церковь въ православіи не признаю правильнымъ, потому что въ ней положительное отступленіе отъ слова Божія, въ чемъ и подписуюсь Михаилъ Ивановъ. При семъ представляю новый завѣтъ съ псалтиремъ и нѣсколько брошюръ въ одномъ переплетѣ и любимые стихи—тоже въ переплетѣ. Михаилъ Ивановъ. Къ своему показанію добавляю, что все спасеніе мое заключается въ

соприкасающагося съ пашковщиной. Именно: крестьянинъ с. Новодмитровскаго, Федоровской волости, Иванъ Алексѣевъ Петровъ въ слѣдующей формѣ выразилъ свои вѣрованія. «Согласно евангельскому слову, какъ я его понимаю, порицаю я православную вѣру, иконы, церковь и таинства православной вѣры. Ничего этого я не признаю,

---

имени І. Христа, въ Котораго я увѣровалъ и увѣровавши въ Него, я чувствую себя спасеннымъ.—Спасеніе можно получить только вѣрою въ І. Христа и Его искупительную жертву, а добрыя дѣла и молитва уже вытекаютъ изъ вѣры. Спасеніе человѣкъ получаетъ только чрезъ вѣру, а добрыя дѣла являются только доказательствомъ живой вѣры. Принеся искупительную жертву, І. Хр. призываетъ ко спасенію всѣхъ и въ особенности грѣшниковъ, которые въ вѣрѣ въ І Христа и находятъ свое спасеніе. Молитва, служеніе въ православіи и церковь являются совершенно лишними, какъ и поклоненіе иконамъ, потому что обращаюсь я только къ І. Христу, Который одинъ ходатай предъ Богомъ, слѣд., по этому, я и не признаю всѣхъ обрядностей прав церкви.—Таинствъ крещенія, причащенія и проч. таинствъ, какъ они установлены въ православной церкви, я не признаю. Крещеніе по моему есть обѣщаніе доброй совѣсти, когда человѣкъ увѣруетъ во Христа, Который спасъ его для вѣчной жизни.—Причащеніе я признаю такъ какъ совершалъ это І. Христосъ на тайной вечери и затѣмъ какъ апостолы совершали послѣ него, а не такъ, какъ дѣлается въ православіи, у католиковъ и лютеранъ. Покаяніе по моему должно происходить открыто при всемъ собраніи вѣрующихъ—такъ должемъ приносить покаяніе невѣрующій, а вѣрующій, кто увѣровалъ въ Іисуса Христа и убѣдился, что получилъ спасеніе, не долженъ грѣшить, а если бы онъ согрѣшилъ, то имѣетъ ходатая предъ Богомъ Іисуса Христа праведника и не можетъ пребывать въ грѣхѣ. Михаилъ Ивановъ".—О Михаилѣ Ивановѣ, его ученіи и объ особенномъ усердіи его къ пропагандѣ пашковскаго лжеученія недавно сообщены подробныя свѣдѣнія въ „Богословскомъ Вѣстникѣ", 1892 года, апрѣль въ статьѣ „Пашковецъ", (стр. 141—156). Изъ этой статьи мы узнаемъ, м. пр., что въ настоящее время Мих Ивановъ проживаетъ въ Москвѣ въ дов. бѣдственномъ положеніи, но, несмотря на то, продолжаетъ дѣло пропаганды,—насколько, конечно, это возможно для него.

т. е. православія. Теперь моя вѣра, какъ ее называютъ, вѣрованіе духоборца. Такъ какъ *по нашему* вѣрованію иконы и изображенныя на нихъ считаются ни во что, то я и считаю себя въ правѣ относиться къ изображеніямъ на нихъ съ презрѣніемъ, все равно какъ къ картинкамъ... быть можетъ, при этомъ и называлъ изображенія св. Николая чудотворца и другихъ ничтожными именами [1]). *Богомъ я признаю того, кто дѣлаетъ добро*... обратилъ на себя вниманіе чтеніемъ св. Евангелія, которое постоянно ношу при себѣ и когда ко мнѣ изъ любопытства началъ стекаться народъ, я сталъ разсказывать ему о истинномъ Богопочитаніи, говоря, что образа — идолы, церкви—капища, таинства признавать не слѣдуетъ и священниковъ—тоже». Въ этомъ показаніи особеннаго вниманія заслуживаетъ фраза: «Богомъ я признаю того, кто дѣлаетъ добро». Очевидно, Петровъ представляетъ Бога не какъ личность, самостоятельное и самодовлѣющее Божественное Существо, а какъ что-то отвлеченное, какъ доброе начало въ человѣкѣ—противоположное злому: то, что есть въ человѣкѣ добраго. то и Богъ; личный, внѣмірный Богъ исчезаетъ, а является онъ

---

[1]) Иванъ Петровъ обвинялся, между прочимъ, въ томъ, что онъ кощунственно называлъ св. Димитрія Ростовскаго и Нила Столобенскаго—Митькой и Нилкой. Вспомнимъ, что это не первый случай такого отношенія пашковцевъ къ святымъ православной церкви.

силою, или одною стороною дѣятельности человѣка – добромъ [1]).

Въ то время, какъ въ разныхъ деревняхъ Новоторжскаго, Бѣжецкаго и др. уѣздовъ распространителями пашковщины являются крестьяне, совратившіеся преимущественно въ Петербургѣ, въ Вышнемъ-Волочкѣ распространителемъ ея является лице чиновное, какъ этому и естественно было случиться въ городѣ. Съ 1882 года въ Волочкѣ ревностнымъ пропагандистомъ пашковскаго лжеученія является коллежскій секретарь Ѳедоръ Евфимовъ Ушковъ. Объ немъ намъ извѣ-

---

1) Ученіе Петрова, если суждено ему распространяться, несомнѣнно, подготовитъ почву для пашковскаго лжеученія. Въ ученіи этомъ элементовъ, соприкасающихся съ пашковщиной, весьма не мало: такова вся часть его ученія, опредѣляющая отношеніе его къ православію и православной церкви.—Дѣло объ Иванѣ Петровѣ разсматривалось отдѣленіемъ Кашинскаго окружнаго суда въ г. Корчевѣ 21 сентября 1891 года; при этомъ обнаружилось, что Петровъ поддался вліянію именно пашковскаго лжеученія, только что это лжеученіе въ нѣкоторыхъ своихъ пунктахъ отразилось въ умѣ его своеобразнымъ образомъ. Что уклоненіе Петрова въ заблужденіе произошло подъ вліяніемъ пашковщины,— это видно, м пр., изъ того, что нѣкоторые изъ его однодеревенцевъ видѣли у него извѣстныя брошюры съ тенденціями пашковскаго лжеученія. На судѣ также выяснилось, что Петровъ весьма ревностно старался въ разныхъ мѣстахъ проповѣдывать свое лжеученіе, но успѣхи его проповѣди были, пожалуй, скорѣе отрицательные, чѣмъ положительные слушатели не только не слѣдовали за нимъ, но смѣялись надъ нимъ, плевали на него и даже угрожали побить его. Это объясняется тѣмъ, что въ Корчевскомъ уѣздѣ далеко еще нѣтъ такой благопріятной почвы для сѣмянъ пашковскаго лжеученія, какъ, напр, въ Новоторжскомъ. О пашковцахъ въ Корчевскомъ у. почти еще и не знаютъ, и потому крестьяне всевозможными именами окрестили сектантство Петрова, они называли его то „какимъ-то *песловцемъ* (очевидно, переиначенное изъ слова *пашковецъ*), то духоборцемъ, то шалопутомъ или штундистомъ.

стно, что онъ по происхожденію дворянинъ Смоленской губерніи и учился въ Смоленской гимназіи. По окончаніи образованія, онъ служилъ сначала въ одномъ изъ департаментовъ Петербурга, но потомъ, получивъ наслѣдство, вышелъ въ отставку и поселился въ В.-Волочкѣ съ своею женою и свояченицею. До 1882 года онъ былъ православнымъ, и домъ его, между прочимъ, былъ украшенъ многими цѣнными иконами. Но въ этомъ году Ушковъ впалъ въ какую-то меланхолію и для совѣта съ докторами ѣздилъ въ Петербургъ. Здѣсь онъ скоро познакомился съ Пашковымъ и сталъ усердно посѣщать его собранія. Пашковскимъ ученіемъ Ушковъ увлекся быстро: черезъ какія-нибудь четыре недѣли знакомства съ Пашковымъ онъ уже оставляетъ православіе и возвращается въ Вышній Волочекъ въ качествѣ пашковскаго миссіонера, снабженнаго для этого разными брошюрами. Согласно съ своими новыми религіозными убѣжденіями, онъ въ своемъ домѣ снялъ драгоцѣнныя иконы, уложилъ ихъ въ сундукъ, а на мѣсто ихъ увѣшалъ стѣны евангельскими изреченіями, затѣмъ пересталъ ходить въ церковь, а устраивалъ моленія у себя дома; свояченица его при этомъ играла религіозные канты, а самъ онъ читалъ импровизированную молитву. Не ограничиваясь своей семьей, Ушковъ началъ распространять пашковщину и въ городѣ: съ этою цѣлію онъ созывалъ къ себѣ въ домъ всѣхъ, встрѣчавшихся ему на улицѣ, читалъ имъ

изъ Библіи, съ присоединеніемъ своихъ толкованій на прочитанное, раздавалъ книжки, а нѣкоторымъ бѣднымъ старушкамъ и деньги. Кромѣ лицъ, принадлежавшихъ къ семьѣ, Ушкову помогали въ дѣлѣ пропаганды состоявшіе подъ надзоромъ полиціи въ В.-Волочкѣ г.г. Кукинъ, Никитинъ и Печугинъ. На собранія г. Ушкова приходили большею частію фабричные; между ними были не только мѣщане и жители городскіе, но и жители различныхъ окрестныхъ селъ и деревень и даже иногородные; случалось, что были на собраніяхъ евреи и еврейки, былъ сторожъ Петропавловской церкви, былъ дьячекъ Михаилъ Алексѣевъ Владимірскій и даже какой-то ученикъ приходскаго училища (Николай Воробьевъ) и многія дѣти. Извѣстно, далѣе, что были на собраніяхъ посѣтители изъ Торжка, изъ Осташкова и какой-то Филиппъ Васильевъ Ярцовъ изъ Калуги, былъ помощникъ начальника Завидовской станціи Николаевской желѣзной дороги. Ушковъ всѣхъ посѣтителей записывалъ въ книгу, вѣроятно, для того, чтобы доказать предъ Пашковымъ свою пропагандистскую дѣятельность и похвастать предъ нимъ своими быстрыми успѣхами. На собраніяхъ его иногда бывало человѣкъ до 100. Не мѣшаетъ, впрочемъ, замѣтить, что на собраніяхъ этихъ далеко не всѣ охотно слушали проповѣдь Ушкова; нѣкоторые даже возмущались этой проповѣдью, особенно когда въ проповѣди отрицались и порицались иконы и

мощи. Иногда въ толпѣ раздавались голоса: „эво, братцы, какой учитель появился; слышите-ли что онъ говоритъ“. [1]) Благодаря такой дѣятельности г. Ушкова и К°, въ В.-Волочкѣ образовался нѣкоторый кружокъ пашковцевъ. Но пропаганда пашковцевъ далеко не ограничилась однимъ городомъ; она въ довольно сильныхъ размѣрахъ обнаружилась и въ уѣздѣ В.-Волоцкомъ. Это наилучшимъ образомъ раскрываетъ намъ интересное дѣло о пашковцахъ, которое разбиралось въ Волочкѣ Тверскимъ Окружнымъ судомъ 11 октября 1890 года. Изложеніе исторіи этого дѣла будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ раскрытіемъ паш-

---

[1]) Въ свое время о дѣятельности Ушкова, Кукина и К° были сообщены подробныя свѣдѣнія въ Твер. Еп. Вѣд (1883 г., №№ 15, 16 и 18) въ ст. „Пашковцы въ В.-Волочкѣ“, почему мы приводимъ ихъ въ своей статьѣ въ сокращеніи. Затѣмъ свѣдѣнія о собраніяхъ г. Ушкова находимъ еще въ корреспонденціи въ Церков. Вѣстникѣ за 1883 г. № 36. стр. 13—14. Сн. Прав. Обозр. 1890 года май—іюнь, стр. 14—15. Книга, въ которую Ушковъ вносилъ имена посѣтителей своихъ собраній, хранится въ Тверской семинарской библіотекѣ. Изъ нея видно, что собранія Ушковъ дѣлалъ часто. Имѣются въ семинарской библіотекѣ еще экземпляры Новаго завѣта съ подчеркнутыми мѣстами, принадлежавшіе Ушковымъ. Между прочимъ, въ Твер Епар. Вѣд. (1883 г. № 15, стр. 447) сдѣлана такая характеристика Ушкова: это—человѣкъ „росту средняго, брюнетъ, худощавый, болѣзненный по виду, а по характеру вспыльчивый, строптивый, въ домѣ—деспотъ. Онъ любитъ всегда обо всемъ спорить: непремѣнно хочетъ, чтобы его былъ верхъ; не къ убѣжденіямъ только, но и къ основательнымъ резонамъ другихъ глухъ: въ спорахъ о какомъ-либо случайномъ предметѣ ему представятъ причины, покажутъ прямую статью закона,—онъ останется при своемъ мнѣніи. Въ спорахъ о предметахъ религіозныхъ ему основательно разъяснятъ дѣло,—онъ скажетъ. „это—вздоръ, это вамъ попы натолковали, у нихъ пять Евангелій“.

ковскаго движенія въ В.-Волоцкомъ уѣздѣ. Она заключается въ слѣдующемъ.

Около сентября мѣсяца 1887 года прошелъ слухъ, что въ нѣкоторыхъ селеніяхъ Раевской волости и усадьбѣ Ворожебскомъ распространяется какая-то „новая вѣра“ подъ названіемъ „пашковская“. [1]) На основаніи этого слуха полицейскій урядникъ 3 стана, В.-Волоцкаго у., Павелъ Воскресенскій прибылъ въ село Ворожебское и здѣсь отъ священника села Василія Успенскаго узналъ, что дѣйствительно въ его приходѣ, по слухамъ, въ недавнее время уклонилось „въ пашковскую вѣру“ все семейство крест. дер. *Столбихи*, Раевской волости, Меркурія Кузьмина, состоящее изъ его жены Василисы Ульяновой, дочерей—Дарьи, Ольги, Пелагіи и второй Дарьи; а также уклонились въ пашковщину зять Меркурія, крест. дерев. *Можъевки* Матвѣй Дмитріевъ съ женою Татьяною Меркурьевой, прислуга г. Амукова, землевладѣльца въ усадьбѣ Ворожебскомъ, Павлина Астафьева и кормилица Марья Алексѣева. Изъ разслѣдованія такъ начавшагося дѣла обнаружилось, что первою и главною виновницею занесенія и распространенія пашковскаго лжеученія въ упомянутой мѣстности была Марья Алексѣева Семенова.— Марья Алексѣева, по происхожденію крестьянская дѣвица Петергофскаго у., Копорской волости, де-

---

1) Замѣчательно, что въ разныхъ уѣздахъ и мѣстностяхъ Тверской губ. пашковское движеніе обнаружилось съ замѣтною силою около одного времени (въ 1887 году).

ревни Копорья. Она проживала большею частію въ Петербургѣ и здѣсь, между прочимъ, поступила въ служеніе къ упомянутому г. Амукову, съ которымъ потомъ и переселились въ его усадьбу Ворожебское. Свою, такъ сказать, дѣятельность по совращенію въ пашковскую ересь Алексѣева начала, еще живя у Амукова въ Петербургѣ, и скоро пріобрѣла себѣ въ домѣ его ревностную послѣдовательницу въ лицѣ другой прислуги, крестьянской дѣвицы дер. Столбихи Дарьи Меркурьевой. Эти-то двѣ личности—крестьянскія дѣвицы Марья и Дарья (одной изъ которыхъ 28 лѣтъ, а другой 31) и явились проповѣдницами и пропагандистками пашковскаго ученія въ приходѣ Ворожебскомъ. Не любопытно-ли слышать о такихъ оригинальныхъ проповѣдницахъ,—тѣмъ болѣе, что одна изъ нихъ (Дарья) даже безграмотная и только еще учится грамотѣ?! Понятно изъ вышесказаннаго, что первенствующая и руководящая роль въ дѣлѣ такой проповѣди изъ этихъ двухъ лицъ должна была принадлежать Марьѣ Алексѣевой, какъ грамотной. Свое дѣло совращенія она начинала, какъ это обыкновенно дѣлаютъ и всѣ пашковцы, съ чтенія другимъ Евангелія съ извѣстными тенденціозными толкованіями его. „Мы съ Дарьей, показывала сама Марья на предварительномъ слѣдствіи (25 окт. 1888 г.), читали вмѣстѣ Евангеліе, которое Дарья хорошо понимала, и мы вмѣстѣ молились съ нею о томъ, чтобы уразумѣть, что

есть воля Божія, такъ какъ мы считали себя падшими грѣшницами и надѣялись замолить у Бога прощеніе". Дарьѣ Меркурьевой Евангеліе очень нравилось: „мнѣ, показывала она 26 окт. 1888 года кандидату на судебныя должности Бахъ—9 участка г. Петербурга, очень понравилось ученіе Христа, и я по пріѣздѣ въ деревню *говорила о немъ всѣмъ роднымъ*". Когда при чтеніи Евангелія Марьѣ съ Дарьей встрѣчались непонятныя мѣста, то онѣ, по собственному ихъ показанію, молились Богу, чтобы Онъ открылъ имъ глаза, и Богъ „открывалъ имъ". Результатомъ такихъ чтеній Новаго завѣта съ произвольными толкованіями на него было то, что Дарья вслѣдъ за Марьей убѣдилась въ излишествѣ и совершенной ненадобности внѣшняго строя церкви, а поэтому она совсѣмъ перестала ходить въ церковь, воздавать должное поклоненіе и почитаніе иконамъ, принимать св. таинства и т. д., а стала надѣяться на спасеніе чрезъ одну только вѣру во Христа. Убѣдившись сама въ этомъ, она скоро сдѣлалась ревностной помощницей Марьи въ совращеніи другихъ, и прежде всего она явилась проповѣдницей новаго ученія среди своихъ ближайшихъ родныхъ. Довольно скоро ей удалось привлечь на свою сторону четырехъ своихъ сестеръ: Татьяну, Ольгу, Пелагію и вторую Дарью. Дѣлала она попытки совратить и семидесятилѣтняго старика—отца, но это ей не удалось. Интересно въ этомъ отношеніи показа-

ніе самого отца Дарьи, Меркурія Кузьмина (показаніе дано В.-Волоцкому судебному слѣдователю отъ 9 ноября 1888 г.): „я—отецъ Дарьи Меркурьевой, которая въ церковь не ходитъ и говоритъ, что живетъ по Евангелію и говорила мнѣ, что надо жить по Евангелію, но я ее не понималъ, а Марья Алексѣева мнѣ даже читала свое Евангеліе, но я ее не понималъ, а потому я въ церковь хожу и иконамъ святымъ я покланяюсь, а дочери мои Ольга, Пелагея и Дарья и жена Матвѣя Дмитріева, моя дочь, Татьяна повѣрили своей сестрѣ Дарьѣ и въ церковь не ходятъ, а живутъ, какъ она учила ихъ". Каково положеніе отца въ семьѣ, которая вся уклонилась отъ православной церкви и потому, вѣроятно, относится недоброжелательно къ своему православному отцу! Такъ какъ изъ вышеперечисленныхъ сестеръ проповѣдницы три—Пелагія, Татьяна и Дарья—состоятъ въ замужствѣ, то чрезъ нихъ эта ревностная пашковка постаралась повліять и на мужей ихъ. И дѣйствительно, скоро мужъ Татьяны Меркурьевой, крест. дер. *Мокѣевки* (того же Ворожебскаго прихода) Матвѣй Дмитріевъ и мужъ второй Дарьи, крест. дер. Столбихи Давидъ Алексѣевъ сдѣлались пашковцами. Мужъ Пелагіи, какъ видно, не поддался вліянію проповѣдницы Дарьи и своей жены, но за то жена оставила его, что сдѣлала она по совѣту и убѣжденію Дарьи—проповѣдницы. Священникъ о. Василій Успенскій въ рапортѣ Тверской д. консисторіи

писалъ, между прочимъ, что „Дарья *заставила* Пелагію бросить мужа и домъ и съ груднымъ младенцемъ перейти (изъ дер. *Ерошихи*) въ Столбиху къ сестрѣ Дарьѣ“. Кромѣ всѣхъ упомянутыхъ лицъ, былъ совращенъ еще братъ Матвѣя Дмитріева, крест. дер. Мокѣевки Иванъ Дмитріевъ. Въ совращеніи родственниковъ Дарьи принимала дѣятельное участіе и Марья Алексѣева, которая, будучи грамотной, пользовалась всякимъ удобнымъ случаемъ почитать имъ Евангеліе. На судѣ выяснилось, что когда Марья съ Дарьей жили у г. Амукова въ с. Ворожебскомъ, то нерѣдко ихъ посѣщали гости, которыхъ онѣ старались „просвѣтить“. Важно въ этомъ отношеніи показаніе на судѣ церковнаго сторожа с. Ворожебскаго Антипа Ильина. Такъ какъ Антипъ Ильинъ является человѣкомъ дов. начитаннымъ и толковымъ, то Марьѣ съ Дарьей особенно хотѣлось привлечь его на свою сторону. Съ этою цѣлію онѣ разъ пригласили его къ себѣ—въ домъ Амукова—на чашку чаю и завели съ нимъ разговоръ о Богѣ. „Какъ ты думаешь о Богѣ“,—обратилась къ нему съ вопросомъ Марья. Антипъ отвѣчалъ, что онъ вѣритъ въ Бога такъ, какъ велитъ православная церковь. Затѣмъ, говоря частнѣе о своей вѣрѣ, онъ сказалъ, что почитаетъ святыхъ и молится имъ, воздаетъ должное поклоненіе иконамъ, особенно въ церкви. На это Марья прямо замѣтила, что иконы—дерево и что нужно молиться только духомъ; не нужно, гово-

рила она. и креститься, потому что крестъ въ душѣ. Говорили онѣ еще о причащеніи, при чемъ Марья, или, можетъ быть, Дарья замѣтила, что „гдѣ сидимъ, тутъ и причащайся“. Разъ Дарья съ сестрами приходила къ Антипу Ильину и на домъ съ предложеніемъ ему читать Евангеліе. Антипъ Ильинъ сказалъ, что онъ Евангеліе читалъ и любитъ читать, но Евангеліе, предложенное Дарьей, не взялъ, поопасившись, по его собственнымъ словамъ, *„не другаго-ли сословія* Евангеліе предлагаютъ ему“. Такъ и не удалось Марьѣ съ Дарьей сбить съ пути истиннаго этого церковнаго человѣка. — Такъ вели свое дѣло распространенія пашковскаго ученія двѣ дѣвицы—проповѣдницы. По сообщенію свящ. Успенскаго, онѣ вели даже переписку съ Петербургомъ и оттуда получали ободрительныя письма крѣпко стоять за вѣру и мужественно переносить гоненія. Изъ одного письма изъ Петербурга отъ какой-то „Паши“, присланнаго на имя Марьи, видно, что дѣйствительно въ дѣлѣ нашихъ проповѣдницъ принимала участіе какая-то Петербургская „барышня Евгенія Карловна“. Вотъ это письмо, приложенное при дѣлѣ. „Милая сестрица Маша во Христѣ и Даша. Я ходила, справлялась о дѣвочкѣ (какой?!), она, слава Богу, жива, и здорова, *я мало хожу на собранія*, читаю и радуюсь, что могу читать, слава Богу, мать моя на мѣстѣ, но только она скучаетъ; что я посылала—отвѣта не получала, *у насъ сильное гоненіе.*

Барышня Евгенія Карловна посылаетъ вамъ обѣимъ поклонъ, мы *посылаемъ вамъ вмѣстѣ миръ Божій*, отпишите, когда получите мое письмо и когда вы пріѣдете съ дачи. Извѣстная тебѣ Паша въ Господѣ сестра". Характеръ всего письма, а особенно подчеркнутые нами мѣста ясно показываютъ, что „Паша" и барышня Евгенія Карловна вполнѣ раздѣляютъ мысли и убѣжденія „Маши и Даши", т. е. нашихъ Вышневолоцкихъ проповѣдницъ. Какое разумѣется въ письмѣ гоненіе—трудно сказать; вѣроятно, письмо было писано уже послѣ начала судебныхъ разслѣдованій, бывшихъ по разсматриваемому дѣлу въ Петербургѣ—въ октябрѣ 1888 года. „Паша", писавшая письмо,—это, вѣроятно, Павлина Астафьева, одна изъ прислужницъ г. Амукова; писала она тогда, когда Дарья и Марья вмѣстѣ съ семействомъ г. Амукова жили на дачѣ, а она почему-либо оставалась въ Петербургѣ. Изъ дѣла обстоятельства эти вполнѣ не выясняются. Далѣе, какъ на поддержку въ дѣлѣ распространенія пашковскаго ученія упомянутыми крестьянскими дѣвицами, свящ. о. Успенскій въ рапортѣ консисторіи указываетъ на денежную субсидію, получавшуюся ими изъ Петербурга: онъ признаетъ это даже главною причиною распространенія пашковщины. „Главная поддержка въ ихъ мнимой вѣрѣ и причина ея распространенія состоитъ, какъ надобно полагать, не въ религіозномъ убѣжденіи, а въ деньгахъ, высылаемыхъ изъ Пе-

тербурга: сами онѣ хвастаютъ предъ православными: „ваши боги безноги, указывая на полулики (точнѣе—поясныя изображенія) св. иконъ, ничего вамъ не подаютъ, а намъ невидимый Богъ денежки шлетъ". (Изъ рапорта о. В. Успенскаго).

Въ засѣданіи отдѣленія Тверскаго Окружнаго суда, 11-го октября, въ г. В.-Волочкѣ и явились на скамьѣ подсудимыхъ крестьянскія дѣвицы Марья Алексѣева и Дарья Меркурьева, обвинявшіяся въ совращеніи въ пашковскую ересь. Виновными въ распространеніи пашковскаго ученія онѣ себя не признали, а сознавались только въ томъ, что онѣ любили читать Евангеліе, которое иногда читали и постороннимъ, но объ обрядахъ и иконахъ,— о томъ, что будто они не нужны, никому ничего не говорили. А такъ какъ въ Евангеліи, говорили подсудимыя, ничего худаго нѣтъ, а только одно хорошее, — говорится тамъ о нашемъ спасеніи чрезъ Христа,—то мы и не считаемъ себя виновными. Начался допросъ свидѣтелей. Такъ какъ изъ свидѣтелей одни были православные, а другіе—вполнѣ уже увлеченные пашковскимъ ученіемъ, то понятно, что показанія ихъ были совершенно различны. Прежде всего, свидѣтели—пашковцы всѣ отказались принять присягу на основаніи извѣстныхъ словъ Евангелія: „не клянись вовсе" (Мѳ. 5, 34). При допросѣ свидѣтели—православные раскрыли дѣло приблизительно такъ, какъ оно изложено нами выше: факты совращенія въ пашковщину изъ этихъ

показаній выяснились съ несомнѣнностію. Данныя, добытыя при этомъ судебнымъ процессомъ, явились главнымъ и вполнѣ справедливымъ основаніемъ для обвиненія подсудимыхъ. Свидѣтели же изъ пашковцевъ, по возможности, уклонялись говорить о самомъ дѣлѣ, а болѣе распространялись о своихъ религіозныхъ воззрѣніяхъ. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи показанія ихъ довольно характерны и заслуживаютъ вниманія. На вопросъ предсѣдательствующаго, — „какого они исповѣданія“, — пашковцы отвѣчали: — одинъ (Матвѣй Дмитріевъ) „христіанскаго: вѣрую Іисусу Христу и всѣмъ святымъ“, другой — (Иванъ Дмитріевъ) отвѣчалъ словами символа вѣры: „вѣрую во единаго Бога Отца“ и т. д., третья (Татьяна Меркурьева) — „евангельскаго — христіанскаго“. Затѣмъ, свидѣтели — крестьяне Иванъ Дмитріевъ, Матвѣй Дмитріевъ и Давидъ Алексѣевъ Гусевъ особенно указывали на то обстоятельство, что они до „призванія ихъ Господомъ“ (т. е. до совращенія въ пашковщину) были большими грѣшниками: „прежде, говорилъ на судѣ Иванъ Дмитріевъ, я былъ и воръ, и пьяница, и глупый, хотя и ходилъ въ православную церковь“; „прежде мы были большіе грѣшники и пьянствовали“, обличали себя на судѣ Матвѣй Дмитріевъ и Давидъ Алексѣевъ. Но теперь съ ними произошла радикальная перемѣна. Отчего? Это—опять-таки одинаково объясняется всѣми пашковцами. То, что они дѣлали прежде, то дѣ-

лали „*по наитію*“, а теперь „Господь призвалъ“, „Господь научилъ“, „Господь далъ“, „Господь съ нами“, „потому что сказано: стучите и отворится“; теперь имъ „открылось“, т. е. они получили какое-то просвѣтлѣніе и озареніе какъ-бы свыше.—Относительно православнаго храма свидѣтели—пашковцы говорили, что туда ходить не слѣдуетъ, потому что иконамъ кланяться нельзя, а понять тамъ ничего невозможно,—да и потому не слѣдуетъ ходить въ церковь, что церковь, по слову Христа, вездѣ, гдѣ собраны двое или трое во имя Его. Одинъ пашковецъ (Давидъ Гусевъ) сказалъ, что онъ ходитъ въ церковь, но только *въ живую*. Тотъ же пашковецъ относительно таинства покаянія показывалъ, что онъ его признаетъ, но только „предъ Господомъ, а не человѣкомъ“, а одна пашковка сказала, что „предъ Господомъ она исповѣдуется каждый день“. Однимъ словомъ, изъ показаній свидѣтелей—пашковцевъ обнаружилось, что они вполнѣ увлеклись пашковскимъ лжеученіемъ и что возвратить ихъ въ православную церковь весьма трудно: напротивъ нужно ожидать, что они пойдутъ дальше по тому же скользкому пути, на который встали, и явятся впослѣдствіи ревностными пропагандистами пашковщины въ своихъ деревняхъ.

Не излагая другихъ подробностей судебнаго процесса, которыя не имѣютъ существеннаго отношенія къ намѣченной нами задачѣ, мы закон-

чимъ здѣсь рѣчь объ немъ тѣмъ сообщеніемъ, что дѣло кончилось осужденіемъ подсудимыхъ. Рѣшеніемъ суда обѣ подсудимыя приговорены къ ссылкѣ въ Закавказскій край. Не можемъ, впрочемъ, не отмѣтить здѣсь того обстоятельства, что судебное рѣшеніе было выслушано обвиненными совершенно спокойно: онѣ въ это время только поднимали глаза и головы кверху, какъ-бы молясь Богу и предаваясь Его волѣ, а одна изъ нихъ складывала и поднимала руки въ молитвенномъ настроеніи. Совершенно подобное же мы наблюдали и при другомъ дѣлѣ о пашковцахъ, на которомъ намъ пришлось быть и о которомъ рѣчь будетъ сейчасъ ниже [1]).

---

[1]) Вѣроятно, вслѣдствіе кассаціи дѣло Марьи Семеновой и Дарьи Меркурьевой, спустя годъ, именно 24 окт 1891 года, пересматривалось вновь. Такъ какъ при этомъ пересмотрѣ новыхъ фактовъ и вообще новыхъ чертъ, могущихъ послужить для лучшей характеристики пашковскаго движенія въ В.-Волоцкомъ уѣздѣ, не обнаружилось, то мы находимъ возможнымъ не касаться этого новаго судебнаго процесса: на немъ подтвердилось еще разъ почти все то, что сообщено нами изъ этого дѣла выше; а потому и кончился этотъ процессъ тѣмъ же приговоромъ о подсудимыхъ, какъ и 11-го окт. 1890 года.

Наконецъ, говоря о сектантскомъ движеніи въ Вышневолоцкомъ уѣздѣ, нельзя пройти молчаніемъ секту *перховцевъ*, явившуюся тамъ въ послѣднее время и окрещенную такимъ именемъ по названію того селенія, въ которомъ водворился основатель ея,—нѣкто Новоселовъ, человѣкъ съ высшимъ образованіемъ. На деньги, доставшіяся ему послѣ смерти отца, Новоселовъ купилъ въ Вышневолоцкомъ уѣздѣ при селѣ Перховѣ имѣніе и основалъ здѣсь общину въ духѣ и на основѣ Толстовскаго *опрощенія*. Минуя здѣсь все то, что касается устройства этой общины на Толстовскихъ началахъ, мы упомянемъ только, что въ религіозномъ отношеніи эта община является крайне вредною для православной церкви, потому что представляетъ собою благопріятную почву для развитія всякихъ отрицательныхъ и разрушительныхъ для

Но изъ всѣхъ дѣлъ о пашковцахъ, происходившихъ въ Тверской губ., особую извѣстность получило дѣло крестьянина с. Ладьина (Стар. у.) Никанора Трофимова Орѣхова—и не потому, чтобы оно было особенно важно, такъ сказать, по своей сущности (для уясненія и характеристики пашковщины), а по той простой причинѣ, что оно было однимъ изъ самыхъ первыхъ дѣлъ этого рода не только въ Тверской губ, но и другихъ, почему, естественно, и обратило на себя особенное вниманіе печати. Исторія этого дѣла въ литературѣ настолько уже извѣстна [1]), что мы

церкви ученій. Какъ сами Толстой и Пашковъ въ отношеніи къ церкви суть люди одного пошиба и одинаково вредны для нея, такъ и зарождающіяся отъ нихъ общества,—плоды ихъ дѣятельности,—одинаково угрожаютъ спокойствію и миру церковному. Перховцы, какъ извѣстно, отрицаютъ въ церкви все то, что отрицаетъ и Пашковъ, и Толстой, а для пропаганды своихъ воззрѣній употребляютъ (или по крайней мѣрѣ употребляли), по газетнымъ извѣстіямъ, такія средства „По вечерамъ и въ праздничные дни сектанты занимаются своеобразнымъ толкованіемъ Евангелія, при чемъ, кромѣ послѣдователей секты, на означенныя бесѣды допускаются и посторонніе. Во время чтенія Евангелія устраиваются ученые диспуты, но они ведутся на языкѣ, понятномъ крестьянамъ Секта перховцевъ нашла здѣсь хорошую почву и распространяется очень быстро.“ (Кіевл. № 198, 1891 г.). Впрочемъ, насколько намъ извѣстно, въ настоящее время община эта прекратила свое существованіе потому-ли, что за противозаконныя дѣйствія основателей ея заставили выселиться, или потому, что будучи основана на ложныхъ неосуществимыхъ въ жизни началахъ, она сама собою распалась, какъ это неоднократно уже случалось съ подобными Толстовскими колоніями въ друг. мѣстахъ.

[1]) См брошюру „Свѣдѣнія о сектѣ пашковцевъ,“ затѣмъ, Твер. Епарх Вѣд. за 1885 годъ, Пастыр Собес. 1885, № 5, въ ст. „Пашковцы въ Старицкомъ уѣздѣ,“ Церк.-Общ. Вѣстникъ, 1885, № 62 „Ладьинскіе пашковцы“ и изслѣдованіе Гр Терлецкаго „Секта пашковцевъ.“ (Прав. Обозр. 1890, 2, стр. 21—24). Поправляемъ, впрочемъ,

не находимъ нужнымъ давать новаго подробнаго изложенія ея, а коснемся ея коротенько; болѣе же подробно укажемъ только на тѣ стороны этого дѣла, которыя обнаружились во время самаго судебнаго процесса, о чемъ въ печати не имѣется еще никакихъ извѣстій.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ 1883 года одинъ крест. с. Ладьина, Старицкаго у., Никаноръ Трофимовъ Орѣховъ, возвратясь изъ Петербурга, гдѣ онъ работалъ на Балтійскомъ судостроительномъ заводѣ, оказался принадлежащимъ къ пашковскому лжеученію, въ чемъ мѣстный священникъ убѣдился лично изъ объясненій съ Орѣховымъ. Послѣ недолговременнаго пребыванія въ своемъ домѣ, Орѣховъ опять уѣзжалъ на заработки въ Петербургъ, откуда возвратился на родину въ декабрѣ 1884 года еще болѣе упорнымъ въ своемъ лжеученіи, которое и началъ распространять между сосѣдними крестьянами. Мѣстный священникъ о. Рязанцевъ обратилъ на это серьезное вниманіе и нашелъ нужнымъ донести о появленіи и растространеніи въ его приходѣ новаго ученія епархіальному начальству и сообщить о томъ-же въ Старицкое уѣздное полицейское управленіе, что и сдѣлалъ 12 декабря 1884 года. Слѣдствіемъ вполнѣ было установлено, что прежде всѣхъ въ пашковское ученіе уклонился Никаноръ

г. Терлецкаго въ томъ, что главнаго распространителя пашковщины въ с. Ладьинѣ зовутъ не Николай Орѣховъ (какъ у Терлецкаго), а Никаноръ.

Трофимовъ Орѣховъ во время пребыванія своего въ Петербургѣ въ 1883 году. Его примѣру послѣдовали работавшіе въ Петербургѣ односельцы его: Власъ Максимовъ, Степанъ Павловъ Вороновъ, Павелъ Павловъ; затѣмъ вся семья Трофимова, состоящая изъ отца—Трофима Арефьева, жены и троихъ дѣтей его, нѣкоторые изъ семейныхъ Павла Павлова и, наконецъ. сосѣдъ Орѣхова Яковъ Васильевъ Мамай. Всего совращенныхъ лицъ оказалось 17 человѣкъ. Кромѣ установленія факта совращенія въ пашковское ученіе, было дознано о нѣсколькихъ случаяхъ кощунства; изъ нихъ наиболѣе обращаютъ на себя вниманіе тѣ, при которыхъ пашковцы обнаруживали свое нетерпимое отношеніе къ православному духовенству и св. иконамъ. Православныхъ священниковъ они называли „идолами“, св. иконы „простыми досками, намалеванными маляромъ безъ всякаго толку“, православныхъ всѣхъ „идолопоклонниками“. Впрочемъ, объ этомъ подробнѣе мы намѣрены сказать ниже—при изложеніи дѣла такъ, какъ оно выяснилось изъ свидѣтельскихъ показаній на судѣ.

Вслѣдствіе вышесказаннаго епархіальное начальство передало дѣло о совратителяхъ и кощунникахъ на распоряженіе прокурора Ржевскаго Окружного суда. Однако, на первый разъ дѣло приняло не тотъ оборотъ, какой былъ желателенъ въ видахъ охраненія православныхъ отъ дальнѣйшаго совращенія въ лжеученіи. Московская

судебная палата на заключеніе прокурора о дѣлѣ, своимъ опредѣленіемъ отъ 18 февраля 1886 года постановила прекратить его относительно четырехъ лицъ, которыя, по слѣдствію, должны-бы подлежать суду,—и оставила подлежащимъ суду только одного главнаго изъ всѣхъ—распространителя лжеученія—Никанора Орѣхова. Но затѣмъ, по иниціативѣ епарх. начальства, снова было возбуждено преслѣдованіе противъ пяти пашковцевъ, распространявшихъ свое лжеученіе, слѣдствіемъ чего и состоялся разборъ дѣла ихъ Ржевскимъ Окружнымъ судомъ въ городѣ Старицѣ.

7-го мая 1888 года въ 10 часовъ дня судъ былъ открытъ. На скамьѣ подсудимыхъ явилось пять человѣкъ—самыхъ обыкновенныхъ, ничѣмъ особенно не выдающихся крестьянъ—ни по своей наружности, ни по костюму;—но тѣмъ замѣчательнѣе было знать, что эти наши простые русскіе мужички являются проповѣдниками новаго религіознаго ученія, а не того, которое издавна содержитъ наша православная церковь. На многія мысли и соображенія наводятъ подобные случаи, сильно заставляютъ они призадуматься всякаго, для кого не безразличны интересы вѣры и церкви. Какъ-то съ трудомъ вѣрится даже своимъ ушамъ и глазамъ всякій разъ, когда слышишь и видишь, что изъ среды нашихъ православныхъ крестьянъ появляются выходцы, начинающіе отрицать церковь, іерархію, обряды и т. д., т. е.

отрицать все то, чѣмъ нашъ русскій народъ жилъ и дышалъ въ продолженіе столькихъ вѣковъ своей исторической жизни,—и вмѣсто этого проповѣдующіе идеи протестантскія, лютеранскія и даже кальвинскія, т. е. такія идеи, къ которымъ во время оно народъ русскій относился не только съ ненавистію, но даже съ какимъ-то физическимъ отвращеніемъ: съ точки зрѣнія древняго русскаго человѣка лютеранинъ—вовсе даже и не христіанинъ, мало этого, онъ человѣкъ нечистый, съ которымъ не нужно имѣть никакихъ сношеній и ничего общаго; а теперь простой русскій крестьянинъ является проповѣдникомъ протестантскихъ идей. — Главный изъ подсудимыхъ, который былъ первымъ глашатаемъ новыхъ идей въ своей деревнѣ (Ладьинѣ, Стар. у.), явился на судъ съ Библіей въ рукахъ, очевидно съ прямымъ намѣреніемъ защищать свое ученіе словомъ Божіимъ [1]). Замѣчательно, что изъ всѣхъ пяти подсудимыхъ только двое знали хорошо грамотѣ, а изъ остальныхъ троихъ—двое совсѣмъ безграмотны, а одинъ съ трудомъ умѣющій читать. Вотъ каковы новые проповѣдники новаго религіознаго ученія! На вопросъ предсѣдателя—„какой подсудимые вѣры“, — всѣ они кромѣ одного Власа Максимова, отвѣчали, что они—вѣры „евангельской“, а Власъ отвѣчалъ,

---

[1]) Иванъ Кондратьевъ явился на судъ съ двумя Библіями и еще съ какими-то книгами.

что онъ—„вѣры православной, бывшій—„евангельской“. Дѣло въ томъ, что этотъ подсудимый въ Великомъ посту того-же 1888 года обратился къ православной церкви. Допрошенный судомъ отдѣльно отъ прочихъ подсудимыхъ, Власъ Максимовъ разсказалъ исторію своего совращенія въ пашковскую ересь и потомъ возвращенія въ православіе. Оказывается, что до своего совращенія онъ, живя въ Петербургѣ, велъ нетрезвую. разгульную жизнь, что и подало поводъ Никанору Орѣхову обратиться къ нему съ увѣщаніями, среди которыхъ Орѣховъ сталъ звать Власа сходить послушать проповѣдей и бесѣдъ г. Пашкова. Власъ послушался,—и въ первый же разъ бесѣды Пашкова ему очень понравились, такъ что онъ сталъ посѣщать ихъ нерѣдко, результатомъ чего и было его убѣжденіе въ истинности ученія Пашкова. Но потомъ Власъ, уже послѣ возбужденія противъ него и другихъ судебнаго преслѣдованія, сталъ сомнѣваться въ ученіи пашковцевъ, сталъ много думать, съѣздилъ за совѣтомъ въ Кронштадтъ къ о. Іоанну Сергіеву и въ концѣ концовъ рѣшился опять возвратиться въ лоно православной церкви. Но прежде чѣмъ сдѣлаться снова членомъ церкви, онъ просилъ, чтобы его наказали и „посадили въ тюрьму на 47 дней для того, чтобы пострадать“: „40 дней, говорилъ Власъ, я желалъ пострадать по примѣру сорокадневнаго поста Спасителя, а 7 дней прибавилъ потому, что отвергалъ 7 таинствъ“.

Въ заключеніе своихъ показаній Власъ признавалъ себя блуднымъ сыномъ, пришедшимъ къ Отцу.—Религіозныя убѣжденія прочихъ подсудимыхъ, насколько они выяснились изъ показаній ихъ самихъ, представляются въ слѣдующемъ видѣ. Единственнымъ основаніемъ ихъ вѣрованій является слово Божіе: „они вѣруютъ такъ, какъ учитъ Писаніе“, все спасеніе заключается въ вѣрѣ въ І. Христа, а церковь, іерархія, обряды, иконы и прочія внѣшнія средства спасенія не нужны. Относительно таинствъ они выражались весьма неопредѣленно, такъ что на вопросъ одного изъ экспертовъ,—„сколько таинствъ они признаютъ“,—Орѣховъ сказалъ: 4 или 5, а другой подсудимый упомянулъ только три,—и то не всѣ тѣ, какія перечислилъ самъ Орѣховъ; при этомъ пониманіе таинствъ у нихъ совершенно своеобразное; напр. указаніе на таинства миропомазанія и елеопомазанія (которыя, очевидно, смѣшиваются) Орѣховъ усмотрѣлъ въ томъ мѣстѣ Евангелія, гдѣ говорится, что жена помазала ноги Іисуса многоцѣннымъ мѵромъ и тѣмъ приготовила Его къ погребенію.—О значеніи добрыхъ дѣлъ говорили они весьма неопредѣленно; очевидно, въ ихъ представленіи очень мало ясности въ этомъ отношеніи. На вопросъ: „что спасаетъ“,—всѣ отвѣчали—„одна вѣра“, а на вопросъ о дѣлахъ, говорили, что и „они нужны“, но не поставляли ихъ особымъ условіемъ спасенія. Понять ихъ въ этомъ отношеніи было дов. трудно;

только одинъ изъ подсудимыхъ (Павелъ Павловъ) пролилъ нѣкоторый свѣтъ на эту сторону ихъ ученія. Онъ сказалъ, что послѣ познанія истиннаго ученія (т. е. пашковскаго) они уже не грѣшатъ, не дѣлаютъ худыхъ дѣлъ: перестали пить, ругаться скверными словами и т. д. [1]). Затѣмъ, обращаетъ на себя вниманіе показаніе одного изъ подсудимыхъ по поводу вопроса о поклоненіи иконамъ; по показанію его, бездушнымъ иконамъ покланяться не слѣдуетъ, *а лучше покланяться другъ другу.* [2]) Изъ показаній подсудимыхъ выяснилось также, что они часто собирались читать Новый завѣтъ и къ нимъ для слушанія являлись сосѣди, при чемъ это чтеніе сопровождалось объясненіями и пѣніемъ стиховъ. При своихъ показаніяхъ о вѣрѣ Орѣховъ часто дѣлалъ попытки обратиться къ ссылкѣ на Библію, неоднократно хотѣлъ читать по ней. Самыя первыя слова его показаній были: „я вѣрую всему, что есть въ Словѣ Божіемъ, а всему, чего тамъ нѣтъ, не вѣрую“,—и послѣ этого прямо хотѣлъ было читать по Библіи. Прибавивъ ко всему сказанному объ ученіи подсудимыхъ то, что Орѣховъ не признаетъ іерархіи на основаніи словъ Спасителя: „не называйте себѣ учители на

---

1) Это обычная характерная черта показаній на судѣ всѣхъ пашковцевъ—безъ исключенія. Значеніе и смыслъ подобнаго самообольщенія пашковцевъ касательно своей святости нами выяснены въ ст. о „Сютаевцахъ.“

2) Подобная черта, какъ извѣстно, есть въ ученіи духоборцевъ.

землѣ“ и т. д., мы въ общихъ чертахъ исчерпаемъ все ученіе орѣховцевъ, насколько оно выяснилось изъ показаній ихъ самихъ. Значительно болѣе выяснилось это ученіе изъ свидѣтельскихъ показаній, къ изложенію которыхъ мы и обратимся.

Всѣ свидѣтельскія показанія могутъ быть раздѣлены на двѣ категоріи—показанія пашковцевъ и показанія православныхъ. Изъ перваго рода показаній больше уясняется положительное ученіе сектантовъ, а изъ втораго—ихъ взглядъ на православную церковь, или вообще ихъ отношеніе къ православнымъ. Всѣ свидѣтели—пашковцы, изъ которыхъ обращаютъ на себя особенное вниманіе старикъ—отецъ Н. Орѣхова, жена и сынъ его, на вопросъ о вѣрѣ отвѣчали, что они „вѣры евангельской“; впрочемъ, одна сектантка, кажется, жена Филиппа Иванова отвѣчала, что она,—„вѣры истинной“, а какой,—того не хотѣла объяснить. На слѣдующій вопросъ,—ходятъ ли они въ церковь,—отвѣчали вопросомъ-же: „въ какую церковь?“—и затѣмъ прибавляли: „то, что у васъ (т. е. православныхъ) называется церковью—это не церковь, а домъ молитвы“. Особенно въ этомъ отношеніи характерно показаніе сына Орѣхова,—мальчика 14 лѣтъ. На вопросъ: „ходитъ-ли онъ въ церковь“, — отвѣчалъ: „въ какую; церковь по Слову Божію—мы: вы есте храмъ Божій, а въ вашу церковь не хожу“. Отвѣчалъ онъ это бойко, увѣренно и совершенно

спокойно,—очевидно, увѣренный въ справедливости своего отвѣта. Такъ удобно и крѣпко привились къ нѣжной душѣ мальчика сѣмена лжеучителя—отца.—На дознаніе же о томъ, съ какого времени и почему перестали сектанты ходить въ церковь, почти всѣ они отвѣчали, что перестали ходить года 4 тому назадъ „по внушенію Духа святаго“. Суду необходимо было выяснить, какую роль игралъ въ совращеніи своихъ семейныхъ хозяинъ дома—главный лжеучитель Никаноръ Орѣховъ, но свидѣтели—пашковцы въ большинствѣ настойчиво утверждали, что они „просвѣтились“ сами собою, читая Библію; ее читалъ старикъ Орѣховъ еще до прихода Никанора изъ Петербурга; только жена Н. Орѣхова послѣ долгаго упорства принуждена была сказать, что „куда игла, туда и нитка“, т. е. прямо созналась, что она послѣдовала за мужемъ. Самъ старикъ Орѣховъ утверждалъ все одно и то же, именно, что и раньше прихода сына изъ Петербурга въ 1883 г. онъ читалъ Библію. Но какъ-бы то ни было, изъ показаній свидѣтелей—пашковцевъ вполнѣ выяснилось, что всѣ они начали совращаться въ пашковское лжеученіе не раньше, какъ съ 1884 года, потому что всѣ согласно показали, что въ церковь православную перестали ходить года четыре тому назадъ; а слѣдовательно, это было въ то время, когда, по донесенію мѣстнаго священника, Никаноръ Орѣховъ началъ распространять свое лжеученіе между сосѣдями.

Изъ показаній православныхъ свидѣтелей выяснилось преимущественно отрицательное отношеніе сектантовъ къ церкви, таинствамъ, богослуженію и обрядамъ. По показанію одного изъ свидѣтелей, о священныхъ предметахъ православной церкви сектанты отзывались такъ, что „и сказать нехорошо“. И дѣйствительно, другой свидѣтель припомнилъ цѣлый рядъ кощунственныхъ выраженій сектантовъ о святыняхъ церкви. Такъ, онъ засвидѣтельствовалъ, что о мощахъ сектанты говорили слѣдующее: „наклали у васъ тамъ (т. е. въ прав. церкви) головешекъ обгорѣлыхъ, да и прикрыли ихъ, а вы прикладываетесь“ [1]). О св. Таинахъ, по показанію того-же свидѣтеля, сектанты говорили такъ, что дѣйствительно не хотѣлось-бы повторять. Въ самомъ дѣлѣ, не больно-ли для чувства вѣрующаго слышать такой отзывъ о св. Тайнахъ: „наболтаетъ у васъ (православныхъ) попъ чего-то, выпьетъ самъ, да потомъ платкомъ потретъ (конечно, разумѣется вытираніе св. сосуда шелковымъ платкомъ), а платокъ-то отдастъ старостѣ, а тотъ пойдетъ съ нимъ среди народа,—да бабамъ“,— и далѣе слѣдуютъ такія показанія, которыя лучше здѣсь не воспроизводить. Затѣмъ, по поводу вопроса о св. причащеніи у этого свидѣтеля съ кѣмъ-то изъ сектантовъ былъ, по его показанію,

---

[1]) Припомнимъ здѣсь отзывъ о святыхъ и мощахъ Андрея Воробьева. „угодниковъ вовсе нѣтъ и никакихъ мощей преп. Ефрема Новоторжскаго—нѣтъ, *а тамъ въ гробницѣ—смола*“.

такой разговоръ. Сектантъ однажды говорилъ ему, что каждый разъ, какъ мы ѣдимъ или пьемъ,—причащаемся; на это онъ, свидѣтель, замѣтилъ: „какъ-же такъ; положимъ, что мы за обѣдомъ причащаемся, а куски послѣ обѣда часто отдаемъ собакамъ, или скоту: вѣдь выходитъ, что и собаки причащаются". Кстати здѣсь замѣтить, что дѣйствительно и на судѣ одинъ изъ подсудимыхъ (Павелъ Павловъ) относительно таинства причащенія говорилъ, что каждый разъ, какъ мы ѣдимъ или пьемъ, причащаемся, потому что возвѣщаемъ смерть Господню. Очевидно, въ данномъ случаѣ обнаруживается ложное пониманіе словъ ап. Павла: *елижды бо аще ясте хлѣбъ сей и чашу сію піете, смерть Господню возвѣщаете, дондеже пріидетъ* (1 Кор. 11. 26) [1]). Изъ показаній все того-же свидѣтеля выяснился отчасти

---

1) Замѣчательно, что въ данномъ случаѣ орѣховцы напоминаютъ безпоповщинскую секту странниковъ, хотя по своимъ основнымъ началамъ и взглядамъ не имѣютъ съ ней ничего общаго. Извѣстно, что нѣкоторые странники, стремясь имѣть въ таинствѣ причащенія видимую сторону, говорятъ: „принимаю на каждый день тѣло Христово и безсмертнаго источника вкушаю, сирѣчь каждый день трапезу поставляю и въ показанное время обѣдаю. Законнику свято есть, кую пищу не поставитъ, хотя-бы было и зелье крѣпко, и то въ тѣло и кровь Христову обращается". (Разглагольствованія Тюменскаго странника).—Между прочимъ, Орѣховъ самъ совершалъ какое-то причащеніе. Такъ одинъ свидѣтель, десятскій Ивановъ объяснилъ, что «Великимъ постомъ былъ въ ихъ селеніи какой-то старичекъ нищій изъ с. Стружни, Новот. у. (старовѣръ), онъ ночевалъ въ домѣ Орѣхова и былъ свидѣтелемъ, какъ Орѣховъ совершалъ причащеніе себя, своихъ семейныхъ и пашковцевъ—односельцевъ, при чемъ вино было налито въ чашку, а пшеничная бѣлая булка изображала тѣло Христово. Орѣховъ предлагалъ причастить и нищаго, но тотъ отказался».

взглядъ орѣховцевъ на почитаніе святыхъ. Празднованіе святымъ орѣховцы считаютъ по меньшей мѣрѣ дѣломъ неважнымъ. Когда православные торжественно праздновали въ первый разъ день св. Кирилла и Меѳодія, тогда орѣховцы отправились на работу. На замѣчаніе православныхъ,— зачѣмъ они пошли работать, тѣ отвѣчали: — „какой тамъ Кириллъ и Меѳодій: мало-ли вы выдумаете какихъ святыхъ, все и празднуй“. На замѣчаніе православныхъ, что праздновать свв. Кириллу и Меѳодію приказалъ самъ царь, пашковцы отвѣчали, что „царь такой-же человѣкъ, какъ и всѣ, помазанника Божія они въ немъ не признаютъ,—и что онъ не можетъ приказать имъ праздновать какому-то Кириллу“. Что касается самихъ подсудимыхъ, то относительно почитанія святыхъ они говорили на судѣ уклончиво, не высказывая положительнаго своего взгляда на этотъ предметъ. Предсѣдатель суда попросилъ одного изъ подсудимыхъ, чтобы онъ назвалъ имена хоть нѣкоторыхъ святыхъ, которыхъ они (пашковцы) почитаютъ; но подсудимый этотъ, не назвавъ ни одного святого, замѣтилъ только, что ихъ около престола Божія предстоитъ столько тысячъ, что не перечислишь. Послѣ свидѣтеля, содержаніе показаній котораго выше изложено, предъ судомъ выступила свидѣтельница,—вдова, крестьянка с. Ладьина. На вопросъ предсѣдателя, что она можетъ показать по дѣлу, она отвѣтила:—„ничего, только знаю, что они

(пашковцы) выстроили мнѣ сарай — и спасибо имъ за то". Когда были спрошены сами подсудимые, почему они выстроили вдовѣ сарай, тѣ отвѣчали, что она вдова и женщина бѣдная, а Христосъ велѣлъ помогать бѣднымъ, вотъ почему они и построили сарай. Судъ желалъ выяснить, не было-ли у пашковцевъ какихъ другихъ побужденій для постройки сарая, не желали-ли они этимъ расположить вдову въ свою пользу и чрезъ то совратить ее въ свое лжеученіе. Но выяснить это не удалось. Не безъ основанія можно было предполагать, что пашковцы для болѣе легкаго способа привлеченія въ лжеученіе получали изъ Петербурга денежныя средства, но на судѣ было узнано только, что получилъ рублей 20—неизвѣстно откуда — одинъ Филиппъ Ивановъ [1]). Изъ показаній прочихъ православныхъ свидѣтелей обращаетъ на себя вниманіе показаніе одного мальчика (14 лѣтъ), который говорилъ, что одинъ изъ сектантовъ даже на улицѣ читалъ имъ (нѣсколькимъ дѣтямъ) Евангеліе и объяснялъ.— Всѣхъ свидѣтелей было допрошено 26 человѣкъ. Всѣ они снова подтвердили свои показанія, какія давали на предварительномъ слѣдствіи, и

---

1) Фактъ сношеній Ладьинскихъ сектантовъ съ Петербургскими и другими пашковцами,—и притомъ лицами важными, на предварительномъ слѣдствіи установленъ ясно.—У самого Н. Трофимова между книгами найдено было письмо даже изъ Парижа отъ Корфа, на конвертѣ котораго значится по-французски: *для передачи Трофимову*. Въ письмѣ этомъ Корфъ разъясняетъ сомнѣніе какой-то женщины относительно того, что не грѣшно-ли имѣть дѣтей въ супружествѣ.

изъ этихъ показаній еще разъ выяснилось, что св. иконы орѣховцы называли простыми досками, „намалеванными малеромъ“, „лопатами“, „идолами“, церковь—„домомъ торговли, въ которомъ торгуютъ просфорами, свѣчами“ и т. п., „іудейской синагогою“, православныхъ священниковъ—„идолами, кичкой, волхвами, подобными Симону—волхву“, православныхъ—идолопоклонниками и т. п. Въ заключеніе рѣчи о свидѣтельскихъ показаніяхъ стоитъ сказать, что орѣховцы справедливость многихъ изъ этихъ показаній отвергали, или же истолковывали ихъ иначе. Такъ, напримѣръ, самъ Орѣховъ, по поводу показаній свящ. Рязанцева о томъ, что онъ (Никаноръ Орѣховъ) разъ не снялъ предъ св. крестомъ шапки и при этомъ еще оскорбилъ его (священника) грубыми словами, объяснилъ, что шапки онъ не снялъ потому, что былъ тогда весьма сильный морозъ, а словъ—оскорбительныхъ для священника—не говорилъ. Мамай, по поводу показаній того же священника, разсказалъ, какъ будто-бы разъ въ Благовѣщеньевъ день священникъ не далъ ему поцѣловать икону и какъ это оскорбило его. Изъ всѣхъ подсудимыхъ, которые вообще держали себя на судѣ спокойно и скромно, только Мамай значительно горячился, говорилъ не разъ, что свидѣтельскія показанія ложны, укорялъ православныхъ въ разныхъ порокахъ, говорилъ, между прочимъ, объ утайкѣ православными крестьянами деревни какихъ-то казенныхъ денегъ; при этомъ

Мамай кричалъ и размахивалъ руками. Самъ же Орѣховъ во время этихъ показаній большею частію только покачивалъ головой и неопредѣленно улыбался, давая конечно тѣмъ знать, что всѣ показанія—ложны, что онъ относится къ нимъ съ презрѣніемъ. Но еще важно то, что всѣ подсудимые не хотѣли признаться, что они по собственной иниціативѣ проповѣдывали свое ученіе. По поводу свидѣтельскихъ показаній относительно этого пункта подсудимые утверждали, что ихъ *„вынуждали“* высказывать свое ученіе сами же православные, которые, интересуясь ихъ ученіемъ, добивались у нихъ этого посредствомъ разспросовъ о томъ, чему и какъ они вѣруютъ, и что они—пашковцы только удовлетворяли желаніе любопытствующихъ, а не навязывали имъ своего ученія.

Наконецъ, когда послѣ рѣчей экспертовъ [1]),

---

1) Экспертами на судѣ были два преподавателя Тверской духовной семинаріи. Раскрывши исторію и лжеученіе пашковской секты, эксперты показали, что она носитъ въ себѣ всѣ задатки для развитія разнообразныхъ сектъ мистическихъ и раціоналистическихъ. Но что касается подсудимыхъ, то, по замѣчанію одного изъ экспертовъ, они изъ пашковскаго ученія усвоили главнымъ образомъ только то, что для нихъ наиболѣе понятно, что легче дается имъ въ руки. они отвергаютъ богослуженіе, обряды, не признаютъ священниковъ, иконъ и т д, тогда какъ основное ученіе пашковцевъ—объ оправданіи одною вѣрою по своей отвлеченности представляется имъ довольно смутно. Когда было предложено подсудимымъ, не желаютъ-ли они что-нибудь сказать, или спросить по поводу рѣчей экспертовъ, то только одинъ Орѣховъ замѣтилъ: «чего-же спросить, мы не такъ краснорѣчивы, какъ они, а вѣруемъ тому, что въ словѣ Божіемъ».—Впрочемъ, насколько можно было понять, подсудимые ожидали, что эксперты должны были разъ-

прокурора, адвоката и проч. дано было подсудимымъ сказать въ свою защиту послѣднее слово, го всѣ они приблизительно сказали одно и то же, именно, что они надѣются на Господа Бога и на справедливость судей, Богомъ поставленныхъ, что готовы они и пострадать, потому что и І. Христосъ страдалъ; впрочемъ, Власъ Максимовъ къ этому прибавилъ, что онъ, какъ блудный сынъ, возвратился въ церковь православную, и потому больше надѣется на помилованіе. Послѣ этого присяжные удалились для совѣщанія. Совѣщаніе ихъ продолжалось два часа, и эти два часа всѣ, присутствовавшіе въ залѣ суда, переживали томительно-напряженное состояніе. Несмотря на то, что совѣщаніе присяжныхъ происходило весьма поздно, въ залу суда къ этому времени набралась масса народа, и преимущественно замѣтны были крестьяне. Наконецъ, около 12 час. ночи присяжные вынесли приговоръ: всѣ подсудимые признаны были виновными въ распространеніи пашковскаго лжеученія, хотя и въ неодинаковой степени, именно: двое—Яковъ Мамаевъ и Власъ Максимовъ признаны заслуживающими снисхожденіе. Незамѣтно было, чтобы этотъ приговоръ произвелъ на подсудимыхъ очень сильное впечатлѣніе: неизвѣстно, конечно, что они тогда чувствовали, что переживали въ душѣ,

---

ясняли имъ каждый пунктъ ихъ ученія; мало этого, намѣревались даже вступить съ ними въ споръ, т.-е. поняли роль эксперта на судѣ совершенно ложно.

но съ внѣшней стороны они выслушали приговоръ весьма спокойно и замѣтили только, что покоряются всему, что относительно ихъ угодно Богу и что они готовы пострадать. Послѣ этого судъ удалился для окончательняго рѣшенія дѣла. Совѣщаніе суда также продолжалось около двухъ часовъ. Подсудимые, повидимому, продолжали сохранять полное спокойствіе, о чемъ, между прочимъ, свидѣтельствовало то, что они тихо разговаривали между собою, какъ-бы совѣщаясь о чемъ-то, а особенно характерно въ этомъ отношеніи то, что одинъ изъ подсудимыхъ (Павелъ Павловъ) способенъ былъ въ это время вздремнуть и заснуть немного: значитъ духъ его не особенно былъ въ тревогѣ.—Около двухъ часовъ за полночь судъ вынесъ рѣшеніе. По этому рѣшенію суда, всѣ подсудимые, съ лишеніемъ всѣхъ правъ, подвергнуты были ссылкѣ въ Закавказскій край. Со стороны подсудимыхъ выраженіе той же покорности волѣ Бога, Котораго они яко-бы познали болѣе и совершеннѣе другихъ.

VI.

Пашковскія брошюры.

1) Библіографическія свѣдѣнія о брошюрахъ.

Помѣщая далѣе *возможно-полный* перечень брошюръ, изданныхъ преимущественно „обществомъ поощренія дух.-нравственнаго чтенія“, мы имѣемъ въ виду то громадное изданіе, какое брошюры эти, съ тенденціями пашковскаго ученія, имѣли и продолжаютъ имѣть въ дѣлѣ распространенія пашковщины. Поэтому пастырямъ церкви необходимо знать эти брошюры,—по крайней мѣрѣ, по ихъ названіямъ и заглавіямъ, чтобы наблюдать, не проникли ли онѣ въ ихъ паствы и чтобы потомъ принимать противъ распространенія ихъ должныя мѣры. Названій всѣхъ брошюръ этихъ, насколько намъ извѣстно, болѣе 200, изъ которыхъ нѣкоторыя потерпѣли 12-ть изданій. Если въ каждомъ изданіи предположить около 10000 экземпляровъ (число для такихъ малыхъ брошюрокъ- вовсе не большое), то можно себѣ представить, въ какомъ несмѣтномъ количествѣ эти брошюры были распространяемы въ

народѣ?! Конечно, намъ не удалось собрать всѣ названія и заглавія этихъ брошюръ; но во всякомъ случаѣ мы указываемъ ихъ въ такой полнотѣ, въ какой въ литературѣ о пашковской сектѣ онѣ еще не были перечислены. О характерѣ этихъ брошюръ должно сказать, что многія изъ нихъ, взятыя отдѣльно, по одиночкѣ, не представляютъ непосредственно сектантскаго направленія, а въ другихъ сектантскія мысли предлагаются въ такой формѣ (напр., въ формѣ художественнаго разсказа, стихотворенія, подбора текстовъ изъ св. писанія и т. п.), что на первый разъ онѣ трудно усматриваются. Но, взятыя въ совокупности или читаемыя подрядъ, онѣ, *несомнѣнно*, производятъ впечатлѣніе въ пользу протестантскихъ воззрѣній и разрушаютъ вѣру православную.—Такой характеръ брошюръ, такъ сказать, вдвойнѣ вреденъ и опасенъ для православной церкви и чадъ ея. Вотъ сужденіе Учебнаго Комитета при Св. Сѵнодѣ относительно этого предмета. „Враги церкви и христіанской нравственности могутъ принимать столь благовидную личину, что и опытный взглядъ не всегда можетъ различить въ нихъ враговъ. Они часто предлагаютъ ядъ въ малыхъ, незамѣтныхъ дозахъ и въ такой талантливой, красивой и изящной оболочкѣ, что неопытному человѣку покажется этотъ *плодъ—угоденъ очима видѣти, и красенъ, еже разумѣти*, а между тѣмъ вкушеніе этого плода ведетъ къ смерти. Подтвержденіемъ этой

мысли могутъ служить изданія пашковской секты“ (циркул. по дух.-учебн. вѣдомству, 1888 года № 1, стр. 10). Другіе отзывы Учебн. Комитета о пашковскихъ брошюрахъ: „Когда эти брошюры читаются по одиночкѣ и безъ систематическаго порядка, онѣ въ своемъ большинствѣ не представляютъ непосредственно своего сектантскаго направленія, но когда онѣ читаются въ совокупности и извѣстномъ порядкѣ, съ расположеніемъ ихъ по отдѣламъ,—тогда ихъ сектантское направленіе и та основная мысль, какая приводится въ нихъ, обнаруживается со всею ясностію. При этомъ важно не столько то, о чемъ онѣ трактуютъ, сколько то, о чемъ намѣренно умалчиваютъ (т. е. о церкви, таинствахъ, іерархіи и т. п.). Разсуждая о какой-либо спасительной истинѣ съ одной стороны, сочинители намѣренно умалчиваютъ о тѣхъ сторонахъ, которыми опредѣляется или обусловливается эта истина, и такимъ образомъ проводятъ въ сознаніе читателя ту односторонность, которой они держатся, какъ сектанты.“ „Общую мысль всѣхъ этихъ брошюръ можно кратко выразить такъ: имѣй библію и читай ее, вѣруй во Іисуса и взирай на Него—это главное и существенное для спасенія,—а все остальное не важно.“ „Вредное дѣйствіе книжекъ этимъ не ограничивается. Книжки такого направленія подготовляютъ въ народной массѣ почву для устной и живой пропаганды и подаютъ поводъ и случай для дальнѣйшаго сѣянія сектантскихъ заблужде-

ній и односторонностей“ (цирк. по духовно-учебному вѣдомству, 1888, № 3, стр. 21, 23 и 25).— Такъ какъ у насъ подъ руками были далеко не всѣ брошюры, названія которыхъ мы перечисляемъ, то мы и не могли указать точно мѣста и года ихъ изданія. Но несомнѣнно одно, что всѣ онѣ изданы не ранѣе 1876 года и не позднѣе 1883 года, т. е. въ періодъ существованія „общества поощренія дух.-нравственнаго чтенія,“ которое открыто въ 1876 г., а закрыто по Высочайшему повелѣнію въ 1884 г., въ которомъ (24 августа) вышелъ и указъ Св. Сѵнода, касающійся брошюръ этого общества. — О внѣшнемъ видѣ и нѣкоторыхъ другихъ признакахъ этихъ брошюръ см. въ оч. „Пашковщина“, стр. 44—45.

По своему направленію, брошюры могутъ быть подраздѣлены на три категоріи: 1) такія, въ которыхъ ничего не замѣтно противнаго православному ученію, 2) такія, въ которыхъ замѣчается легкій сектантскій оттѣнокъ и 3) такія, гдѣ этотъ оттѣнокъ выступаетъ весьма рельефно. Вотъ, наприм., названіе нѣкоторыхъ изъ брошюръ третьей категоріи: 1) что такое христіанинъ; 2) чему учитъ свящ. писаніе; 3) благодатное дитя; 4) благая вѣсть; 5) пріиди къ Іисусу Христу; 6) взирай на Іисуса; 7) встрѣча со старушкой; 8) два старика; 9) дружескія бесѣды; 10) истинная радость; 11) Нееманъ, военачальникъ Сирійскій и его чудесное исцѣленіе во Іорданѣ; 12) примирился-ли ты съ Богомъ; 13) выгода отъ

потери; 14) новая азбука; 15) исполняете-ли вы волю Божію; 16) брачный пиръ и др. Затѣмъ, у пашковцевъ въ большомъ распространеніи такъ называемыя „любимые стихи“ (числомъ 36), которые, обыкновенно, распѣваются ими при началѣ и концѣ бесѣдъ.—Внѣшній, отличительный признакъ пашковскихъ брошюръ — красная печать общества, оттиснутая съ знакомъ альфа и омега и со словами: „я есмь начало и конецъ;“ впрочемъ, печать эта находится далеко не на всѣхъ пашковскихъ брошюрахъ. Въ нѣкоторыхъ брошюрахъ есть надпись: „печатать дозволяется“ и подъ нею подпись духовнаго цензора. Напротивъ въ другихъ брошюрахъ написано просто: „дозволено цензурою“ —безъ подписи духовнаго цензора: это значитъ, что онѣ печатаны безъ разрѣшенія духовной цензуры. при чемъ помѣтки „дозволено цензурою“ по большей части значатся сдѣланными въ Варшавѣ и Одессѣ, а мѣстомъ продажи ихъ тутъ же означенъ Петербургъ. Нѣкоторые брошюры имѣютъ еще такую особенность. Мѣстомъ дозволенія печатать выставлена Одесса, самое печатаніе производилось въ Варшавѣ, а мѣстомъ продажи сдѣланъ Петербургъ. Св. Сѵнодъ предписывалъ цензорамъ быть осмотрительными въ пропускѣ брошюръ. Въ указѣ 1884 года отъ 24 августа сказано: „Св. Сѵдодъ неоднократно поставлялъ на видъ членамъ С.-Петербургскаго духовнаго цензурнаго комитета, разрѣшавшимъ къ печатанію поименованныя брошюры, неправиль-

ныя дѣйствія ихъ и предписывалъ на будущее время руководствоваться особенною осмотрительностію". О другихъ способахъ пропаганды пашковскаго ученія см. ст. III: „Пашковщина."

Что касается послѣднихъ №№ брошюръ (№ 108—117), то онѣ, какъ по содержанію, такъ и по направленію, конечно, вполнѣ православныя. Но почему-же однако онѣ были изданы тѣмъ обществомъ, которое литературнымъ путемъ старалось пропагандировать протестантскія идеи? Отвѣтъ на этотъ вопросъ находимъ въ томъ же одностороннемъ способѣ протестантовъ и пашковцевъ доказывать свои воззрѣнія — *посредствомъ подбора* изъ свящ. книгъ и твореній отцевъ мѣстъ, которыя (взятыя отдѣльно) могутъ быть истолкованы въ ихъ пользу. Учебный Комитетъ при Св. Сѵнодѣ относительно, напр., брошюры „о свойствѣ христіанской вѣры" замѣчаетъ, что въ этомъ „отрывкѣ изъ писаній св. Тихона излагается совершенно православное ученіе о вѣрѣ, но взятое отрывочно, внѣ связи съ ученіемъ того же святителя о церкви, священноначаліи и таинствахъ,— оно является одностороннимъ въ томъ смыслѣ, что какъ-будто и св. Тихонъ внушалъ мысль о непосредственныхъ отношеніяхъ вѣрующей души ко Христу внѣ богоустановленной церкви,—чего на самомъ дѣлѣ нѣтъ. Въ отрывкѣ-же изъ бесѣдъ митр. Михаила, взятомъ внѣ связи съ его мыслями вообще о спасеніи человѣка, развивается другая односторонность, именно, что человѣкъ

оправдывается *не дѣлами закона*, а только вѣрою во Христа, которая подается намъ силою Божіей. Такимъ образомъ, эти два отрывка направлены къ одной и той-же протестантской мысли, что въ дѣлѣ нашего спасенія нужна только вѣра, а добродѣтельная жизнь не имѣетъ значенія" (цирк. по дух.-учебному вѣдомству, 1888 г. № 3, стр. 22—23).—Брошюры, отмѣченныя въ нашемъ перечнѣ звѣздочкой (*), признаны Св. Сѵнодомъ въ 1886 г. особенно вредными и долженствующими быть изъятыми изъ употребленія въ народѣ.

2) Литература о пашковцахъ и пашковскихъ брошюрахъ.

Кромѣ многочисленныхъ замѣтокъ, корреспонденцій, извѣстій и т. п., явившихся о сектѣ пашковцевъ въ разныхъ газетахъ и журналахъ и преимущественно на первыхъ порахъ ея образованія и обнаруженія, въ настоящее время (статья писана въ 1893 г.) мы имѣемъ нѣсколько дов. обстоятельныхъ статей, раскрывающихъ исторію и ученіе секты пашковцевъ. Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ особеннаго вниманія изслѣдованіе г. Гр. Терлецкаго „Секта пашковцевъ," которое первоначально печаталось въ „Прав. Обозрѣніи" (1890 г., т. I и II). Въ изслѣдованіи этомъ читатель найдетъ дов. подробныя и интересныя свѣдѣнія о первоначальномъ зарожденіи секты въ Петербургѣ, объ образованіи, организаціи и дальнѣйшемъ развитіи ея; насколько, какъ видно,

было возможно для автора, онъ коснулся распространенія пашковщины и въ провинціи. Затѣмъ въ томъ же изслѣдованіи находится изложеніе ученія пашковцевъ—преимущественно на основаніи брошюръ съ тенденціями пашковскаго лже-ученія. Вообще, трудъ этотъ до настоящаго времени является самымъ главнымъ для знакомства съ сектою.—Далѣе, для знакомства съ первоначальнымъ образованіемъ пашковщины подъ вліяніемъ проповѣди лорда Редстока заслуживаетъ вниманія статья г. Лѣскова: „Великосвѣтскій расколъ. Гренвиль Вальдигревъ лордъ Редстокъ, его жизнь, ученіе и проповѣдь (очеркъ),“ напечатанная также въ Правосл. Обозрѣніи за 1876 годъ. Здѣсь мы въ дов. художественномъ изложеніи знакомимся съ личностію лорда Редстока, съ его прошлымъ, съ его разными приключеніями, выдвинувшими его на поприще проповѣдника. Равнымъ образомъ дов. обстоятельно мы можемъ познакомиться съ характеромъ проповѣди лорда въ Петербургѣ [1]). Для знакомства

---

[1]) Изъ другихъ болѣе мелкихъ статей, касающихся собственно исторіи и распространенія секты пашковцевъ, намъ извѣстны еще слѣдующія: „пашковцы, (изъ путевыхъ замѣтокъ)“ *А. Пругавина* (Рус Мысль 1884, № 5), въ статьѣ этой упоминается, между прочимъ, какая-то оч. дѣятельная пашковка Тверской губ. А. И. П—ръ, „новѣйшіе анабаптисты или пашковцы“, *А. Савельева* (Новости 1880, № 129), „о пашковской сектѣ“, *Чернышева* (Тамбовск. Епарх. Вѣд. 1883, № 12); „нѣчто о Пашковѣ и его пропагандѣ“, *Н. Попова* (Сарат. Епарх. Вѣд. 1887, № 13), Московск. Церк. Вѣд. 1887, № 18), „къ дѣду пашковской пропаганды“, прот. *Д. Никитина* (Кавказск. Епарх. Вѣд. 1880, № 11), „о

съ брошюрами пашковскаго изданія, которыя имѣютъ столь важное значеніе въ распространеніи пашковскаго лжеученія, лучшею статьею является доселѣ статья прот. П. Мегорскаго: „По поводу попытокъ къ распространенію брошюръ съ Пашковскимъ лжеученіемъ на сѣверѣ Россіи и, по преимуществу, въ Олонецкой губерніи“ (Христ. Чт. 1886, 2, стр. 671—730). Точно также о брошюрахъ пашковскихъ, а равнымъ образомъ о характерѣ бесѣдъ г. Пашкова и К°, можно пріобрѣсти нѣкоторыя свѣдѣнія изъ статьи г. Вл. Сахарова. напечатанной въ „Московскихъ Церковныхъ Вѣдомостяхъ“ за 1883 годъ (№№ 14, 15 и 16), а потомъ вышедшей особой брошюрой, подъ заглавіемъ „Пашковцы въ провинціи.“ Здѣсь разумѣются главнымъ образомъ пашковцы Тульской губерніи. И еще о брошюрахъ см. въ статьяхъ Тамбов. Епарх. Вѣд. 1888 г. №№ 4, 6 и 7 подъ заглавіемъ: „О брошюрахъ пашковскаго изданія (по поводу указа Св. Синода объ изъятіи этихъ брошюръ изъ обращенія),“ Церк. Вѣстн. 1883, № 24, Астр. Епарх. Вѣд. 1888, № 13, Тамб. Еп. Вѣд. 1883, № 17 и Черн. Еп. Вѣд. 1885, № 35— въ статьяхъ „Книги и брошюры пашковцевъ,“ въ Твер. Еп. Вѣд. за 1882—83 г. „О брошюрахъ, распространяемыхъ среди народа.“ Болѣе систе-

---

воспрещеніи публичной проповѣди г. Пашкову“ (Новости 1880, № 129); „пашковское согласіе“ (Церк Вѣстн. 1888, № 12); „дѣйствія Пашкова и его послѣдователей“ (Другъ Истины 1888, № 8).

матическое изложеніе пашковскаго лжеученія съ довольно подробнымъ критическимъ разборомъ на него можно читать въ статьѣ г. П. Малицкаго „Пашковцы и ихъ богословскія тенденціи," напечатанной въ „Тульскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ" за 1881-й годъ и вышедшей отдѣльной брошюрой. Статья эта обращаетъ на себя вниманіе еще въ томъ отношеніи, что въ ней указаны всѣ тѣ мѣста, которыя подчеркнуты или отмѣчены въ Новыхъ Завѣтахъ, вышедшихъ изъ рукъ пашковцевъ, при чемъ мѣста эти, соотвѣтственно ученію Пашкова, раздѣлены на категоріи. Въ отношеніи полемики съ пашковцами довольно важны „Письма къ одному лицу въ С.-Петербургѣ по поводу появленія тамъ новаго учителя вѣры," напечатанныя въ 1881 году. Въ письмахъ этихъ авторъ (вѣроятно, еп. Ѳеофанъ), до глубины души возмущенный пашковскимъ лжеученіемъ, въ сильныхъ и правдивыхъ безъ прикрасъ выраженіяхъ обличаетъ это лжеученіе. Въ сочиненіи видна ревность автора по православію. Къ тому-же полемическому отдѣлу съ пашковцами должна быть отнесена маленькая брошюрка подъ заглавіемъ „Разговоръ православнаго и пашковца о Священномъ Писаніи и преданіяхъ церковныхъ," С.-П.Бургъ 1890 г. Въ Богосл. Вѣстн. за 1893 годъ печаталась статья *г. Мартынова* „Разборъ и опроверженіе догматическихъ заблужденій пашковцевъ." Въ концѣ концовъ обозрѣвая литературу относительно пашковской секты, упомя-

немъ о недавнемъ изданіи бывшаго старосты Исаакіевскаго собора Е. В. Богдановича „Голоса изъ Россіи противъ пашковскаго лжеученія, по поводу недавняго прискорбнаго случая“ (С.П.Б. 1891 г.) и о статьѣ г. Н. Сахарова, напечатанной въ апрѣльской книжкѣ (1892 г.) „Богословскаго Вѣстника“ подъ заглавіемъ „Пашковецъ.“ Въ первой изъ этихъ статей говорится въ защиту православнаго обряда погребенія усопшихъ,— противъ пашковцевъ и имъ подобныхъ сектантовъ, не признающихъ подобнаго погребенія; во второй сообщаются свѣдѣнія о пашковцѣ Бѣжецкаго уѣзда, дер. Малыхъ-Горокъ Михаилѣ Ивановѣ (который въ статьѣ названъ Дмитріемъ) и его ученіи.—Въ заключеніе мы должны сказать, что въ опроверженіе и обличеніе пашковскаго лжеученія о церкви православной, таинствахъ, почитаніи святыхъ, мощей и иконъ и вообще въ обличеніе отрицательнаго отношенія пашковцевъ къ церкви съ полнымъ удобствомъ можно пользоваться всѣмъ тѣмъ, что написано противъ подобныхъ-же пунктовъ ученія молоканъ, духоборцевъ, штундистовъ и т. п. сектантовъ.

3) Перечень брошюръ съ тенденціями пашковскаго ученія.

*) 1 Что такое христіанинъ.

*) 2) Истинная радость. СПБ. Тип. Балашева. 1881 г , изд. Н. Р.

*) 3) Радостная вѣсть. Варшава. 1880.

*) 4) Званіе христіанина и его значеніе. СПБ. 1882; изд. Н. Р.

*) 5) Вѣришь-ли, что ты грѣшникъ?

*) 6) Что вы думаете о Христѣ?

*) 7) Пріиди ко Іисусу. Вольный переводъ съ нѣмецкаго. Изд. 3-е. СПБ. 1881.

*) 8) Голосъ времени. Изд. 2-е. СПБ. 1882.

*) 9) Благая вѣсть.

*) 10) Благодатное дитя.

*) 11) Примирился-ли ты съ Богомъ? Изд. Н. Р. СПБ. 1882.

*) 12) Путь ко спасенію.

*) 13) О готовности І. Христа принимать грѣшниковъ. СПБ. Типогр. Алекс. Кругъ. Гороховая, № 17. 1878.

14) Взирай на Іисуса. СПБ. 1881.

*) 15) Встрѣча со старушкой. Варшава. 1880.

16) Два старика.

17) Дружескія бесѣды.

*) 18) Застигнутые врасплохъ. СПБ. 1880. (Есть изданія помѣченныя: „Одесса 1882 г. печатано въ Варшавѣ“).

*) 19) Краткое руководство къ чтенію Новаго Завѣта. СПБ. Типогр. А. Кругъ, Гороховая, № 17, изд. 3-е. 1880. (Той же брошюры есть изд. Н. А. СПБ. 1882).

20) Слово жизни.

21) Повѣствованіе о слѣпомъ.

*) 22) Два слова о св. Библіи. Изд. Н. Р. СПБ. 1882.

*) 23) Онъ любитъ меня.

*) 24) Брачная одежда. СПБ. Типогр. А. Кругъ, Горох., № 17; изд. 3-е. 1878 г.

*) 25) Іисусъ Назорей идетъ. СПБ. Тип. Имп. Ак. Наукъ. 1878.

*) 26) Брачный пиръ. Варшава. 1880 г.

27) Это я! Не бойся!

*) 28) Два пути и предѣлы ихъ. СПБ. Типогр. Балашева, Средняя Подъяч., д. № 1. 1881 г.

29) Возвращеніе грѣшника къ Богу.

30) Подумай о будущей жизни. СПБ. Тип. Имп. Акад. Наукъ. 1880 г. (12-е изд.).

31) Пшеница или солома. Варшава. 1880 г.

32) Нееманъ, военачальникъ Сирійскій и его чудесное исцѣленіе во Іорданѣ. Изд. Н. Р. СПБ. 1881. Типогр. В. Балашева.

33) Выгода отъ потери. Изд. Н. Р. СПБ. 1880 г.

*) 34) Исполняете-ли вы волю Божію?

35) Строгій осмотръ.

36) Одиноки въ цѣломъ Лондонѣ.

37) Маша или чудный сонъ.

38) Лиза, бѣдная пѣвица.

39) Разсказъ для дѣтей и взрослыхъ.

40) Вынужденная ложь.

41) Что пользы въ дѣтяхъ?

*) 42) Сегодня или никогда. Истинное происшествіе. Изд. Н. Р. СПБ. Тип. Балашева. 1882 г.

43) Два богатства и истинная радость, или сила Божія въ дѣлѣ спасенія. Изд. Н. Р. СПБ. 1881.

44) Два помолодѣлыхъ старца.

*) 45) Бесѣды двухъ друзей о возрожденіи. СПБ. Типогр. Балашева. 1882. Изд 3-е.

46) Воробьи все видѣли.

*) 47) Пастухи и овцы. Изд. 7-е. СПБ. 1878 г.

48) Больной пастухъ. СПБ. 1882 г.

*) 49) Разговоръ двухъ матросовъ послѣ бури.

*) 50) Два брата. Варшава. 1880 г.

51) Кумиръ (истинный разсказъ). Изд. Н. Р. СПБ. 1880 г.

52) На лѣсопильнѣ.

53) Энохъ.

54) Мытарь и фарисей. Изд. Н. Р. СПБ. 1882.

55) Бесѣда у смертнаго одра. Изд. Н. Р. СПБ. 1882 г.

56) Что это будетъ стоить?

*) 57) Перекличка.

58) Пропавшая дѣвочка.

59) Маленькая Мэгъ.

60) Улица богомольцевъ.

*) 61) Первая молитва Джэмса.

*) 62) Какъ былъ завоеванъ яблоновый дворъ?

63) Сѣти ловца.

64) Убѣди ихъ войти.

*) 65) Рай и адъ.

66) Берегись горячихъ напитковъ. СПБ. Тип. Имп. Акад. Наукъ. 1881 г.

67) Тайна прегрѣшенія.

68) Приношеніе православнымъ христіанамъ.

69) Чада Божіи, наслѣдники Его.

70) Два властелина. СПБ. Тип. Балашева.

*) 71) Молишься-ли ты? СПБ. Тип. А. Кругъ, Гороховая. № 17—56. Изд. 9-е.

72) Нѣсколько правилъ благоповеденія.

73) Назидательное чтеніе.

74) Размышленіе на пѣснь пѣсней.

75) Духовная сокровищница.

*) 76) Пора домой и превыше разума (стих.). СПБ. 1882 г.

*) 77) Благодаришь-ли ты Бога? Изд. Н. Р. СПБ. 1882 г.

78) Въ эту ночь или никогда.

*) 79) Напоминаніе христіанамъ изъ слова Божія.

*) 80) У Бога не остается безсильнымъ никакое слово.

81) Покаяніе.

82) Христосъ грѣшную душу къ Себѣ призывающій.

83) Чему учитъ Св. Писаніе? Изд. 3-е. СПБ. 1877.

84) Въ притонѣ лондонскихъ воровъ.

85) Божественныя слова мира и утѣшенія. Изданіе 2-е. СПБ. 1882 г.

86) Богъ есть любова. СПБ. 1877 г.

*) 87) Жизнь І. Христа, (ц. $^1/_2$ к.).

*) 88) Спасенъ или погибъ—будьте готовы.

89) Открывается дверь. — Отвѣтъ невѣрующему.

90) Зеркало души (на листѣ).

*) 91) Христосъ все во всемъ.

92) О вѣрѣ во Христа.

93) Семь изреченій Спасителя.

94) Молитва Господня.

95) Все, что дѣлаете (на листѣ большого и мал. форм.).

96) Такъ, Господи.

*) 97) Новая азбука. СПБ. 1883 г.

98) Миръ вамъ (картина).

90) Вино—злѣйшій врагъ человѣчества.

100) О пьянствѣ.

101) *Радостныя пѣсни Сіона.*

102) *Любимые стихи.*

103) Коллекція десяти изреченій Св. Писанія на разноцвѣтныхъ картахъ.

104) Русскій рабочій (иллюстр. журналъ).

*) 105) Любезный читатель, прочти сіе повѣствованіе о слѣпомъ.

*) 106) Слѣпая дѣвушка и Евангеліе.

*) 107) Встревожился Іерусалимъ.

——

108) О словѣ Божіемъ. Изъ соч. св. Тихона. Изданіе 10. СПБ. 1878 г.

109) Свойство христіанской вѣры. Изъ твореній св. Тихона. СПБ. 1880 г.

110) Нравственно-духовныя назиданія. Изданіе 9-е. Изъ твореній св. Тихона. Тип. Имп. Акад. Наукъ. 1881 г.

111) О концѣ добрыхъ дѣлъ. Изъ твореній св. Тихона. Изд. 9-е. Тип. Имп. Акад. Наукъ. 1881 г.

112) О вѣрѣ во Христа. Изъ соч. св. Тихона. Изд. 12-е. СПБ. 1878 г.

113) Покаяніе. Изъ твореній св. Тихона. Изд. 21-е. СПБ. 1878 г.

114) Христосъ грѣшную душу къ себѣ призывающій и воздыханіе грѣшной души ко Христу Сыну Божію. Изъ соч. св. Тихона.

115) О пьянствѣ. Его-же.

116) Христіанскія нравоученія. Его-же.

117) Изъ бесѣдъ покойнаго преосвященнаго Михаила, митрополита Новгородскаго и С.-Петербургскаго, т. VII, отд. XIX, *о томъ, могли-ли законъ, пророки и жертвы спасти человѣка? и для чего они установлены и даны отъ Бога?*

VII.

Толстовство, какъ секта.

На ряду со штундою и пашковщиною, въ самое послѣднее время нарождается и развивается новая секта, которая грозитъ быть самымъ опаснымъ врагомъ церкви и государства и объединить въ себѣ всѣ крайне-раціоналистическія движенія въ русскомъ народѣ. Мы разумѣемъ толстовство. У насъ всѣ образованные люди знаютъ Толстого, какъ писателя---художника, знаютъ его, какъ богослова — философа; но далеко не всѣ знаютъ его, какъ основателя сектантскаго толка, самаго крайняго раціоналистическаго по своему направленію и самаго вреднаго въ церковномъ и государственномъ отношеніи. — Обзоръ штундизма и пашковщины намъ показалъ, что какъ тотъ, такъ и другая, при всѣхъ своихъ крайностяхъ и заблужденіяхъ, удержали ученіе о личномъ Богѣ и объ извѣстныхъ отношеніяхъ человѣка къ Нему, удержали, такъ сказать, то, что составляетъ сущность, зерно всякой религіи,— и потому не впали въ безбожіе. Толстовство же, наоборотъ, проповѣдуетъ полное безбожіе, хотя

и говоритъ не мало о Богѣ. Пока толстовское міровоззрѣніе не прививалось къ народу, оно было ни болѣе—ни менѣе, какъ богословско-философской доктриной, но съ половины 80 хъ годовъ оно начинаетъ быть сектантскимъ народнымъ движеніемъ. Оно успѣло привиться въ губерніяхъ Харьковской, Воронежской, въ кавказское духоборчество, и имѣетъ не малый успѣхъ среди штундистовъ. Не имѣя времени [1]) говорить о постепенномъ ростѣ и развитіи толстовства, мы остановимся только на общей характеристикѣ его со стороны религіозной и политической. Разсматриваемое съ религіозной стороны, толстовство должно быть названо невѣріемъ въ Бога личнаго, пантеизмомъ или даже атеизмомъ. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ не есть атеизмъ ученіе о томъ, что личнаго Бога нѣтъ, а Богъ есть только премірный разумъ, сотворившій видимый міръ, который, какъ получившій отъ Бога свое бытіе, и есть истинный Сынъ Божій? отсюда отрицаніе Второго Лица Пресв. Троицы и непризнаніе за Іисусомъ Христомъ богочеловѣческаго достоинства. Не нужно, кажется, говорить о томъ, что толстовство отрицаетъ все, что нашею церковію признается, не только ея установленія, таинства и обряды, но даже и всѣ основные догматы христіанства; довольно замѣтить, что со стороны

---

[1]) Эта статья взята изъ публичной лекціи, читанной въ залѣ Синодальнаго училища 16 марта 1898 г., въ г. Москвѣ.

крайняго отрицанія эта секта опередила всѣ доселѣ извѣстные въ исторіи нашего сектантства толки. Но суть толстовства заключается не въ его религіозномъ ученіи, которое очень несложно, а для народа и мало понятно, а въ его соціально-политическихъ воззрѣніяхъ, развиваемыхъ хотя и на почвѣ религіозной, но въ духѣ анархіи и прямого соціализма. Толстовство сулитъ своимъ послѣдователямъ „царство Божіе“ на землѣ. Но что оно разумѣетъ подъ такимъ царствомъ? Такое устройство человѣческаго общества. чтобы всѣ были равны, чтобы не было ни начальства, ни подчиненныхъ, ни бѣдныхъ, ни богатыхъ, отсюда—отрицаніе власти, какъ насилія, какъ зла; уравненіе бѣдныхъ и богатыхъ. по ученію послѣдователей толстовства, должно произойти чрезъ отобраніе у богатыхъ ихъ имущества, у землевладѣльцевъ ихъ земли, и чрезъ раздѣлъ всего поровну между всѣми способными къ физическому труду. Корень всякаго зла, по ученію толстовства,—идея ассоціированія, и всякая ассоціація—зло. Церковь—не христіанское учрежденіе, а вѣдомство православнаго исповѣданія; она якобы развращаетъ людей, служа грязнымъ цѣлямъ ассоціаціи. Такое-то ученіе представителя толстовства, вродѣ князя Хилкова въ Харьковской губерніи, стали прививать народу. Что касается метафической стороны этого ученія, то она по своей отвлеченности плохо усвояется простецами; но съ своей отрицательной религіозной стороны,

которая, кстати сказать, совпадаетъ съ ученіемъ штундистовъ и пашковцевъ, оно нравилось имъ, такъ какъ обѣщаетъ спасеніе безъ всякихъ подвиговъ и нравственныхъ усилій со стороны человѣка, не требуя отъ него ни молитвы, ни поста, ни соблюденія обрядовъ, ни совершенія таинствъ и т. п. Поэтому, нерѣдко крестьяне, отзываясь о штундизмѣ, говорятъ: „ужъ очень легкая эта вѣра“. Но особенно привлекательнымъ и заманчивымъ для неразвитаго крестьянина, живущаго въ тяжелыхъ условіяхъ, является соціалистическое ученіе толстовства, какъ оно пропагандировалось въ Харьковской и Воронежской губерніяхъ: „Податей не платить, дѣтей на военную службу не отдавать, землю у землевладѣльцевъ отнять, стать богатымъ безъ труда, съ полиціею и судами никакого дѣла не имѣть, никому не кланяться, не повиноваться, никакихъ законовъ и правительственныхъ распоряженій не исполнять, быть всегда и вездѣ полнымъ и самовластнымъ хозяиномъ и т. п. (Дѣян. 3 Миссіонер. Съѣзда, стр. 162). Да не рай-ли это земной для крестьянина?! А толстовцы и говорятъ, что должно наступить „царство Божіе на землѣ.“

Изложенное ученіе толстовства довольно скоро и прочно прививается въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ прежде существовали какія-нибудь раціоналистическія секты,—особенно, напримѣръ, штундизмъ, пашковщина и духоборчество. По замѣчанію одного изслѣдователя, „оно незамѣтно ассимили-

руется съ ними и затѣмъ уже, какъ болѣе свѣжее и болѣе богатое умственными силами, начинаетъ постепенно подчинять себѣ всѣ другія сектантскія лжеученія". А вотъ отзывъ харьковскаго духовенства о пропагандѣ толстовства среди сектантовъ. „Въ послѣднее десятилѣтіе многочисленные агенты графа Л. Толстого съ особенною ревностію и энергіею начали стремиться къ тому, чтобы слить всѣ разнообразныя ученія раціоналистическаго сектантства съ ученіемъ своего лжеучителя. Съ этою цѣлію они распространяютъ среди штундистовъ составленный Толстымъ „катихизисъ братства Іисуса" (штунды), по внѣшнему своему плану напоминающій катихизисъ православной церкви митрополита Филарета. Въ катихизисѣ этомъ, однакоже, сектантскія ученія и въ частности ученіе штундизма почти совсѣмъ не затрогиваются, но за то со всею ясностію и полнотою излагается лжеученіе Толстого. Стремленія агентовъ его въ значительной степени начинаютъ уже находить свое осуществленіе. Сектантскія лжеученія мало-по-малу теряютъ свою самостоятельность и оригинальность, объединяясь съ ученіемъ Толстого. Подъ вліяніемъ послѣдняго, сектанты охладѣваютъ къ чисто религіознымъ вопросамъ и становятся на почву соціалистическую и даже негилистическую. Плоды толстовства успѣли уже печально сказаться и въ дѣйствительной жизни. Такъ нѣкоторые толстовцы въ Харьковской губерніи отказываются отъ

уплаты податей и поступленія въ военную службу. Понимая, что въ ученіи православной церкви лежитъ могущественная православная нравственная опора существующаго государственнаго порядка, харьковскіе толстовцы говорятъ: „якъ бы не було попивъ, то ни було-бъ и царивъ, не було-бъ ни войска, ни судивъ, ни спранниковъ, ни губернаторовъ; не бралы-бъ зъ насъ и грошій на подати“. Какъ слѣдствіе такихъ воззрѣній, было то, что нѣкоторые толстовцы Харьковской губерніи отказывались принять присягу на вѣрноподданничество Государю Императору Николаю Александровичу. Подобныя воззрѣнія толстовцевъ, какъ сказано выше, проникаютъ и въ южно-русскій штундизмъ. Такъ, одинъ штундистъ, бесѣдуя съ православнымъ, имѣлъ дерзость сказать: „вотъ какъ-бы наша сила набралась, какъ бы были всѣ штундовые, то намъ никого бы тогда не надо было, мы бы „стасовали“ (упразднили) и церковь, и правительство, и царя“ (М. О. 1897 г. февр. кн. II, стр. 177).

Но не довольно-ли намъ приводить доказательствъ того, что толстовство является не столько сектою религіозною, сколько соціально-политическою, и не пора-ли заключить свою рѣчь объ немъ словами одного изслѣдователя, близко знающаго интеллигентныхъ послѣдователей толстовщины: „эта новѣйшая форма нашего сектантства укрываетъ подъ своею ферулою интеллигентовъ соціалистическаго образа мыслей, которые въ

свою очередь начали безнаказанно посѣвать сѣмена безбожія и анархіи и въ средѣ народной, маскируя религіей въ глазахъ правительства и предъ народомъ свои противогосударственныя затѣи“ (Дѣян. 3 Мисс. Съѣзда, стр. 191).

VIII.

Письмо сектанта [1]).

Въ № 164 Московскихъ Вѣдом. за 1895 г., въ судебной хроникѣ, было напечатано сообщеніе о судебномъ процессѣ Кашинскаго Окружнаго суда по дѣлу крестьянина Творожникова, обвинявшагося въ совращеніи въ пашковскую секту. Дѣло окончилось обвиненіемъ подсудимаго и приговоромъ его къ тюремному заключенію.

Понятно, что всѣ подобные судебные процессы, являющіеся болѣе или менѣе дѣйствительными средствами къ пресѣченію сектантской пропаганды, производятъ въ средѣ сектантовъ самое неблагопріятное впечатлѣніе и даже волненіе. Что касается въ частности пашковцевъ, то о нихъ, хотя и производился цѣлый рядъ судебныхъ процессовъ въ Тверской губерніи, но не было сообщаемо о томъ въ газетахъ подробныхъ свѣдѣній, такъ что упомянутое сообщеніе о дѣлѣ Творожникова является однимъ изъ первыхъ въ

---

[1]) Письмо это съ нашими замѣчаніями напечатано было въ Москов. Вѣдом. за 1896 г., № 101, откуда оно и перепечатывается.

этомъ родѣ. Поэтому понятно, что оно весьма не понравилось пашковцамъ. Доказательствомъ этого служитъ полученное нами отъ какого-то „брата о Христѣ Ивана“ изъ г. Суджи длинное письмо рѣзко обличительнаго характера. Дѣло въ томъ, что намъ пришлось быть на вышеупомянутомъ судебномъ процессѣ о пашковцѣ Творожниковѣ въ роли эксперта, а потому и направлено противъ насъ обличительное посланіе, подъ которымъ, хотя и подписался „любящій братъ во Христѣ Иванъ, желающій намъ спастися,“ но фамилію свою „братъ этотъ“ написалъ настолько неразборчиво, что самое письмо почти равносильно анонимному. Впрочемъ, въ данномъ случаѣ вовсе не важно знать фамилію и вмѣстѣ личность автора письма (если бы она была подписана какъ слѣдуетъ, мы и тогда умолчали бы о ней), а важно только, что оно вышло изъ сектантскаго лагеря, а какъ такое, оно обращаетъ на себя вниманіе людей, занимающихся изученіемъ сектантства. Письмо это съ ясностію обнаруживаетъ необыкновенную духовную гордость сектантовъ и ихъ крайне—нетерпимое и ненавистное отношеніе къ православной церкви. Въ виду сравнительной новизны секты пашковцевъ всякое новое сообщеніе о ней, характеризующее ее съ той или другой стороны (извѣстно, что секта пашковцевъ, кромѣ общаго сектамъ противоцерковнаго характера, заключаетъ въ себѣ и элементы противогосударственнаго характера) намъ кажется до-

стойнымъ обнародованія. Руководясь такими соображеніями, мы приводимъ въ извѣстность чрезъ Москов. Вѣдомости нѣкоторыя мѣста изъ полученнаго нами письма съ прибавленіемъ немногихъ своихъ замѣчаній

Письмо начинается такъ:

„То, что я хочу сказать Вамъ въ этомъ письмѣ, есть результатъ довольно продолжительныхъ размышленій—я думалъ не писать Вамъ того, что написалъ здѣсь, но тогда совѣсть моя отъ этого сильно болѣла, я сознавалъ, что человѣкъ—ближній мой, сдѣлалъ поступокъ по отношенію къ человѣку же его и моему ближнему совсѣмъ не такой, какъ велѣлъ Христосъ."

Послѣ этого приведя нѣсколько текстовъ изъ Евангелія (изъ нагорной проповѣди) о томъ, что люди должны стремиться къ уподобленію Богу—Отцу и должны въ отношеніяхъ другъ къ другу быть добрыми подобно Отцу Небесному, Который посылаетъ дождь на поля праведныхъ и неправедныхъ и солнцу своему велитъ свѣтить для всѣхъ одинаково, должны любить даже враговъ своихъ,—авторъ письма пишетъ:

„Вы же, какъ экспертъ, поступили совсѣмъ не такъ, какъ слѣдовало поступить христіанину; ваше дѣло было, если Вы хоть сколько-нибудь понимаете Христа и сочувствуете Ему, совсѣмъ не ходить въ судьи (?), не изображать изъ себя никакого эксперта и спеціалиста, потому что въ этомъ дѣлѣ у насъ одинъ долженъ быть экспертъ

и спеціалистъ — Христосъ, а мы всѣ — равно имѣющіе всякіе недостатки братья.“

Въ этихъ словахъ авторъ письма смѣло обвиняетъ насъ въ *полномъ* „непониманіи Христа“ и въ отсутствіи „сочувствія Ему“ — только за то, что мы, будучи приглашены законною, Богомъ установленною, христіанскою властію, пошли въ судьи (по его выраженію) и „изображали изъ себя какого-то эксперта и спеціалиста.“ Тяжкое обвиненіе! Неужели мы поступили бы лучше, если бы воспротивились Богоустановленной власти и отказались разъяснить малосвѣдущимъ въ дѣлѣ сектантства присяжнымъ то, для обсужденія чего они были приглашены! Съ точки зрѣнія автора письма это было бы лучше, потому что мы судить никого не должны, въ подтвержденіе чего онъ ссылается на слѣдующія слова Христа (которыя отнясятся не къ суду, какъ органу государственной власти, а къ осужденію другъ друга): „Какъ ты можешь, имѣя въ глазу своемъ бревно, сказать другому: вотъ у тебя въ глазу сучекъ, дай я выну тебѣ его. Лицемѣръ! вынь прежде бревно изъ своего глаза, тогда узнаешь, какъ вынуть сучекъ изъ глаза брата твоего.“

„А вы, спеціалисты и судьи съ неправедными мыслями, продолжаетъ авторъ письма, безо всякаго зазрѣнія совѣсти извлекаете сучки изъ глазъ другихъ, совершенно не замѣчая, что у самихъ у васъ изъ глазъ торчатъ бревна. Всѣ это видятъ, и всѣ боятся вамъ сказать это въ лицо,

потому что въ вашихъ рукахъ и кнуты, и палки, и розги, и Петропавловки, и тюрьмы. Но есть уже сознаніе въ людяхъ вашей неправоты и *недалеко то время*, когда будутъ все больше и больше находиться люди, которые, не боясь ни кнута, ни розогъ, ни тюремъ, будутъ говорить вамъ правду. Почему вы остановились на грубой силѣ, а не доказали Творожникову и другимъ его неправоту, опираясь не на палку или тюрьму, а на Евангеліе? Потому что вы хорошо знаете, что Творожниковъ правъ болѣе, нежели всѣ обвинившіе его, и доказать его неправоту по Евангелію нѣтъ возможности. Изъ судебной хроники видно, что и самъ Творожниковъ хотѣлъ, чтобы вы, какъ экспертъ, доказали его неправоту по Евангелію, такъ какъ вѣра его основана на евангельскомъ ученіи, а вы вмѣсто этого осмѣлились публично и при полномъ собраніи вашего синедріона называть евангельское ученіе пашковщиной и т. п. кличками и доказывать даже степень его вредности!?“

Въ этихъ словахъ письма сколько высказывается и обнаруживается, съ одной стороны, самомнѣнія и смѣлой надежды на будущее полное торжество сектантства надъ православною церковью, а съ другой—самыхъ несправедливыхъ обвиненій, направленныхъ какъ противъ насъ, такъ больше еще противъ судей, а чрезъ нихъ и противъ всего правительства! Въ самомъ дѣлѣ, развѣ малая клевета сказать, что правительство

употребляетъ противъ сектантовъ и кнуты, и палки, и розги, и Петропавловки, когда всѣмъ извѣстно, что въ основѣ дѣйствующаго законодательства о сектантахъ лежитъ вѣротерпимость, въ силу чего за содержаніе той или другой вѣры (не православной) совсѣмъ не судятъ, а о палкахъ и кнутахъ и т. п. страхахъ, которые бы доставались на долю сектантовъ *только за одну ихъ вѣру*, и слыхомъ не слыхать! Далѣе, авторъ письма предполагаетъ даже, что какъ экспертъ (т. е. мы), такъ и судьи „хорошо узнали," что Творожниковъ *правъ болѣе*, нежели они сами, и что доказать его неправоту по Евангелію нѣтъ возможности, а потому они употребили противъ него силу. Откуда автору письма сдѣлалось извѣстнымъ, что экспертъ (т. е. мы) держится однихъ убѣжденій съ Творожниковымъ и только не хотѣлъ сознаться въ томъ—это остается, конечно, тайной, которую не сумѣетъ раскрыть и самъ авторъ. Вѣдь самъ же онъ говорилъ раньше, что мы не понимаемъ Христа и Его ученія; какъ же послѣ этого мы можемъ быть однихъ воззрѣній съ Творожниковымъ, который, по его мнѣнію, держится чистаго Евангельскаго ученія, которое только судьи называютъ пашковщиной и т. п. кличками?! Наконецъ, авторъ письма несправедливо упрекаетъ насъ въ томъ, что мы не хотѣли доказать неправоту ученія Творожникова по Евангелію. Мы сдѣлали на судѣ все, что требовалось отъ насъ закономъ, именно:

изложили ученіе пашковцевъ, за распространеніе какового ученія привлекался къ отвѣтственности Творожниковъ, показали различіе этого ученія отъ православнаго и сдѣлали заключеніе, что Творожниковъ держится ученія пашковцевъ. Но мы не могли, да и не должны были вступать въ длинныя пренія съ Творожниковымъ о вопросахъ вѣры, потому что роль эксперта на судѣ не есть миссіонерская: онъ только разъясняетъ,— въ чемъ то или другое сектантское ученіе уклонилось отъ православнаго, и насколько оно вредно для церкви и государства. Побесѣдовать же о вѣрѣ предложено было Творожникову послѣ суда.

Въ дальнѣйшихъ строкахъ письма авторъ обнаруживаетъ свое крайнее непониманіе въ вопросахъ вѣры. По его мнѣнію, всѣ секты раціоналистическаго направленія одинаково держатся чистаго евангельскаго ученія. Вотъ что, между прочимъ, говоритъ онъ:

„Вы придумываете разнаго рода клички, въ родѣ пашковщины, штунды, молоканства и т. п., на самомъ же дѣлѣ вы хорошо знаете и чувствуете (?), что *всѣ* ученія, слывущія подъ этими кличками *самыя близкія къ ученію Христа*, а люди, слѣдующіе этимъ ученіямъ, гораздо болѣе христіане, нежели православные.“

Но подумалъ-ли авторъ о томъ, что онъ написалъ? Вѣдь между молоканствомъ или духоборствомъ и пашковщиной—очень большое раз-

личіе: признавая одно изъ этихъ ученій *чисто* евангельскимъ, ужъ никакъ нельзя признать таковымъ другое. Но перомъ автора въ данномъ случаѣ, очевидно, руководятъ симпатіи ко всѣмъ недругамъ православной церкви. Извѣстно, что вражда къ церкви православной объединяетъ разныхъ сектантовъ: различаясь между собою и сильно препираясь по разнымъ пунктамъ ученія, они сходятся въ ненависти къ православной церкви. И авторъ письма питаетъ къ православной вѣрѣ крайнюю ненависть: православіе въ его глазахъ все равно что язычество. Вотъ его слова объ этомъ предметѣ:

„Православіе, какъ оно есть теперь, и язычество—это, по моему мнѣнію, одно и то же, только въ нѣкоторыхъ частяхъ имѣютъ они разницу и то въ частяхъ совсѣмъ неважныхъ, имѣютъ другую форму, можетъ быть, вотъ и все, а въ остальномъ *православіе до того поразительно сходно съ язычествомъ и идолопоклонствомъ, что различить ихъ нельзя.*“

Можно-ли сказать еще большую несправедливость о православной вѣрѣ?! Подобный отзывъ о православіи можно объяснить только или преднамѣреннымъ нежеланіемъ знать православную вѣру, или же дѣйствительнымъ непониманіемъ ея. То и другое одинаково печально, но то и другое вполнѣ свойственно зараженному сектантскимъ духомъ. Сектантство, по самому существу своему, не хочетъ и не можетъ видѣть божествен-

ной истины и внутренняго величія православной вѣры и церкви. Особенно же ненавистно для сектантства православное духовенство, которое и подвергается больше всего нападкамъ со стороны его. Авторъ письма высказываетъ слѣдующее мнѣніе о духовенствѣ:

„Вы думаете, что правильное пониманіе ученія Христа принадлежитъ одному вашему сословію, какъ вы говорите, по благодати. Всѣмъ теперь хорошо извѣстно, что это—старый обманъ, которымъ пользовалось раньше такъ называемое духовное сословіе для достиженія своихъ цѣлей, но теперь пользоваться этимъ—значитъ то же, что обманомъ—ложью утверждать истину.“

Если все православіе въ глазахъ автора письма есть то же, что язычество, то, конечно, мы не можемъ ожидать отъ него лучшаго отзыва о представителяхъ православной церкви.

Письмо оканчивается еще нѣсколькими обличеніями и совѣтами, изъ которыхъ послѣдній такой:

„Умоляю васъ, братъ мой во Христѣ, если вамъ придется когда-нибудь еще быть приглашеннымъ въ судъ въ качествѣ эксперта или судьи, вы откажитесь совсѣмъ отъ экспертизы и судебства и укажете на то, что обвиняемый такого рода есть истинный, по крайней мѣрѣ болѣе истинный, нежели православный, христіанинъ и обвинять его не въ чемъ и не за что, а наоборотъ нужно поучиться у него исполнять ученіе Христа на дѣлѣ.“

Кромѣ всего изложеннаго, въ постскриптумѣ письма авторъ высказываетъ кратко, но сильно свой взглядъ на событія въ духоборческомъ мірѣ на Закавказьѣ. Тутъ сектантскій фанатизмъ автора обнаружился во всей силѣ. Назвавъ духоборцевъ „истинными людьми, которымъ нужно подражать“ (кому же, спрашивается, больше нужно подражать: такимъ-ли людямъ, какъ Творожниковъ, или такимъ, какъ духоборцы; вѣдь между ними очень большое различіе?), онъ говоритъ: „а начальство показало себя истинно апокалипсическимъ звѣремъ, которому ничего нѣтъ подобнаго.“

Читателямъ Московскихъ Вѣдомостей, слѣдившимъ за событіями на Закавказьѣ, не требуется разъяснять всю нелѣпость подобнаго отзыва о дѣйствіяхъ начальства на Закавказьѣ по поводу духоборческихъ велненій. Мы же, со своей стороны, прибавимъ только, что въ своихъ сужденіяхъ и отзывахъ о православной церкви и правительствѣ, особенно въ послѣднемъ отзывѣ, авторъ письма подобится печальной памяти протопопу Аввакуму.

IX.

Раціонализмъ въ безпоповщинѣ [1]).

Всѣ религіозныя разномыслія, волнующія нашу православную церковь и доставляющія ей такъ много заботъ и огорченій, раздѣляются на три главныя группы, изъ которыхъ одна зиждется на почвѣ такъ называемаго старообрядчества, другая имѣетъ характеръ раціоналистическій и, наконецъ, третья основывается на началахъ мистицизма. Каждая изъ этихъ группъ дробится на множество мелкихъ толковъ и сектъ съ разнообразными оттѣнками. Минуя частности, изслѣдователи раскола и сектантства въ своемъ большинствѣ слѣдующими общими чертами характеризуютъ три упомянутыя группы религіознаго сепаратизма: въ то время, какъ старообрядческій расколъ имѣетъ въ основѣ своей консерватизмъ, охраненіе „отеческихъ преданій“, приверженность къ буквѣ и старому обряду, секты раціоналистическія и мистическія, напротивъ, руководятся, въ развитіи своего вѣроученія и въ своихъ взгля-

---

[1]) Напечатано въ „Москов. Церк. Вѣдом.“, за 1897 г., №№ 6—8.

дахъ и отношеніяхъ къ разнымъ сторонамъ церковной и гражданской жизни,—свободомыслiемъ, которое проявляется въ отрицаніи церковнаго авторитета и власти гражданской, въ свободномъ толкованіи Свящ. Писанія и въ развитіи идей равноправности, общаго братства, съ прибавленіемъ у сектантовъ-мистиковъ самообожанія. Такая характеристика старообрядческаго раскола и сектъ характера раціоналистическаго и мистическаго подаетъ мысль, что между первымъ и послѣдними нѣтъ ничего общаго и что идеи раскола не заключаютъ въ себѣ тѣхъ разрушительныхъ элементовъ, какими проникнуты идеи сектъ новыхъ. Поэтому среди массы статей и сочиненій, посвященныхъ тщательному изслѣдованію раскола и сектантства, мы почти вовсе не встрѣчаемъ такихъ, въ которыхъ сдѣлана бы была спеціальная попытка сопоставить старообрядческій расколъ съ сектами раціоналистическими и мистическими: очевидно такая попытка считалась безплодною, безполезною. Однако, на самомъ дѣлѣ, эти два явленія вовсе не такъ не похожи одно на другое, чтобы нельзя было разсматривать ихъ совмѣстно; напротивъ, мы готовы сказать, что совмѣстное разсмотрѣніе ихъ желательно и даже необходимо для того, чтобы выяснить, что насколько старообрядчеству свойственъ духъ свободомыслія (т.-е. начало раціонализма въ построеніи системы своего вѣроученія), настолько раціоналистическимъ и мистическимъ сектамъ присуще

невѣжество и слѣпое подчиненіе авторитету и буквѣ. Задача наша будетъ состоять въ обозрѣніи развитія раціонализма въ одной половинѣ старообрядчества, именно въ безпоповщинѣ, потому что только въ безпоповщинѣ послѣдовательно развивался расколъ и сохранился духъ его; поповщина же сдѣлала на этомъ пути шагъ назадъ и тѣмъ внесла въ свое ученіе страшную путаницу. Но прежде чѣмъ заняться разсмотрѣніемъ раціоналистическаго (и отчасти мистическаго) элемента въ безпоповщинѣ, мы укажемъ тотъ общій путь, по которому проходитъ образованіе и развитіе всѣхъ сектъ и ересей, волнующихъ русскую православную церковь. Первая ступень въ образованіи всѣхъ религіозныхъ разномыслій заключается въ отрицательномъ отношеніи къ православной церкви; это неизбѣжно и вполнѣ психологически понятно. Для того, чтобы отдѣлиться отъ того и другого общества,— необходимо предварительно признаніе (правильное или нѣтъ—въ данномъ случаѣ безразлично) этого общества несостоятельнымъ, неудовлетворительнымъ, погрѣшительнымъ. До тѣхъ поръ, пока всѣ члены общества находятъ условія жизни и установленія общества правильными, разложеніе его невозможно. Что въ этомъ отношеніи приложимо ко всякимъ обществамъ, то въ большей еще степени приложимо къ церкви Христовой. Въ самомъ дѣлѣ, невозможно себѣ представить отдѣленія отъ церкви ея членовъ, которые связаны съ нею самыми крѣпкими узами,

безъ того, чтобы нѣкоторые члены ея напередъ не признали ее погрѣшительной. Мало этого, отдѣленіе отъ церкви непремѣнно должно сопровождаться враждою къ ней, потому что отдѣляющіеся отъ нея начинаютъ смотрѣть на нее, какъ на своего личнаго врага: они обыкновенно начинаютъ проповѣдывать, что православная церковь вела ихъ не по пути спасенія, а по пути погибели, что путь спасенія совершенно иной, чѣмъ какимъ ведетъ церковь. А для того, чтобы подтвердить правильность такого взгляда на церковь, они всѣми способами стараются очернить и похулить ее. указать въ ней всевозможные недостатки, которые яко-бы доказываютъ, что она — не Христова церковь, а антихристова. Вотъ чѣмъ объясняется, что проповѣдь всѣхъ отщепенцевъ непремѣнно начинается съ страшной ругани и хулы на церковь: это общая черта всякаго раскола и сектантства, потому что съ этого начинается отдѣльная жизнь ихъ. Но извѣстно, что однимъ отрицаніемъ долго жить нельзя; на мѣсто отрицаемаго ученія и отрицаемыхъ устоевъ жизни необходимо создать новое ученіе и новыя правила жизни. Съ попытокъ создать таковыя ученія и правила обыкновенно начинается вторая ступень отдѣльной жизни сектантства. Замѣчательно (но въ то же время и дов. естественно), что въ выработкѣ своего вѣроученія и своихъ правилъ жизни сектанты слѣдуютъ плану и порядку отрицаемаго ими ученія. Этимъ объя-

сняется, что одни пункты ученія у сектантовъ гораздо болѣе подробно развиты, чѣмъ другіе: что съ большею ожесточенностію отрицается ими, о томъ у нихъ съ большею подробностію говорится съ положительной стороны. Отрицается и хулится православная церковь, — и вотъ взамѣнъ православнаго ученія о церкви создается свое понятіе о ней, въ которое входитъ, впрочемъ, болѣе отрицательныхъ признаковъ, чѣмъ положительныхъ. Отрицается православная іерархія и таинства,—и взамѣнъ ихъ вырабатывается свое ученіе о священствѣ и таинствѣ, и этимъ занимаются не только тѣ секты, которыя признаютъ въ извѣстномъ смыслѣ священство и таинство, но даже и тѣ, которыя принципіально отрицаютъ ихъ. Въ тѣсной связи съ вопросомъ о церкви и таинствахъ долженъ рѣшаться вопросъ о спасеніи, которое, по православному ученію, возможно только въ церкви и чрезъ таинства. Отрицая православную церковь и таинства, сектанты само собою должны составить и особое ученіе о спасеніи внѣ православной церкви и безъ таинствъ ея. Помимо этихъ вопросовъ чисто религіознаго характера, сектантовъ немало волнуютъ вопросы государственные и общественные,—и это потому, что государственная жизнь у насъ находится въ самой тѣсной связи съ церковной, такъ что церковь и государство идутъ рука объ руку. Наши государственныя и соціальныя начала жизни освящены церковію, — и по одному

этому начала эти должны быть ненавистны для сектантовъ. Таковъ кругъ вопросовъ, входящихъ обыкновенно въ составъ постепенно развивающагося ученія сектантовъ. Другими догматическими вопросами, касающимися понятія о Богѣ, Его личныхъ свойствахъ, о будущей жизни, сектанты занимаются сравнительно мало. Пока секта живетъ фанатичнымъ отрицаніемъ всего православнаго и пока въ ней не выработано своего вѣроученія, которое должно сдѣлаться обязательнымъ для всѣхъ ея послѣдователей, до тѣхъ поръ она представляетъ собою довольно сплоченное общество. Повидимому, послѣ выработки въ сектѣ своего ученія и своихъ правилъ жизни, должно начаться болѣе или менѣе прочное и спокойное существованіе сектантскаго общества. Но случается, большею частію, какъ разъ наоборотъ, именно: весьма скоро послѣ этого начинаются въ сектѣ раздоры и споры и вслѣдствіе этого происходитъ раздѣленіе секты на мелкіе толки и партіи. Это есть третія и послѣдняя ступень образованія и развитія сектантскаго общества, послѣ чего уже начинается отдѣльная жизнь и вмѣстѣ отдѣльная исторія мелкихъ толковъ, образовавшихся изъ первоначальнаго, которые (толки) въ своей жизни также продолжаютъ тотъ же общій сектантскій путь. Такое положеніе дѣлъ въ сектантствѣ объясняется нетрудно. Вѣроученіе, составленное первыми представителями секты, всегда и необходимо отличается крупными недостатками, которые за-

мѣтны и для людей самыхъ простыхъ. Поэтому, естественно, являются попытки со стороны болѣе или менѣе знающихъ, или же просто задорныхъ сектантовъ—поправить ученіе основателей секты и создать свое, которое, удерживая первоначальный принципъ секты, отличается въ частностяхъ, или же отступаетъ даже отъ принципа. Роль отдѣльныхъ личностей, не сдерживаемыхъ никакимъ авторитетомъ и давностію, но почему-либо желающихъ быть руководителями и вожаками секты, всегда имѣла огромное значеніе въ образованіи мелкихъ толковъ и сектъ.

Всѣ эти предварительныя замѣчанія имѣютъ для насъ большое значеніе въ разъясненіи вопроса о раціоналистическомъ элементѣ въ безпоповщинѣ въ томъ отношеніи, что даютъ возможность прослѣдить путь рѣшенія общихъ въ безпоповщинѣ и раціоналистическихъ сектахъ вопросовъ. Всматриваясь въ исторію развитія безпоповщины, мы съ опредѣленностію находимъ, что эта главная вѣтвь раскола прошла чрезъ всѣ вышеупомянутые стадіи сектантской жизни, и параллельно съ общимъ сектантскимъ отрицаніемъ православной церкви создала такія теоріи о церкви и таинствахъ, которыя въ своихъ частныхъ пунктахъ и даже въ принципѣ имѣютъ очень много общаго съ раціонализмомъ новыхъ сектъ. И это произошло не случайно.

Первый небольшой періодъ существованія раскола (лѣтъ около 15) характеризуется больше-

всего крайне-фанатичнымъ отрицаніемъ православной („никоніанской“) церкви и хулою на нее. Расколъ на первыхъ порахъ не сознавалъ того, что ему придется порвать связь съ вселенскимъ преданіемъ о церкви и таинствахъ: онъ только нападалъ на существующую церковь, какъ уклонившуюся въ страшную ересь, и не думалъ еще создавать своего отдѣльнаго общества съ особымъ новымъ ученіемъ о церкви и таинствахъ. Представители раскола надѣялись возстановить церковь до-никоніанскую, думая, что никоніанство представляетъ собой уклоненіе церкви хотя и въ страшную ересь, но все таки уклоненіе временное. Поэтому они только порицали и ругали „никоніанскую“ церковь, но о выработкѣ своего отдѣльнаго (новаго) ученія о церкви они совсѣмъ не заботились. Извѣстно, что они не рѣдко обращались къ царямъ и даже соборамъ съ слезною просьбою, чтобы тѣ постарались только очистить церковь отъ „блудни еретической,“ т. е. уничтожили все вводимое въ ней патр. Никономъ. Однако обстоятельства скоро разочаровали раскольниковъ въ ихъ надеждахъ возстановить до-никоніанскую церковь (съ полнотою священства и таинствъ). Они скоро поняли, что „никоніанство“ не есть временное уклоненіе церкви въ ересь, а, напротивъ, оно было признано и освящено вселенскою церковію въ лицѣ восточныхъ патріарховъ, и потому они должны были сдѣлать одно изъ двухъ: или совсѣмъ отказаться отъ раскола,

или же выдумать свое ученіе о церкви—отличное отъ того, котораго держится „никоніанская“ и согласная съ нею вселенская церковь. Сдѣлать первое они не могли, потому что уже слишкомъ ненавистно имъ было никоніанство: они должны были, такъ сказать, переродиться для того, чтобы согласиться съ никоніанствомъ. И расколоучители сдѣлали второе: они, оправдывая свое отдѣленіе отъ церкви и существованіе внѣ нормальныхъ условій ея жизни, придумали ученіе, въ которомъ *принципіально* стали отрицать церковь на землѣ *въ томъ ея полномъ составѣ*, въ какомъ учредилъ ее Господь І. Христосъ. Подыскивая основанія для такого отрицательнаго ученія, расколоучители очень скоро выработали ученіе о наступленіи на землѣ царства антихриста, который, якобы, пошатнулъ церковь въ полномъ ея составѣ. Въ раскрытіи этого основнаго ученія безпоповцевъ со всѣми слѣдствіями, вытекающими изъ него, заключается вторая ступень образованія раскола, какъ отдѣльнаго общества, – и съ этого же началось, по нашему мнѣнію, уклоненіе раскола на почву вольномыслія (раціонализма). Въ раціоналистическомъ сектантствѣ основное ученіе той или другой секты, обыкновенно, *придумывается* въ противовѣсъ и похуленіе того *церковнаго* ученія, которое показалось сектантамъ неправильнымъ,—и только потомъ новое сектантское ученіе искусственно оправдывается изъ тѣхъ или другихъ источниковъ христіан-

скаго вѣроученія, или же разсудочными доводами [1]). Какъ разъ то же самое мы усматриваемъ въ ученіи безпоповцевъ. Основное ученіе ихъ объ антихристѣ было прямо таки *выдумано* расколоучителями для того, чтобы имѣть основаніе признать церковь православную совершенно погибшею и взамѣнъ этой церкви создать такое ученіе о ней, которое бы оправдывало то положеніе безпоповцевъ, въ какомъ они оказались послѣ отдѣленія отъ православной церкви (т.-е. безъ священства и таинствъ). Какъ удачно удовлетворяющее этой надобности, ученіе безпоповцевъ объ антихристѣ сдѣлалось у нихъ основнымъ, отказаться отъ котораго они не могутъ, не сдѣлавши шага назадъ; а поэтому ученіе это всѣми неправдами было доказываемо и обосновываемо какъ на почвѣ Священнаго Писанія и Преданія, такъ, больше того, на отдѣльныхъ мѣстахъ старопечатныхъ книгъ, несмотря на то, что оно ясно противорѣчило и буквѣ и духу Свящ. Писанія. Что все это дѣйствительно такъ, можно убѣдиться изъ краткаго разбора развитія безпо-

---

[1]) Раціонализмъ въ сектантствѣ вовсе не то же, что раціонализмъ, такъ сказать, философскій, отрѣшенный отъ религіозной основы. Поэтому, раціонализмомъ въ сектантствѣ мы называемъ *своеволное* построеніе своего вѣро-и-нравоученія, искусственно обосновываемаго тѣми или другими источниками христіанскаго вѣроученія, произвольно объясняемыми. Если раціонализмъ философскій можетъ быть свойственъ только людямъ болѣе или менѣе развитымъ, то раціонализмъ сектантскій одинаково можетъ быть присущъ и невѣждамъ, что съ ясностію и подтверждаетъ исторія сектантства.

повщинскаго ученія объ антихристѣ. На первыхъ порахъ расколоучители, думая держаться древнецерковнаго ученія объ антихристѣ, признавали, что антихристъ долженъ быть человѣкомъ, или опредѣленнымъ лицемъ, имѣющимъ воспринять въ себя все сатанинское дѣйствіе,—и таковымъ человѣкомъ они признали патріарха Никона, сообразно съ чѣмъ и начали произвольно истолковывать разныя книжныя свидѣтельства объ антихристѣ. Но Никонъ не оказался антихристомъ, потому что онъ умеръ естественною смертію, а кончины міра и всѣхъ событій, долженствовавшихъ сопровождать собою послѣдніе дни міровой жизни, не произошло. Тогда расколоучители стали указывать на императора Петра I-го, какъ на антихриста; но по отношенію къ Петру повторилось то же, что и по отношенію къ патріарху Никону. Однако двукратная неудачная попытка оправдать свое ученіе объ антихристѣ не привела раскольниковъ къ мысли провѣрить самое ученіе о наступленіи царства антихриста, а побудила только *выдумать* такое ученіе объ антихристѣ, которое бы могло быть болѣе устойчивымъ. Именно: придумано было ученіе о духовномъ царствованіи антихриста на землѣ, сообразно съ чѣмъ стали перетолковываться иносказательно и въ духовномъ смыслѣ всѣ свидѣтельства объ антихристѣ, которыя раньше самими же расколоучителями примѣнялись къ отдѣльному лицу. А въ своемъ развитіи этого ученія они,

подобно протестантамъ, дошли до ученія о духовномъ царствованіи антихриста: такое ученіе, несомнѣнно, заключаетъ въ себѣ многіе элементы раціонализма, потому что, послѣдовательно развитое, оно должно привести къ раціоналистическому ученію и о второмъ пришествіи І. Христа и о будущей жизни. И дѣйствительно, среди безпоповцевъ все болѣе и болѣе распространяется то мнѣніе, что воскресеніе мертвыхъ было или, вѣрнѣе, совершается съ каждымъ по мѣрѣ его праведности и благочестія. Не ясно-ли изъ всего сказаннаго, что всѣ силы ума раскольническихъ догматистовъ были направлены не къ тому, чтобы отыскать истину и провѣрить справедливость самаго положенія о наступленіи царства антихриста, что прямо-таки требовалось обстоятельствами, а къ тому, чтобы положеніе это *во что-бы то ни стало* отстоять, потому что оно *необходимо* было раскольникамъ для оправданія отдѣльнаго своего существованія внѣ православной церкви? Никакое другое ученіе не было такъ благопріятно для раскольниковъ въ этомъ смыслѣ, какъ именно ученіе объ антихристѣ. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть законнѣе и справедливѣе отдѣленія отъ той церкви, въ которой воцарился антихристъ и все осквернилъ своею прелестію! Однако въ этомъ отдѣлившемся обществѣ не оказалось священства и по крайней мѣрѣ четырехъ таинствъ; поэтому нужно было доказать, что и въ такомъ своемъ положеніи оно соста-

вляетъ истинную Христову церковь. Въ этомъ случаѣ опять таки оказалось какъ нельзя болѣе пригоднымъ для безпоповцевъ ученіе объ антихристѣ, благодаря которому послѣдователи раскола совершенно свободно начали обращаться съ самымъ понятіемъ о церкви, какъ свободно обращаются съ нимъ и представители сектъ раціоналистическихъ. „Антихристъ пошатнулъ, поколебалъ основанія церкви, воцарился въ ней“, поэтому нечего удивляться, что нѣтъ въ ихъ обществѣ священства,—его истребилъ антихристъ; не совершается жертва Христова,—значитъ и ее истребилъ антихристъ; нѣтъ другихъ таинствъ,—и ихъ уничтожилъ антихристъ. Такъ обыкновенно всегда разсуждали и разсуждаютъ безпоповцы. Итакъ, хотя раскольники и стараются опираться на основаніи священнаго и свято-отеческаго писанія въ своемъ ученіи объ антихристѣ, но въ данномъ случаѣ они пошли по тому же пути, по которому идетъ большинство сектъ раціоналистическихъ, т.-е. напередъ составляется нужное сектантамъ ученіе, а потомъ уже подыскиваются ему основанія,—и различіе только въ томъ, что секты раціоналистическія отрицательное и положительное свое ученіе стараются подтвердить однимъ Священнымъ Писаніемъ, а раскольники преимущественно пытаются основаться на отцахъ церкви и старопечатныхъ книгахъ. Такимъ образомъ, пріемы составленія своего ученія у раскольниковъ и раціоналистическихъ сек-

тантовъ оказываются совершенно одинаковыми. Вынужденные обстоятельствами къ выработкѣ нелѣпаго ученія объ антихристѣ, раскольники вынуждены были и къ оправданію его путемъ *произвольнаго* толкованія Св. Писанія и Преданія. Таково начало раціонализма въ основномъ догматѣ безпоповцевъ. Поэтому неудивительно, что расколоучители, вставши на эту почву вольномыслія, пришли въ ученіи о церкви къ тѣмъ же выводамъ, къ какимъ и секты раціоналистическія. Въ самомъ дѣлѣ, слѣдя болѣе постепенно за развитіемъ у безпоповцевъ понятія о церкви, мы легко замѣчаемъ въ немъ слѣдующіе три момента, показывающіе, — какъ постепенно безпоповцы все дальше и дальше уклонялись отъ церковнаго ученія объ этомъ предметѣ.

Первый моментъ. Церковь *по нуждѣ можетъ оставаться* безъ епископа и даже безъ священства, подобно тому, какъ во времена гоненій на христіанъ многія церкви пребывали безъ священниковъ. Такого понятія о церкви безпоповцы держались преимущественно до тѣхъ поръ, пока у нихъ не утвердилось окончательно ученіе о воцареніи антихриста въ духовномъ смыслѣ. Съ этого же времени начинается *второй моментъ* въ развитіи безпоповщинскаго ученія о церкви. Именно: церковь *должна* быть безъ священства и при двухъ только таинствахъ, потому что наступили времена антихриста. Такъ совершился переходъ отъ возможности временнаго пребыванія церкви

безъ священства къ необходимости этого явленія. Но разъ священства, какъ особаго благодатнаго учрежденія, не должно быть,—то ясно, что всѣ члены церкви одинаково равноправны,—одинаково могутъ совершать богослуженіе и таинства: каждый христіанинъ есть священникъ. Это есть *третій завершительный моментъ* въ развитіи безпоповщинскаго ученія о церкви, который и получилъ самое широкое примѣненіе на практикѣ: у безпоповцевъ совершителями таинъ и богослуженія являются не только простые міряне-мужчины, но даже и женщины. Вслѣдствіе этого теряется самый существенный признакъ церкви, какъ корабля, въ которомъ вѣрующіе чрезъ благодатное освященіе получаютъ спасеніе, потому что *всѣ*—священники, *всѣ* безразлично могутъ сообщать другъ другу дары, освящающіе и спасающіе внѣ учрежденія церкви. Отсюда вполнѣ понятными становятся такія выраженія безпоповцевъ: „Не въ бревнахъ церковь, а въ ребрахъ“; „церковь не стѣны церковныя, но законы церковные“, „вѣра и житіе“, или прямо: „всякій человѣкъ есть церковь Божія—нерукотворенная“. Смыслъ всѣхъ этихъ выраженій тотъ, что въ дѣлѣ спасенія главнѣйшее значеніе имѣетъ не принадлежность человѣка къ церкви съ богоустановленными священствомъ и таинствами, или участіе въ благодатныхъ дарахъ ея, но личное нравственное усовершенствованіе, которое дѣлаетъ человѣка храмомъ Божіимъ,—церковію.

Такое представленіе безпоповцевъ о церкви ничѣмъ не отличается отъ понятія о ней сектъ раціоналистическихъ, которыя, какъ всѣмъ извѣстно, отрицая православную (по ихъ мнѣнію, языческую, внѣшнюю) церковь, много говорятъ о внутренней церкви, или же смотрятъ на церковь, какъ на случайное собраніе нѣсколькихъ человѣкъ во имя Христово. Такъ, отъ одного сектанта приходилось слышать такое разсужденіе: „вотъ церковь (слѣдуетъ указаніе на присутствующихъ); вотъ храмъ (указаніе на грудь); вотъ царскія врата (указаніе на ротъ); а вотъ боковыя двери“ (указаніе на уши).

Въ самой тѣсной связи съ ученіемъ о церкви развивалась у безпоповцевъ своеобразная система о таинствахъ. Здѣсь, подобно какъ и въ ученіи о церкви, своеволіе разсудочныхъ соображеній подкрѣплялось искусственнымъ подборомъ цитатъ и выдержекъ изъ книгъ. Но въ существѣ дѣла безпоповцы пришли къ мысли о необязательности большей части таинствъ для христіанина и возможности совершенія двухъ изъ нихъ міянами, послѣдовательно выходя изъ своего ученія о церкви безсвященнословной. Посмотримъ внимательно, какъ работала ихъ мысль въ составленіи ученія о таинствахъ. Совершителями таинъ въ церкви Христовой всегда были *только* священники. Но теперь священства въ церкви нѣтъ; естественно поэтому, что не можетъ быть и таинствъ, на совершеніе которыхъ имѣютъ полно-

мочіе *только* священники. Таковъ непосредственный логическій выводъ, въ силу котораго безпоповцы должны-бы придти къ совершенному отрицанію таинствъ. Но такого вывода безпоповцы испугались: онъ слишкомъ ужъ шелъ въ разрѣзъ съ древне-церковнымъ ученіемъ. Поэтому они построили *свою* систему о таинствахъ, въ которой усматривается странная смѣсь раціонализма съ церковнымъ ученіемъ, съ преобладаніемъ, впрочемъ, перваго.—Не рѣшаясь отказаться отъ таинствъ, безпоповцы, очевидно, должны были доказать, что таинства могутъ быть совершаемы мірянами, если не всѣ, то, по крайней мѣрѣ, тѣ изъ нихъ, безъ которыхъ нельзя спастись. Сообразно съ такою надобностію, безпоповцы рѣшаютъ вопросы: всѣ-ли таинства одинаково важны и нужны для христіанина. или же одни изъ нихъ существенно необходимы, а безъ другихъ можно и обойтись. и если окажется послѣднее, то не могутъ-ли существенно-необходимыя таинства существовать въ церкви безъ священства, т.-е. не могутъ-ли быть совершаемы мірянами. На рѣшеніе этихъ вопросовъ направлены были всѣ усилія безпоповщинскихъ догматистовъ для того, чтобы рѣшить ихъ въ благопріятномъ для себя смыслѣ. Поэтому и оказалось, что таинства должно раздѣлить на нуждно-потребныя (т.-е. безусловно необходимыя) и просто потребныя (т.-е. такія, безъ которыхъ можно обойтись въ дѣлѣ спасенія); а затѣмъ оказалось, что нуждно-потребныя та-

инства могутъ быть совершаемы мірянами. Таковыми таинствами являются крещеніе, покаяніе и причащеніе, изъ которыхъ первыя два совершаются у безпоповцевъ. Все это искусственно было направлено къ тому, чтобы доказать, что *все*, что существенно необходимо для спасенія, въ безпоповщинскомъ обществѣ сохранилось и можетъ быть осуществимо и безъ священства. Не ясно-ли, что и въ построеніи системы о таинствахъ безпоповщинскіе догматисты, совершенно потерявъ подъ собою почву церковнаго преданія, руководились одними только своевольными соображеніями,—и потому незамѣтно пришли къ тѣмъ же результатамъ, къ какимъ тѣмъ же путемъ (своевольнаго умствованія) пришли и приходятъ секты протестантствующія. Повторяемъ, что такое сходство между безпоповщиной и сектантствомъ протестантскаго характера мы не признаемъ случайнымъ. Умъ у всѣхъ людей мыслитъ по однимъ и тѣмъ же законамъ,—поэтому отрицаніе одного и того же (православной церкви) и стремленіе создать взамѣнъ отрицаемаго свое ученіе, такъ чтобы послѣднее устраняло (мнимыя) недостатки и погрѣшности перваго, естественно можетъ привести къ одинаковымъ выводамъ.

Но не только въ отношеніи къ числу таинствъ и къ личности совершителя ихъ безпоповцы пришли къ одинаковымъ съ протестантствующими сектами выводамъ, но даже и въ воззрѣніи на

самое существо нѣкоторыхъ изъ нихъ. Собственно протестантскій взглядъ на таинства долженъ вытекать у безпоповцевъ изъ ученія о совершеніи ихъ мірянами. Міряне — совершители таинъ— никакихъ особенныхъ благодатныхъ полномочій не имѣютъ, а потому не могутъ сообщить освящающей благодати и другимъ. Значитъ, сила и дѣйственность таинства зависитъ исключительно отъ одного пріемлющаго таинство—именно отъ вѣры его, или внутренняго расположенія. Это крайне-преувеличенное значеніе внутренняго расположенія человѣка въ таинствахъ особенно проведено у безпоповцевъ въ ученіи о таинствѣ причащенія. Какъ извѣстно, безпоповцы не рѣшились допустить совершенія этого таинства мірянами, но за то рѣшились совершенно извратить истинное ученіе о немъ. Именно: когда прекратилась для нихъ возможность причащаться древними запасными дарами (а это случилось весьма рано), то они придумали ученіе о духовномъ причащеніи. Ученіе это выражается у безпоповцевъ въ двухъ формахъ. Одни стали учить, что вмѣсто чувственнаго причащенія Тѣла и Крови Христовыхъ достаточно одного *огнеопальнаго* (т. е. сильнаго, ревностнаго) желанія причаститься; здѣсь еще не отрицается принципіально таинство св. причащенія, а только въ силу невозможности имѣть истинное св. причастіе рекомендуется страстно желать его,—и такое желаніе, по Божественному милосердію, можетъ замѣнить истинное

причащеніе Тѣла и Крови Христовыхъ. Но другіе безпоповцы пошли гораздо дальше и стали положительнымъ образомъ учить о замѣнѣ чувственнаго причащенія Тѣла и Крови Христовыхъ—духовнымъ. Это духовное причащеніе заключается въ любви къ Богу, въ доброй жизни и духовныхъ подвигахъ. Въ такомъ ученіи безпоповцевъ такъ и слышатся раціоналистическія мудрствованія (напримѣръ, молоканъ или младоштундистовъ), что „плоть Христова есть ученіе Его, а причащеніе есть вѣра въ Его ученіе“, или: „мы принимаемъ живыя слова Спасителя и тѣмъ причащаемся Его плоти и крови“. Итакъ, признавъ св. жертву Христову, приносимую въ православной церкви, мерзостью запустѣнія, которую содѣлалъ антихристъ, безпоповцы ничего другого не могли придумать для оправданія своего положенія безъ святѣйшаго таинства, кромѣ признанія крайне-раціоналистическаго воззрѣнія на это таинство. Не нужно доказывать, что въ данномъ случаѣ безпоповцы пошли дальше протестантства, въ которомъ, какъ извѣстно, признается чувственное причащеніе, хотя и неправильно понимаемое. Если, такимъ образомъ, возможнымъ оказалось поступить съ однимъ важнѣйшимъ изъ семи таинствъ, то конечно подобно тому можно поступать и съ прочими шестью. И безпоповщина послѣдовательно могла бы дойти до отрицанія всѣхъ таинствъ и до мысли, свойственной сектамъ раціоналистическимъ, что всѣ

таинства, освящающія человѣка, должны быть понимаемы духовно. Но ихъ удерживаетъ отъ этого вывода, какъ мы сказали выше, желаніе казаться *древле-православными* христіанами, хранящими во всей цѣлости ученіе древле-православной церкви, которая никогда не признавала такого (раціоналистическаго) взгляда на таинства. Несмотря однако и на это, нѣкоторые отдѣльные безпоповщинскіе толки въ своемъ ученіи о таинствахъ пришли-таки къ тому логическому выводу, который такъ старается обойти или замолчать большинство безпоповцевъ, именно, что таинства должны быть понимаемы духовно, и дѣйственность ихъ нисколько не зависитъ отъ лица, совершающаго ихъ или отъ вещества, а больше всего отъ доброй жизни вѣрующихъ. Такой приблизительно взглядъ на таинства высказанъ однимъ изъ учителей секты странниковъ, проведшей, какъ извѣстно, наиболѣе послѣдовательно принципы безпоповщины. Учитель этотъ Михаилъ Кондратьевъ, доказывая, что у нихъ (странниковъ) совершаются *всѣ* таинства, говоритъ: „мы по чину Мельхиседекову *всѣ* бываемъ священники отъ св. крещенія, а нужды ради тайну мѵропомазанія получаемъ также при крещеніи, ибо, по завѣщанію св. апостоловъ, за неимѣніемъ мѵра, довольствуетъ вода и помазаніе ею. Таинства Тѣла и Крови пріобщаемся ежедневно, егда ограждаемся крестнымъ знаменіемъ двуперстнаго сложенія, ибо въ двухъ перстахъ

изображаемъ Христа во двою естеству, и какъ изобразилъ на себѣ крестъ оными персты, то и причастился онаго естества, еже есть Тѣло и Кровь Христова. А тайна елеопомазанія совершается у насъ милостынею, понеже въ писаніи милостыня называется елеемъ. О прочихъ же тайнахъ—крещеніи и покаяніи всякій знаетъ, что во время нужды и простецы крестили и исповѣдь принимали, также и бракъ многажды сводили безъ священныхъ молитвъ по благословенію родителей или при пяти свидѣтеляхъ". Въ этихъ разсужденіяхъ странническаго учителя ясно проводится та мысль, что таинства нельзя считать спеціальными средствами облагодатствованія человѣка, но что человѣкъ можетъ достичь того же своими благочестивыми дѣйствіями и поступками (двуперстіе, милостыня). Наконецъ, существуютъ среди безпоповщинскихъ сектъ такія, которыя не испугались сдѣлать самые крайніе логическіе выводы изъ принциповъ безпоповщины. Это—секты, такъ называемаго, нѣтовскаго направленія. Секты эти совершенно отрицаютъ таинства на томъ основаніи, что нѣтъ законныхъ совершителей ихъ и совсѣмъ нѣтъ благодати на землѣ. Очевидно, по ученію этихъ сектантовъ, спасеніе должно совершаться безъ благодатныхъ таинственныхъ даровъ. Какимъ же образомъ оно можетъ совершиться? Въ силу *надежды* на Спасову милость, Онъ, Спасъ, какъ хочетъ, такъ и спасаетъ,—отвѣчаютъ сектанты. Такимъ образомъ,

въ ученіи нѣтовцевъ о спасеніи не осталось *ничего* изъ церковнаго ученія о томъ-же предметѣ; напротивъ, въ немъ съ полною ясностію проводятся принципы одной изъ крайнихъ раціоналистическихъ сектъ—пашковской, главный догматъ которой выражается въ слѣдующей формѣ: „вѣрь, что твои грѣхи прощены, надѣйся на милость Божію, проникнись *мыслію* объ искупительной жертвѣ,—и ты дѣйствительно будешь спасенъ"; сверхъ же этого для спасенія ничего не требуется. Такимъ образомъ, какъ у пашковцевъ, такъ и у нѣтовцевъ отрицается всякая самодѣятельность и какое-либо значеніе благодатныхъ даровъ, сообщаемыхъ въ таинствахъ: все это для спасенія не нужно, потому что для спасенія нужна только одна вѣра во Христа и надежда на милость Спасову. Выводъ, къ которому пришли нѣтовцы, по нашему мнѣнію, есть вполнѣ логическій,—такой, къ которому должны бы придти всѣ безпоповцы, строго держась своихъ началъ [1]).

Итакъ, все вышеизложенное ясно показываетъ, что безпоповщина въ своихъ началахъ содержитъ

---

[1]) Нѣтовцы являются наиболѣе послѣдовательными безпоповцами не только по догматическимъ своимъ воззрѣніямъ, но даже и въ отношеніи къ богослуженію и чину. У нихъ совершаются службы въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ. Службы по уставу (утреня, вечерня и т. д.) у нихъ вовсе не совершается; а все дѣло ограничивается чтеніемъ псалтири и молитвъ, т.-е. отправляется такое богослуженіе, которое возможно для всякаго мірянина и во всякое время. А извѣстно, что возможная простота (хотя иногда и странная) и несложность—отличительные признаки богослуженія у раціоналистическихъ сектантовъ.

очень много раціоналистическихъ элементовъ, какъ по способу выработки своей догматики, такъ и по самому существу и содержанію своихъ догматовъ, которые въ дальнѣйшемъ и послѣдовательномъ развитіи приводятъ къ тѣмъ крайне-отрицательнымъ воззрѣніямъ, которыхъ держатся странники и нѣтовцы.

Доселѣ мы хотѣли выяснить раціоналистическій характеръ *общихъ* безпоповщинскихъ воззрѣній, присущихъ всѣмъ отдѣльнымъ, безпоповщ. толкамъ,—и если коснулись въ частности сектъ странниковъ и нѣтовцевъ, то только для того, чтобы яснѣе видѣть, къ какимъ выводамъ должны приводить (и, дѣйствительно, приводятъ), принципы безпоповщины.

Безпоповщина, какъ извѣстно, стала дробиться на толки весьма рано,—тогда, когда только еще успѣли обозначиться ея главныя положенія. Въ однихъ изъ этихъ толковъ принципы безпоповщины проводились болѣе послѣдовательно, въ другихъ — менѣе строго, и въ нѣкоторыхъ, наконецъ, дѣлалось значительное уклоненіе отъ нихъ,—сообразно съ чѣмъ въ ученіяхъ отдѣльныхъ безпоповщинскихъ толковъ раціоналистическій характеръ безпоповщины обнаруживался въ большей или меньшей степени. Главными вопросами, произведшими въ безпоповщинѣ раздѣленіе, были вопросы о бракѣ и о молитвѣ за царя. Оба эти вопроса — первый по жизненной его важности, а второй по важности государствен-

ной — особенно волновали и волнуютъ безпоповцевъ: споры объ этихъ вопросахъ проходятъ чрезъ всю исторію безпоповщины, такъ что если требуется характеризовать внутреннюю жизнь безпоповщины, то необходимо слѣдить за ходомъ этихъ споровъ и тѣмъ или другимъ рѣшеніемъ ихъ въ отдѣльныхъ толкахъ. Теперь намъ и предстоитъ разслѣдовать, на какой почвѣ безпоповцы рѣшаютъ эти жизненные и важные вопросы,—и мы увидимъ, что они, какъ въ воззрѣніи на жизнь семейную, такъ и на государственную, оторвавшись отъ древне-церковной почвы, руководятся своими умствованіями и соображеніями, которыя бы согласовались съ ихъ принципами, и въ свободномъ рѣшеніи этихъ вопросовъ очень тѣсно примыкаютъ къ сектамъ раціоналистическимъ.

Признавая бракъ за таинство, какъ всегда учила православная церковь, безпоповцы съ своей принципіальной точки зрѣнія должны-бы придти къ полному отрицанію брака, такъ какъ нѣтъ совершителей этого таинства: оно, какъ ненуждопотребное ко спасенію, не причислено ими къ числу такихъ таинствъ, которыя по нуждѣ могутъ совершаться мірянами. Однако добрая половина безпоповщины признаетъ бракъ необходимымъ. Объясняется это особымъ положеніемъ таинства брака среди другихъ. Если отсутствіе въ обществѣ безпоповцевъ другихъ таинствъ не отзывается на ихъ жизни и общественномъ по-

ложеніи никакими неудобствами, ничуть не мѣшаетъ ихъ земному благополучію, то, напротивъ, отсутствіе брака неизбѣжно влечетъ за собою множество лишеній, затрудненій и серьезныхъ непріятностей, которыя ставятъ безпоповцевъ въ весьма некрасивое положеніе въ обществѣ. Очевидно, въ избѣжаніе этихъ неудобствъ, предстояло безпоповцамъ сдѣлать одно изъ двухъ: или допустить совершеніе брака въ православной церкви, или же придумать такое ученіе о бракѣ, которое бы допускало существованіе брака и безъ церковнаго освященія и законность брака не ставило въ зависимость отъ этого освященія. Весьма немногіе безпоповцы, и то не надолго, допустили первое, но несравненно большая часть ихъ склонилась на второе. Такъ явились безпоповцы — брачники. Другіе же безпоповцы, стремясь также къ избѣжанію тѣхъ лишеній и неудобствъ, какими сопровождается безбрачная жизнь, пришли къ нелѣпому и безнравственному ученію о превосходствѣ безпорядочной свободной связи предъ бракомъ. Таковы безпоповцы — бракоборы. Если ученіе о бракѣ первыхъ (т. е. брачниковъ) примыкаетъ къ ученію о томъ же предметѣ сектъ раціоналистическихъ и проповѣдниковъ такъ называемаго гражданскаго брака, то ученіе послѣднихъ отличается характеромъ хлыстовства, послѣдователи котораго, крайне гнушаясь бракомъ, ничуть не гнушаются развратомъ, доходящимъ до свальнаго грѣха. Что все это дѣйствительно

такъ,—мы удостовѣримся изъ болѣе подробнаго разсмотрѣнія ученія о бракѣ брачниковъ и бракоборовъ въ его постепенномъ развитіи.

Первоначально безпоповцы, держась церковной точки зрѣнія на бракъ, какъ таинства, пришли къ безусловному отрицанію всякаго брака, который, за истребленіемъ священства, совершаться не можетъ, и проповѣдывали о необходимости всѣмъ проводить жизнь безбрачную, дѣвственную Какъ извѣстно изъ исторіи безпоповщины, такое ученіе и такая проповѣдь привели безпоповцевъ къ весьма печальнымъ послѣдствіямъ—къ страшному разврату. Въ виду этого, болѣе благоразумные учители безпоповщины стали придумывать мѣры, чтобы положить предѣлъ безобразному разврату. Самый вѣрный путь къ этому—допустить бракъ. Насколько сильно чувствовалась потребность въ этомъ,—видно изъ того, что безпоповцы на время готовы были уклониться отъ своего даже принципіальнаго ученія объ истребленіи священства только для того, чтобы удовлетворить этой потребности, именно они склонились къ признанію существованія гдѣ-ниб. на востокѣ, въ „сокровенныхъ мѣстахъ“ священства, для отысканія котораго и посылали туда одного поморца Вышатина. Но поиски священства окончились ничѣмъ вмѣстѣ со смертію Вышатина въ 1732 году, вслѣдствіе чего и вопросъ о бракѣ остался нерѣшеннымъ. Это была единственная попытка безпоповцевъ рѣшить вопросъ о бракѣ на церковной

почвѣ, т. е. держась взгляда на него, какъ на таинство. Попытка эта была весьма неудачна, потому что она коренным образомъ противорѣчила принципамъ безпоповщины, и потому вовсе не находила себѣ сочувствія въ большинствѣ безпоповцевъ. Итакъ, допустить въ своемъ обществѣ бракъ, освященный церковію чрезъ таинство, оказалось невозможнымъ. Оставалось поэтому отрѣшиться отъ церковной точки зрѣнія на бракъ и взглянуть на него, какъ на обще-человѣческое учрежденіе. Сообразно съ этимъ и начало вырабатываться новое ученіе безпоповцевъ о бракѣ— такое ученіе, подъ которымъ можетъ подписаться ревностный защитникъ гражданскаго брака. Съ подобнымъ ученіемъ о бракѣ выступилъ въ половинѣ XVIII вѣка одинъ ѳедосѣевецъ, Иванъ Алексѣевъ, который нашелъ себѣ многихъ послѣдователей. Въ краткихъ словахъ ученіе его о бракѣ заключается въ слѣдующемъ. „Бракъ есть тайна, но не въ смыслѣ таинства, а въ смыслѣ таинственнаго значенія супружеской любви. Онъ установленъ Богомъ еще при созданіи первыхъ людей и основаніемъ для него служитъ благословеніе, преподанное Богомъ Адаму и Евѣ, а чрезъ нихъ и всѣмъ людямъ. Если же основаніе для брака заключается въ этомъ общемъ для всѣхъ людей благословеніи, то и бракъ могутъ заключать всѣ; только необходимо требуется согласіе брачущихся на вступленіе въ бракъ, выраженное словами предъ свидѣтелями, а также

согласіе родителей". Эти условія—самыя важныя въ заключеніи браковъ. Что же касается вѣнчанія въ прав. церкви, то оно, по ученію Алексѣева, имѣетъ значеніе не больше, какъ „общенароднаго христіанскаго обычая", а вовсе не имѣетъ существеннаго значенія для брака. Изъ той мысли, что вѣнчаніе не составляетъ существенной стороны въ бракѣ и не сообщаетъ благодати, Алексѣевъ и выводитъ заключеніе, что при неимѣніи священства оно можетъ быть совершено и въ церкви еретической. Для подтвержденія такого ученія Алексѣевъ указываетъ на примѣры древней церкви, которая принимала безъ повторенія языческіе, іудейскіе и еретическіе браки. Всматриваясь въ это ученіе Ивана Алексѣева, мы замѣчаемъ, что оно совершенно устраняетъ христіанскій таинственный характеръ брака: основу свою бракъ имѣетъ не въ христіанскомъ ученіи о немъ, а въ обще-человѣческомъ обычаѣ, основывающемся на благословеніи Богомъ брачнаго сожитія первыхъ людей; христіанство, по ученію Алексѣева, не придало браку ничего новаго. Очевидно, взглядъ этотъ совершенно чуждъ церковной почвы и ясно заключаетъ въ себѣ тенденцію протестантствующихъ раціоналистическихъ сектъ, по ученію которыхъ все существо брака зависитъ исключительно отъ взаимнаго любовнаго согласія и поятія жениха и невѣсты. Разсуждая послѣдовательно, нужно придти къ заключенію, что для брака не требуется никакого церковнаго вѣнчанія и

никакого церковнаго обряда; такъ дѣйствительно и учатъ новые сектанты (въ родѣ штундистовъ и пашковцевъ). Но Иванъ Алексѣевъ въ данномъ случаѣ допустилъ непослѣдовательность, признавая нужнымъ и вѣнчаніе, хотя бы въ церкви еретической. Эту непослѣдовательность въ ученіи Алексѣева замѣтили другіе учители безпоповщины и исправили ее. Таковымъ явился во второй половинѣ XVIII вѣка поморскій наставникъ Василій Емельяновъ, который, такъ сказать, доразвилъ ученіе Алексѣева о бракѣ. Совершенно отрицая какое-либо значеніе вѣнчанія, Василій Емельяновъ для заключенія законнаго брака ставляетъ слѣдующія пять условій: 1) согласіе жениха и невѣсты, 2) благословеніе родителей, 3) обрученіе, 4) свидѣтели и 5) лѣта законныя сочетавающихся. Церковное же вѣнчаніе, по его ученію, за истребленіемъ истиннаго священства, можетъ быть замѣнено молитвами, которыя могутъ совершать и „мужи нерукоположенные“. Такъ явились у безпоповцевъ такъ называемые „безсвященнословные браки.“ Это ученіе Емельянова было принято громаднымъ большинствомъ поморцевъ и сдѣлалось ихъ отличительнымъ догматомъ сравнительно съ безпоповцами—бракоборами, болѣе фанатичными представителями которыхъ являются ѳедосѣевцы и странники. Въ немъ, какъ мы видимъ, почти все въ бракѣ сводится на формальную и гражданскую его законность; религіозная же сторона его ограничивается толь-

ко благословеніемъ родителей и нѣсколькими молитвами, большею частію молебнымъ пѣніемъ Спасителю и Божіей Матери. Правительство наше признало поморскіе браки состоятельными въ гражданскомъ смыслѣ, но церковь православная не иначе можетъ смотрѣть на нихъ, какъ на блудное сожительство, подобно тому, какъ она смотритъ на такъ называемые гражданскіе браки. Браки поморцевъ мало чѣмъ отличаются отъ браковъ гражданскихъ и еще меньше отъ браковъ, имѣющихъ мѣсто у сектантовъ новаго времени. По ученію, напр., штундистовъ, бракъ не есть таинство, а просто самый обыкновенный житейскій актъ, совершаемый, тѣмъ не менѣе, съ нѣкоторыми церемоніями. Дѣло обыкновенно бываетъ такъ: женихъ и невѣста, раньше сговорившіеся, заявляютъ нѣсколькимъ штундистамъ о своемъ желаніи вступить въ бракъ. Въ назначенный день всѣ они собираются вмѣстѣ, читаютъ при этомъ нѣкоторыя мѣста изъ Евангелія, поютъ стихи, пѣсни и псалмы;—и тутъ же объявляютъ бракъ состоявшимся. Этимъ дѣло и оканчивается. Совершенно также происходитъ заключеніе брака у всѣхъ раціоналистическихъ и новыхъ русскихъ сектъ: молоканъ, прыгуновъ, шалапутовъ и т. п. Главнымъ моментомъ при заключеніи брака является торжественное заявленіе брачущихся о своемъ намѣреніи предъ общиною. Все это имѣетъ очень много общаго съ тѣмъ, что бываетъ и у поморцевъ, такъ что не только ученіе послѣд-

нихъ о бракѣ въ своей сущности сходно съ ученіемъ новыхъ сектъ, но даже и въ подробностяхъ примѣненія этого ученія къ жизни.

Другая половина безпоповщинскаго міра, къ которой принадлежатъ ѳедосѣевцы, странники, филипоновцы и нѣтовцы, держатся иныхъ воззрѣній на бракъ, именно отрицательныхъ. Отрицая возможность существованія брака безъ священства, руководители означенныхъ сектъ направляютъ свои усилія не къ тому, чтобы утвердить среди своихъ послѣдователей чистоту и дѣвственную жизнь (потому что ни сами они, ни ихъ послѣдователи — не имѣли ни малѣйшей склонности подвергать себя подобному аскетизму), а къ тому, чтобы оправдать свой развратъ чрезъ доказательство мысли о превосходствѣ свободной связи предъ бракомъ. Вотъ нѣсколько положеній этихъ сектантовъ, ярко рисующихъ ихъ взгляды на бракъ. „Бракъ внѣшній (т. е. церковный) пріять — антихристову печать пріять; тѣмъ же появый жену отпаде отъ Бога, отпаде отъ церкви, изгнанъ отъ всякаго общества христіанскаго, и нѣсть ему никоея милости христіанскія, развѣ разведется съ женою, яже все ему спасеніе отъя“,—и далѣе прямо: „лучше хотя четырехъ или пять женъ или десять невѣнчанныхъ въ бракъ имѣти и съ ними блудити, нежели едину бракомъ сопряженную“. А вотъ какъ разсуждаетъ о бракѣ свѣтило ѳедосѣевской секты Ковылинъ; „нынѣ брака нѣтъ, и брачущіеся въ никоніанскихъ храмахъ — пре-

любодѣи, еретики. Живя какъ бы по закону, они не чувствуютъ угрызенія совѣсти за свой грѣхъ и не каются, тогда какъ падшій по немощи естества необходимо сознаетъ свою вину и приноситъ въ ней раскаяніе. Поэтому *не возбраняется утолять* похоть, да не обуревается человѣкъ нечистыми помыслами. Тайно содѣянное, тайно и судится". Итакъ, ясно, что ѳедосѣевцы совершенно отрицаютъ бракъ и самый крайній развратъ считаютъ лучше брака. Подобнымъ же образомъ учатъ о бракѣ и другіе безпоповцы-бракоборы.

Изъ сопоставленія ученія о бракѣ брачниковъ и бракоборовъ мы должны придти къ заключенію, что ученія ихъ представляютъ собою два возможные выхода изъ того положенія, въ какомъ оказались безпоповцы, отвергнувъ бракъ, освящаемый церковью. Въ самомъ дѣлѣ, отвергая церковный бракъ и не желая вести дѣвственную чистую жизнь, можно только допустить одно изъ двухъ: или замѣнить его бракомъ *нецерковнымъ*, имѣющимъ однако нѣкоторую гражданскую законность, или же предоставить всѣмъ полную свободу половыхъ отношеній, при чемъ при допущеніи послѣдняго положенія необходимо признать, что такое состояніе выше брачнаго. Итакъ, мы видимъ, что если и составилось у поморцевъ ученіе о бракѣ, а у ѳедосѣевцевъ и др. ученіе о безбрачіи (или точнѣе — развратѣ), то составились они не потому, что имѣютъ какое-нибудь основаніе въ древне-церковномъ ученіи, а потому,

что *неизбѣжно нужно* было ихъ составить, такъ чтобы ученія эти, съ одной стороны, не противорѣчили принципамъ безпоповщины, а, съ другой, удовлетворяли естественнымъ и жизненнымъ нуждамъ безпоповцевъ. Здѣсь мысль безпоповщинскихъ догматистовъ и учителей работала, совершенно отрѣшившись отъ церковной почвы, а только сообразуясь съ нуждами своего общества, нуждами, какъ теоретическаго характера, такъ и практическаго.

Если сектантскіи раціонализмъ обнаруживается съ одной стороны въ отверженіи прав. церкви и ея авторитета, въ ученіи о церкви безъ іерархіи, въ духовномъ ученіи о таинствахъ—то не менѣе того, съ другой стороны, онъ обнаруживается въ политическомъ анти-государственномъ ученіи. Это, какъ мы замѣчали выше, происходитъ отъ того, что наша церковь живетъ жизнію, тѣсно связанною съ государствомъ, и потому, отрицая ея авторитетъ, нельзя не коснуться и авторитета государственной власти. Поэтому сектантское принципіальное ученіе, направленное къ ниспроверженію церковныхъ устоевъ, бываетъ въ большинствѣ случаевъ такимъ, что влечетъ за собою отрицаніе или пересозданіе и общественно-государственнаго строя. Такими являются всѣ наши раціоналистическія секты, въ которыхъ отрицаніе власти и ученіе о всеобщемъ равенствѣ является чуть ли не однимъ изъ самыхъ важныхъ догматовъ. Такимъ же представляется и старообрядче-

ское безпоповство, которому какъ будто вовсе-бы не къ лицу отверженіе той власти, которая искони освящалась и признавалась церковію. Въ самомъ дѣлѣ, если мы присмотримся къ ученію болѣе послѣдовательныхъ безпоповщинскихъ сектъ, то найдемъ въ немъ такъ много противогосударственныхъ элементовъ, что можно подумать. что послѣдователями этого ученія являются не сектанты-старообрядцы, а какіе-ниб. современные вольнодумцы, воспитавшіеся на началахъ западной философіи или какіе-ниб. революціонеры и т. п., которые охотно бы подписались подъ этимъ ученіемъ, если бы оно только не исходило изъ безпоповщинскихъ принциповъ. Отрицаніе государства проведено особенно логично и послѣдовательно въ сектѣ безпоповщ. странниковъ и нѣтовцевъ. По ученію ихъ, государство принадлежитъ антихристу; всѣ государственныя учрежденія—учрежденія антихриста, которыми онъ ловитъ людей въ свои сѣти; чиновники—слуги антихриста и т. д. Поэтому, съ такимъ государствомъ нужно порвать всякую связь, *убѣжать* изъ него и основать жизнь совершенно на другихъ началахъ. Ни царю, ни властямъ — не должно покоряться, потому что „подобаетъ служити единому Господу, льстецу же и гонителю повиноватися и покорятися волѣ его не повелѣно“. Странники опредѣляютъ и тѣ частные случаи, въ которыхъ должно проявляться непокорство властямъ, именно: не должно платить подати, а также отбывать

другія государственныя повинности, не должно поступать въ военную службу, даже не должно пользоваться гражданскими правами. Свое отрицаніе государства и его учрежденій странники доводятъ до издѣвательства надъ ними: такъ, у многихъ странниковъ, которые вообще никогда не берутъ настоящихъ паспортовъ, находили паспорта особенные, своеобразные, представляющіе собою пародіи на паспорта. Идти дальше въ отрицательномъ отношеніи къ государству, кажется, уже некуда. Странники, совершенно отрицая государство, имѣютъ свою собственную организацію съ выборнымъ „верховнымъ совѣтомъ“ во главѣ.

Въ другихъ безпоповщинскихъ сектахъ отрицательное отношеніе къ государству не проводится такъ рѣзко и смѣло, а, напротивъ, замаскировывается и смягчается. Болѣе ясно оно выражается только въ ученіи о немоленіи за царя. Это ученіе является, такъ сказать, мѣриломъ взглядовъ тѣхъ или другихъ безпоповщинскихъ сектъ на государство. Вопросъ этотъ почти съ самаго начала образованія безпоповщины былъ предметомъ споровъ. Одни безпоповщинскія секты не допускали этого моленія, другія признавали возможнымъ возносить молитвы за царя, только не съ такимъ титуломъ царскимъ, съ какимъ возноситъ за него молитвы церковь православная. Тѣ секты, которыя не признаютъ молитвы за царя, тѣмъ самымъ показываютъ, что они не почитаютъ его законнымъ, Богомъ поставленнымъ правителемъ,

не признаютъ „властію отъ Бога“, а вмѣстѣ съ этимъ не признаютъ законнымъ и все устроенное и заведенное имъ въ государствѣ. Отсюда долженъ слѣдовать тотъ же выводъ, къ которому пришли странники, что царю покоряться не слѣдуетъ, а слѣдуетъ противиться. Но въ жизни, практически ученіе это не проводится большинствомъ безпоповцевъ такъ послѣдовательно, какъ это дѣлается странниками; въ большинствѣ безпоповцы подчиняются властямъ, но это подчиненіе не есть подчиненіе „за совѣсть“, а только „за страхъ“, — и при первой возможности обращается въ противленіе. Что касается другого разряда сектъ, которыя признаютъ моленіе за царя, то нужно сказать, что онѣ держатся убѣжденія, что „нѣсть власть, аще не отъ Бога, сущія же власти отъ Бога учинены суть“, но только смотрятъ на современныхъ властеи подобно тому, какъ Церковь въ первое время смотрѣла на власть языческую, т. е. признаютъ ее неблагочестивой. Болѣе послѣдовательными являются конечно безпоповцы первой категоріи, отрицающіе молитву за царя, а слѣд. и покорность власти. Въ самомъ дѣлѣ, странно молиться за того царя, который находится въ обладаніи у антихриста и служитъ послѣднему?!

Итакъ, въ старообрядческомъ безпоповствѣ, несомнѣнно, существуютъ элементы раціоналистическіе, обнаруживающіеся, съ одной стороны, въ отрицательномъ ученіи о церкви, іерархіи и таин-

ствахъ, а, съ другой,—въ таковомъ же ученіи о власти и государствѣ. Привычка считать безпоповщину и раціоналистическія секты явленіями совершенно различными и несопоставимыми является, намъ кажется, результатомъ того убѣжденія, что первая есть плодъ невѣжества, а послѣднія—плодъ пробудившейся и развивающейся русской народной мысли. Убѣжденіе это — ложное. Невѣжество и сектантскій раціонализмъ — такія явленія, которыя не только уживаются между собою, но даже большею частью слѣдуетъ одно за другимъ.

Того, что называется признаками правильнаго развитія и запроса мысли, въ сектантскомъ раціонализмѣ такъ же мало, какъ и въ безпоповщинѣ. При самомъ крайнемъ свободномъ отношеніи къ Св. Писанію, сектантскому раціонализму свойственъ и самый узкій буквализмъ, до котораго, пожалуй, не доходили и раскольники-старообрядцы. Мы не будемъ входить въ подробное развитіе „доказательства этой мысли, а укажемъ только на то, что раціоналистическое сектантство способно было произвести изъ себя такія секты, какъ секты квасниковъ или прѣсниковъ, которыя, опираясь на слова Спасителя „берегитесь *кваса* фарисейска“, главнымъ требованіемъ для своихъ послѣдователей поставляютъ не ѣсть ничего квасного, съ закваскою; а штундисты свой буквализмъ простираютъ до того, что подъ „хранилищами“, о которыхъ говорится въ 23 гл. Ев. отъ Матѳея,

разумѣютъ постройки, въ которыхъ *хранится* имущество, и подъ „воскриліями“ — полы и рукава рясъ. Что же касается отношеній сектантовъ раціональнаго направленія къ современнымъ явленіямъ жизни, представляющимъ продуктъ научнаго прогресса, то при всемъ своемъ свободомыслiи нѣкоторые изъ нихъ удивляютъ насъ своимъ невѣжествомъ. Такъ, наприм., по словамъ автора ст. „Малорусская штунда“ („Недѣля“ 1877, № 2), нѣкоторые штундисты желѣзныя дороги, машины и телеграфы считаютъ признаками царства сатаны и конца этого царства... „Въ Писаніи сказано, учатъ они, что предъ кончиною вѣка появится какая-то огненная колесница; подъ такою колесницею писаніе разумѣетъ паровики, пароходы и желѣзнодорожные локомотивы, потому что они движутся при посредствѣ огня и изъ трубъ ихъ пышутъ дымъ и пламя. При посредствѣ этихъ колесницъ люди владычествуютъ одинъ надъ другимъ, пользуются чужими трудами, уродуютъ и калѣчатъ другъ друга“. Въ положительномъ ученіи сектъ раціоналистическихъ мы весьма мало находимъ разумно обоснованныхъ и ясно формулированныхъ положеній; напротивъ, оно, по словамъ одного изслѣдователя (который говоритъ о штундѣ), представляетъ собою „какой-то безобразный сводъ уродливыхъ понятій, темныхъ безсмыслицъ, непримиряемыхъ положеній, которыя въ человѣкѣ понимающемъ вызываютъ омерзѣніе, а невѣжественный людъ

могутъ увлекать единственно своей претензіей на важность излагаемаго ученія и разнузданностію практическихъ выводовъ“ [1]).

Сопоставляя все сказанное о раціонализмѣ въ безпоповщинѣ съ указанными сейчасъ невѣжествомъ и буквализмомъ въ сектантскомъ раціонализмѣ, мы должны придти къ заключенію, что общимъ признакомъ того и другого явленія (безпоповства и раціоналистическаго сектантства) представляется *невѣжественный раціонализмъ*. Благодаря этому общему признаку раскола и сектантства, легко можетъ случиться, что эти два явленія при логическомъ развитіи своихъ началъ сольются между собою, такъ что старообрядчество склонится къ сект. раціонализму. За послѣднее время эта склонность является особенно замѣтною. „Всматриваясь въ пренія о вѣрѣ нынѣшнихъ апологетовъ съ православными миссіонерами, читаемъ въ журналѣ „Мисс. Обозрѣніе“, въ современные пріемы раскольнической полемики и въ новыя міровоззрѣнія молодыхъ поколѣній раскола,—знакомясь, наконецъ, съ подпольными раскольничьими тетрадками въ родѣ „Броня правды“ и печатными заграничными памфлетами на православную церковь,—приходимъ къ заключенію, что обрядовѣрный расколъ дѣлается прямотаки штундовымъ раціонализмомъ“. По поводу

---

[1]) О штундѣ и протестантствѣ въ ихъ вѣроученіи, С. П. Одесса 1891, стр. 27.

этихъ новыхъ явленій въ расколѣ, а съ другой стороны по поводу движеній въ расколѣ характера противоположнаго, именно обращенія многихъ раскольниковъ, пораженныхъ нетлѣніемъ мощей святителя Ѳеодосія, въ православную церковь, другой органъ печати (Рус. Обозр.) говоритъ слѣдующее. „Подъ вліяніемъ многихъ причинъ, инертная масса, отдѣлившаяся отъ церкви, начинаетъ распадаться по составнымъ частямъ и приходить мало-по-малу въ движеніе. То, что въ этой массѣ было наиболѣе искренняго въ своей ревности по чистотѣ вѣры, начинаетъ чувствовать тяготѣніе къ церкви; то, что олицетворяло собою наиболѣе рѣзко раціоналист. начало самомнѣнія и протеста, начинаетъ логически склоняться къ обнаженному отъ всякаго образа сектантскому раціонализму. Многія явленія современной жизни подтверждаютъ это. И можно думать, что критическое движеніе, замѣчаемое нынѣ въ раскольническомъ мірѣ, разрѣшится въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ въ намѣченномъ направленіи логическаго развитія своихъ началъ; одна часть старообрядчества возсоединится съ церковію на началахъ единовѣрія, другая же сольется съ сектантствомъ. Иного пути движенія нѣтъ, но остаться безъ движенія теперь расколъ уже не можетъ“.

Въ этихъ отзывахъ печати наклонность современнаго раскола къ раціонализму объясняется главнымъ образомъ разными вліяніями и при-

чинами, имѣющими связь съ современными событіями. Несомнѣнно, что современныя движенія (просвѣтительныя, церковныя, разныя движенія въ сектантствѣ и т. п.) имѣли въ этомъ отношеніи большое значеніе, заставляли раскольниковъ, такъ сказать, оправдывать свое ученіе выясненіемъ своихъ началъ на почвѣ болѣе или менѣе разумной (что требуется запросомъ времени), что и приводитъ ихъ къ раціоналистическимъ выводамъ изъ своихъ началъ. Но было бы несправедливо сказать, что современный расколъ допустилъ въ свое ученіе больше раціонализма, чѣмъ расколъ, напр., временъ извѣстныхъ догматистовъ раскольничьихъ, братьевъ Денисовыхъ. Догматика раскола, заключающаяся въ „Поморскихъ отвѣтахъ“ и содержимая раскольниками доселѣ, построена на „ухищреніяхъ діалектики и умозрѣніяхъ раціонализма“ не менѣе, чѣмъ теоріи современныхъ расколоучителей. Послѣднимъ принадлежитъ продолженіе того пути, на который расколъ всталъ весьма рано, поставленный на него силою обстоятельствъ. Задачею нашей статьи и было выяснить раціоналистическій элементъ въ изначальномъ ученіи безпоповцевъ, чтобы показать, что онъ не былъ привнесенъ въ позднѣйшее время отдѣльными учителями раскола, которые могли отступить отъ началъ раскола, но коренится въ самомъ духѣ раскола, потерявшаго церковную почву вселенскаго преданія и не могущаго найти для себя

иной почвы, кромѣ человѣческаго мудрованія и разсудочнаго измышленія. А то обстоятельство, что теперь раціоналистическій элементъ въ расколѣ сталъ яснѣе, замѣтнѣе, объясняется тѣмъ, что современные апологеты раскола стали болѣе откровенны и свободны, и потому не стремятся замаскировать тѣ выводы, которыхъ прежній расколъ еще стыдился. Древо познается по плодамъ своимъ! Отъ древняго древа—раскола нельзя было ожидать и иныхъ плодовъ, каковы только современные апологеты раскола!

X.

Скопцы.

(*По судебному процессу о скопцахъ Вышневолоцкаго уѣзда, бывшему въ г. Твери въ 1888 году 15—21 ноября*) [1]).

Судебные процессы о религіозныхъ сектантахъ, по временамъ возникающіе въ разныхъ мѣстахъ, имѣя весьма важное значеніе въ смыслѣ болѣе дѣйствительныхъ мѣръ противъ распространенія раскола и сектантства, въ то же время весьма важны и для науки о расколѣ и сектахъ. На этихъ процессахъ нерѣдко обрисовывается та или другая секта съ новыхъ сторонъ, иногда раскрываются, такъ сказать, самые тайники ея, и во всякомъ случаѣ дается много матеріала для характеристики ея. Умѣлое веденіе дѣла судебными властями заставляетъ, какъ подсудимыхъ, такъ и свидѣтелей по дѣлу, входить въ разъясненіе такихъ подробностей изъ жизни сектантовъ, которыя при другихъ способахъ знакомства съ сектантствомъ мало доступны. Не говоримъ уже

---

[1]) Изъ сочиненія, напечатаннаго отдѣльнымъ изданіемъ подъ заглавіемъ „Очерки Тверского раскола и сектантства“. М. 1895 г. (Очеркъ пятый, стр. 107—116).

о томъ, что эти процессы даютъ обильный матеріалъ для внѣшней исторіи той или другой секты.

Поэтому, нельзя не пожалѣть о томъ, что далеко не всѣ такіе судебные процессы бываютъ обнародываемы въ печати. Къ такимъ процессамъ, о которыхъ еще доселѣ ничего нигдѣ не сказано въ печати, относится очень крупное дѣло о скопцахъ, разбиравшееся въ г. Твери, Тверскимъ Окружнымъ судомъ въ 1888 году съ 15 по 21 ноября [1]).

Дѣло это по своей важности можетъ быть поставлено на ряду съ извѣстными процессами о скопцахъ Кудриныхъ въ Москвѣ, Плотициныхъ въ Моршанскѣ и др.

Печатныя свѣдѣнія о скопцахъ въ Тверской губерніи настолько скудны, что, можно сказать, исчерпываются нѣсколькими строками; но при всей своей скудости они все-таки показываютъ, что скопчество возникло здѣсь очень рано: оно было замѣтно здѣсь еще при жизни основателя секты—Кондратія Селиванова. Такъ, въ 1832 г. обнаружены были 68 скопцовъ, изъ которыхъ 43 человѣка принадлежали Бѣжецкому уѣзду, осталь-

---

[1]) Хотя мы въ качествѣ эксперта съ духовной стороны имѣли къ этому дѣлу самое близкое отношеніе и во все время судебнаго процесса присутствовали на немъ, однако должны сказать, что по причинѣ продолжительнаго промежутка времени не можемъ воспроизвести это дѣло во всѣхъ подробностяхъ; болѣе же важныя стороны этого процесса нами тогда же были занесены въ особую тетрадь, чѣмъ теперь и пользуемся для составленія этого очерка.

ные 25—частію Новоторжскому, частію Вышневолоцкому [1]). Затѣмъ, возникали дѣла о скопцахъ въ Тверской губ. въ 1847 г. (о скопцѣ дворовомъ человѣкѣ Морозовѣ), въ 1849, 1850, 1851, 1858 и 1861 годахъ. Въ 1849 году были препровождены въ военную нестроевую службу въ Закавказскій край скопцы — удѣльные крестьяне Никита Филипповъ и Ефимъ Ивановъ— изъ Бѣжецкаго и Вышневолоцкаго уѣздовъ (Бѣжецкаго—приходовъ: Трестенскаго и Толмачевскаго; Вышневолоцкаго—с. Назарова,—изъ селеній удѣльнаго вѣдомства—Высокаго, Стараго и Толмачей). Въ 1850 г. возникало дѣло о скопцѣ Ѳедоровѣ; а въ 1857, 1858 и 1861 гг. о скопцахъ дер. Кузнечихи, Вышневолоцкаго уѣзда.

Хотя съ 1861 года мы не находимъ упоминанія о скопцахъ въ Вышневолоцкомъ уѣздѣ, однако несомнѣнно, что существованіе ихъ въ уѣздѣ не только не прекратилось, но даже усилилось, благодаря появленію новыхъ руководителей секты. Это и подтверждается вышеупомянутымъ дѣломъ, разбиравшемся въ Тверскомъ Окружномъ судѣ, которое извѣстно подъ именемъ дѣла братьевъ Ѳедосѣевыхъ. — Дѣло это началось по доносу одного крестьянина дер. Знаменскаго, Петра Фадѣева, который, поссорившись съ однимъ виднымъ послѣдователемъ скопческой секты той мѣстности, сталъ зорко наблюдать за сектантами.

---

[1]) *Кутепова*. Секты хлыстовъ и скопцовъ, стр. 227.

Съ доносомъ на секту Петръ Фадѣевъ, по его словамъ, обратился сначала къ Тверскому губернатору; но долго не зная о послѣдствіяхъ своего доноса, онъ обратился съ тѣмъ же къ воинскому начальнику, который посовѣтовалъ ему подать второе прошеніе на имя губернатора.—Началось слѣдствіе. По разслѣдованіямъ судебно-полицейской власти въ 1886 году оказалось, что дѣйствительно въ нѣсколькихъ волостяхъ, Вышневолоцкаго у., скопчество сильно развито. Насколько намъ помнится, оно обнаружено въ слѣдующихъ деревняхъ: Ѳедовѣ, Береговой, Кочкахъ, Куничихѣ (не Кузнечихѣ-ли?), Сергіинѣ, Горкахъ, Братскомъ, Поповѣ, Зорьковѣ. По первоначальному слѣдствію, заподозрѣно было въ скопчествѣ до 170 человѣкъ; но мнѣніемъ Медицинскаго Совѣта эти 170 лицъ по отношенію къ оскопленію были подраздѣлены на три категоріи: къ первой отнесены тѣ, которые имѣютъ несомнѣнные слѣды оскопленія; ко второй—такіе, объ оскопленіи которыхъ можно было только предполагать съ большею или меньшею вѣроятностію, и къ третьей, наконецъ, такіе, о которыхъ нѣтъ основаній сказать, что они оскоплены.—Сообразно съ этимъ мнѣніемъ Медицинскаго Совѣта, къ отвѣтственности были привлечены лица только первой категоріи, каковыхъ оказалось 24 человѣка. Дѣло объ нихъ разбиралось въ Тверскомъ Окружномъ судѣ съ 15 до 21 ноября 1888 года. Во главѣ всѣхъ подсудимыхъ стояли братья Егоръ и Фи-

липпъ Ѳедоровы Ѳедосѣевы, почему и самое дѣло называется *дѣломъ братьевъ скопцовъ Ѳедосѣевыхъ*. Среди прочихъ подсудимыхъ многіе или принадлежали къ семейству этихъ скопцовъ, или находились съ ними въ близкихъ родственныхъ отношеніяхъ [1]).

Посмотримъ теперь, какъ и съ какихъ преимущественно сторонъ обрисовалась секта скоп-

[1]) Перечислимъ здѣсь всѣхъ подсудимыхъ, съ указаніемъ отзывовъ объ нихъ медицинской экспертизы 1) *Егоръ* Ѳедоровъ *Ѳедосѣевъ*, крест. дер. Ѳедова, 60 л., по отзыву медицинской экспертизы, оскопленъ большою печатію, 2) *Филиппъ* Ѳедоровъ *Ѳедосѣевъ* (около 60 лѣтъ), крест той-же деревни, оскопленъ большою печатію, 3) *Наталія Дмитріева*, отнесенная, по соображенію медиц. экспертизы, къ категоріи только подозрительныхъ; 4, 5 и 6) *Анна*, *Матрена* и *Степанида* Филипповы, дочери Филиппа Ѳедосѣева, несомнѣнно оскопленныя; 7) *Степанъ Ивановъ* (55 лѣтъ), оскопленъ малою печатію; 8) *Тимофей Степановъ* (32 л.), оскопленъ 13-ти лѣтъ малою печатію, 9) *Сергѣй* Егоровъ (31 г.), оскопленъ большою печатію *въ два пріема*, 10) *Поликарпъ* Ѳедоровъ *Ѳедосѣевъ* (79 л.), оскопленъ малою печатію, 11) *Харитонъ Филипповъ*, 34 лѣтъ, оскопл малою печатію, 12) *Николай Поликарповъ*, оскопл. большою печатію, 13) *Агрофена* Ѳедорова *Ѳедосѣева*, отнесена экспертизой къ числу подозрительныхъ, 14) *Анна* Емельянова *Тулина* (70 л.), отнесена къ разряду оскопленныхъ; 15) *Ѳедора* Харлампіева—дѣвица, 16) *Иванъ Егоровъ* (28 л.),—малою печатію, по его словамъ, онъ самъ себя оскопилъ: „по Евангелію, показывалъ онъ, *я изволилъ*“,—и оскопился будто-бы овечьими ножницами, 17) *Елена Ефимова* (65 л.), медицинская экспертиза относительно ея нашла, что нѣкоторыя ненормальности въ ея половомъ органѣ могутъ быть объяснены причинами естественными, 18) *Иванъ Алексѣевъ*, церков. сторожъ, 35 лѣтъ, оскопленъ малою печатію; 19) *Анна Савельева*—вдова, экспертизой отнесена къ числу только подозрительныхъ; 20) *Анна Ѳомина*, вдова, 70 лѣтъ, отнесена также къ подозрительнымъ; 21) дѣвица *Анна Иванова*—корелка, 35 лѣтъ,—оскоплена, 22) *Агафья Иванова Рябкова*, 76 лѣтъ, несомнѣнно оскоплена, 23) *Матрена Степанова* 30 л., медицинской экспертизой признана, что уклоненіе отъ нормы въ половыхъ органахъ у нея было естественное, а не насильственное; 24-я подсудимая умерла до начала судебнаго процесса.

цовъ въ Вышневолоцкомъ уѣздѣ на упомянутомъ судебномъ процессѣ.—Прежде всего о времени появленія секты и ея постепенномъ ростѣ свидѣтельскія показанія подтверждаютъ вышесказанное нами, что секта скопцовъ изстари свила себѣ гнѣздо въ Вышневолоцкомъ уѣздѣ. Такъ, по показанію одного свидѣтеля, крест. Павла Данилова, отецъ одной подсудимой Агафьи Ивановой Рябковой „былъ скопецъ и былъ сосланъ *лѣтъ 60* тому назадъ“ (т.-е. около 1838 г.); а другой свидѣтель, крест. дер. Куничихи Иванъ Маслобойщиковъ, показалъ, что скопцы у нихъ „ведутся изстари, лѣтъ 55 тому назадъ“. Опредѣляя время первоначальнаго возникновенія секты, свидѣтели указали также и на то, къ какому приблизительно времени относится послѣднее о нихъ дѣло (до слѣдствія 1886 г.). Въ этомъ отношеніи показанія ихъ почти совершенно одинаковы,—именно: прошло около 30 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ скопцовъ Вышневолоцкаго у. судили; значитъ это было въ концѣ 50-хъ или въ началѣ 60-хъ годовъ. – Главная роль въ распространеніи секты въ 60-хъ годахъ приписывается крест. дер. Ѳедова Филиппу Ѳедорову Ѳедосѣеву. Объ немъ изъ судебнаго процесса сдѣлалось извѣстнымъ, что онъ въ концѣ 50-хъ годовъ попалъ въ острогъ за какое-то противленіе помѣщику. Когда же онъ былъ выпущенъ изъ острога, то, явившись въ свою деревню Ѳедово, началъ дѣятельно пропагандировать скопчество. Отсюда

можно заключить, что самъ Филиппъ Ѳедосѣевъ былъ совращенъ въ скопчество и, вѣроятно, оскопленъ въ острогѣ. Подобные примѣры въ исторіи скопчества бывали нерѣдко. Первыми послѣдователями Филиппа были его братья Егоръ и Поликарпъ, изъ которыхъ послѣдній былъ самымъ старшимъ. Вотъ, напр., какъ показывали на судѣ относительно распространенія секты Филиппомъ два свидѣтеля. Показаніе крест. Петра Фадѣева: „секта распространившись лѣтъ тридцать; Филиппъ Ѳедосѣевъ попалъ въ тюрьму,— и послѣ выхода онъ принесъ эту секту; къ нему присталъ Егоръ Ѳедосѣевъ, затѣмъ Поликарпъ Ѳедоровъ, Ѳедотъ Ѳедоровъ, потомъ и женщины. Сначала ихъ называли *богомолами*“. Показаніе другого свидѣтеля, крест. Якова Бурдина: „Когда Филиппъ вышелъ изъ острога, съ тѣхъ поръ и *началось*; за нимъ Егоръ, потомъ Поликарпъ; молодые за ними,—и образовалась у нихъ *шайка своя*“. Кромѣ Филиппа, видная роль въ первоначальномъ распространеніи скопчества въ той мѣстности приписывается какому-то таинственному выходцу съ Аѳонской горы, который въ качествѣ странника, съ сумою за плечами, явился въ 1863 году. Впрочемъ, необходимо замѣтить, что болѣе указывали на этого странника сами подсудимые—скопцы, съ цѣлію ослабить свою преступность. Такъ, Егоръ Ѳедоровъ говорилъ на судѣ, что этотъ восточный человѣкъ (имени котораго онъ не знаетъ), явившись въ дер. Ѳедово,

сталъ убѣждать ихъ оскопиться и указалъ на Свящ. Писаніе, которое повелѣваетъ сдѣлать это. Они убѣдились,—и онъ оскопилъ ихъ: „сначала стариковъ, а потомъ и молодыхъ, которые заявили, что они не хотятъ отстать отъ стариковъ и также хотятъ спасенія". Въ этомъ представленіи дѣла слышится ложная нотка. Изъ дѣла видно, что оскопленіе производили въ довольно широкихъ размѣрахъ не этотъ какой-то выходецъ съ Аѳонской горы, а сами братья Ѳедосѣевы.—Какъ-бы то ни было, въ началѣ 60-хъ годовъ образовалась въ дер. Ѳедовѣ и сосѣднихъ, по вышеприведенному выраженію одного свидѣтеля, „своя шайка" скопцовъ. А такъ какъ извѣстно, что ни одна изъ сектъ не отличается такою ревностію къ пропагандизму, какъ секта скопческая (у нея это возведено въ догматъ, и всякій успѣвшій оскопить 12 человѣкъ, возводится въ чинъ архангельскій), то понятно, что съ теченіемъ времени стали появляться все новыя и новыя жертвы скопческаго фанатизма. Оказывается, что скопцы Вышневолоцкаго уѣзда также были неразборчивы въ средствахъ совращенія и соблазна, какъ и другіе послѣдователи этой изувѣрной секты. Они прибѣгали и къ уговорамъ, и къ обольщенію своимъ богатствомъ и довольствомъ, и къ притѣсненію православныхъ, и прямо къ насильственному оскопленію, и. наконецъ, къ нѣкоторымъ совершенно особаго рода средствамъ.—Укажемъ здѣсь на нѣсколько та-

кихъ случаевъ, о которыхъ сдѣлалось извѣстнымъ на судебномъ процессѣ изъ свидѣтельскихъ показаній. — Къ одному изъ видныхъ послѣдователей скопческой секты Павлу Иванову Тулину, крест. дер. Братскаго (?), часто ходила жена сосѣда, крест. Егора Чубашева на посѣдки. Егоръ ее останавливалъ, но она говорила, что Павелъ *вѣры хорошей*. Разъ пришелъ къ Павлу и самъ Егоръ Чубашевъ, и Павелъ началъ увѣщевать его, говоря: „нужно оставить свои грубости, ты ходи ко мнѣ, а я къ тебѣ, оставь говядину ѣсть, вино пить, табакъ курить, удаляйся отъ бабъ своихъ". На это Чубашевъ отвѣтилъ: „все оставлю, а отъ бабы не могу удалиться, потому... придется отрѣзать". Что же касается жены Егора, Дарьи Ерофѣевой, то она, можно сказать, была только на одинъ шагъ отъ окончательнаго уклоненія въ секту. По словамъ ея, она часто ходила къ Павлу Тулину, „у котораго былъ разговоръ божественный". Павелъ совѣтовалъ ей отдаляться отъ мужа, потому что съ мужемъ—грѣхъ, также совѣтовалъ не ѣсть говядины, что вино и пиво—грѣхъ, замужъ выходить—грѣхъ. Эта вѣра понравилась Дарьѣ,—и она уже намѣревалась перейти въ нее, но только не дозволилъ мужъ. Кромѣ Дарьи, и многія другія женщины показывали на судѣ, что скопцы приглашали ихъ въ свою вѣру: то совѣтовали не ходить замужъ, то уйти „въ пустынь", то не жить съ мужемъ. Но болѣе подробныя показанія о стараніяхъ скоп-

цовъ совращать православныхъ дали два свидѣтеля: мѣстный волостной старшина и крестьянинъ Петръ Ѳадѣевъ. Несомнѣнно, вожакамъ скопческимъ хотѣлось завлечь въ свое общество мѣстное „начальство“, чтобы подъ прикрытіемъ его безпрепятственно отправлять свои радѣнія.—Старшина любилъ читать книги Свящ. Писанія. Но вотъ онъ сталъ нерѣдко слышать отъ скопцовъ, что по книгамъ не спастись, много тамъ неправды: „можно жить безъ книгъ“. Въ 1879 году особенно часто стали приглашать его къ себѣ скопцы,—и изъ нихъ больше всего Иванъ Тарасовъ, который часто говорилъ старшинѣ: „у насъ строго и чисто—не пить, не ѣсть мяса, къ дѣвкамъ не ходить“. Всѣ эти убѣжденія настолько повліяли на старшину, что онъ согласился даже подвергнуться особому чину принятія въ ихъ общество, о чемъ самъ разсказывалъ на судѣ. Разъ, поздно ночью его привели къ дому крест. Ивана Тарасова; домъ былъ во дворѣ. Когда старшина входилъ въ избу, его встрѣтилъ скопецъ – крест. Михаилъ Яковлевъ съ образомъ—складнемъ и свѣчей и сказалъ: „*молись*“, при чемъ замахалъ бѣлымъ платкомъ. Потомъ онъ-же спрашивалъ старшину: „кого порукой поставишь?“[1])

---

[1]) Извѣстно, что при переходѣ и пріемѣ въ секту скопцовъ вновь поступающій долженъ указать на кого-нибудь святаго, какъ на поручителя за себя. Больше всего указываютъ на Пресв. Богородицу и Іоанна Крестителя.

Послѣ этого одна изъ присутствовавшихъ женщинъ взяла фотографическую карточку и сказала: *прикладывайся къ Божіей Матери.* Затѣмъ началось радѣніе, о которомъ старшина разсказалъ очень кратко; отмѣтимъ только, что во время радѣнія молились на какую-то женщину. — Несмотря на всѣ старанія скопцовъ, старшина къ сектѣ все-таки не присталъ. Не присталъ къ ней и другой крестьянинъ Петръ Фадѣевъ, на совращеніе котораго не мало потратилъ усилій вышеупомянутый нами Павелъ Тулинъ. У Петра съ Павломъ однажды былъ такой разговоръ:

— „Брось трудиться, послѣдуй въ нашу секту; брось водку пить, мясо ѣсть, особенно отъ *закона* отстань“, – говорилъ Павелъ Петру.

— „Не могу.—отвѣчалъ Петръ; *я еще въ своихъ лѣтахъ.*

— „Есть *средство*, или *дѣло* отстать“,—продолжалъ убѣждать Павелъ.

— „Скажи“.

— „Нѣтъ, когда пристанешь къ намъ, скажу“.

Но такъ какъ Петръ Фадѣевъ не присталъ, то Павелъ Тулинъ, какъ человѣкъ богатый, сталъ сильно тѣснить Петра, особенно эти притѣсненія стали тяжелы, когда Павелъ сдѣлался сельскимъ старостой. Это побудило Петра Фадѣева слѣдить за скопцами и потомъ сдѣлать на нихъ доносъ,

о чемъ сказано выше [1]). Изъ этого случая уже видно, что скопцы прибѣгали къ притѣсненію православныхъ, какъ къ средству привлеченія въ секту. Но вотъ и еще два показанія свидѣтелей въ томъ же родѣ. Крестьянинъ Яковъ Бурдинъ показывалъ, что скопцы *„весьма стѣсняли* Николая Поликарпова (племянника Ѳедосѣевыхъ и сына скопца Поликарпова), зато, что онъ не хотѣлъ перейти къ нимъ и согласиться на вылегченіе". „А когда вылегчили, прибавилъ свидѣтель, онъ уже къ нимъ присталъ". Крестьянинъ деревни Деменца Василій Козловъ показывалъ, что *„стѣсняютъ свои деревенскія скопцы насъ во всякой бездѣлицѣ и стараются произвесть въ свою секту"*. Наконецъ, изъ дѣла сталъ извѣстенъ случай прямаго насилія, учиненнаго скопцами. Такое насиліе было совершено надъ сейчасъ упомянутымъ нами Николаемъ Поликарповымъ. Со словъ самого Поликарпова, одинъ свидѣтель разсказалъ на судѣ объ этомъ слѣдующее. Разъ въ воскресенье послѣ обѣдни Егоръ Ѳедоровъ Ѳедосѣевъ пригласилъ къ себѣ въ гости племянника Николая, который любилъ выпить. Предъ чаемъ Егоръ поднесъ племяннику двѣ рюмки чего-то крас-

---

[1]) Съ цѣлію доказать, что одинъ изъ послѣдователей секты (Николай Поликарповъ) дѣйствительно оскопленъ, Петръ Фадѣевъ съ нѣкоторыми другими крестьянами однажды задержалъ его на улицѣ и велѣлъ снять ему нижнее бѣлье Тотъ долго не хотѣлъ сдѣлать этого, но былъ принужденъ къ тому. И оказалось. что у него, по словамъ Фадѣева, *„ничего нѣтъ"*

наго (яко-бы настойки). Тотъ выпилъ и очень скоро заснулъ, „а проснувшись смотритъ *и нѣтъ ничего* (т.-е. половыхъ органовъ): только мокренько“ (буквальное показаніе свидѣтеля). Очевидно, операція оскопленія произведена была надъ соннымъ. Но послѣ того, какъ это печальное дѣло совершилось, Николай Поликарповъ волей-неволей крѣпко примкнулъ къ сектѣ: „а когда его вылегчили, припомнимъ показаніе другого свидѣтеля, онъ уже къ нимъ присталъ“. Дѣйствительно, такимъ несчастнымъ, насильно оскопленнымъ, положительно ничего не остается дѣлать, какъ сдѣлаться послѣдователями ихъ убійцъ, потому что актомъ оскопленія они, такъ сказать, отрѣзываются отъ жизни и обычныхъ житейскихъ радостей и удовольствій: внѣ скопчества для нихъ нѣтъ интересовъ. И настолько они послѣ того примыкаютъ къ сектѣ, что никоимъ образомъ не хотятъ выдать виновниковъ своего несчастія. Такъ, тотъ-же Николай Поликарповъ, который разсказалъ все нами вышеизложенное свидѣтелю, на судѣ не хотѣлъ признать справедливости этого, а, напротивъ, настойчиво утверждалъ, что оскопленіе онъ совершилъ самъ надъ собою.—Наконецъ, очень большое значеніе въ дѣлѣ совращенія православныхъ въ скопчество имѣло и богатство скопцовъ. Многіе свидѣтели на судѣ указывали на это обстоятельство; такъ, одинъ (крестьянинъ Петръ Фадѣевъ) говорилъ, что скопцы соблазняли его тѣмъ, что послѣ перехода въ

секту, можно бросить трудиться; другая (крестьянка Анисья Кирбасова) показывала, что одна скопчиха „призывала ее въ вѣру и обѣщала, что она нужды не увидитъ, если перейдетъ *въ вѣру*“; третій (крестьянинъ Степанъ Капустинъ) сообщилъ, что Егоръ Ѳедосѣевъ приглашалъ его вмѣстѣ „*торговать*“, четвертый (Андрей Трофимовъ) признался, что скопцы соблазнили его тѣмъ, что „у нихъ—хорошо, что пророки—люди зажиточные“. И дѣйствительно, какъ сами скопцы, почти по единогласному показанію свидѣтелей, были люди зажиточные, такъ и всѣ переходившіе въ ихъ секту становились также людьми болѣе или менѣе состоятельными. Такъ, напр., относительно Павла Иванова Тулина свидѣтель Егоръ Чубашевъ показывалъ, что „Павелъ Ивановъ жилъ сначала бѣдно, а *теперь* сталъ такъ богатъ, что противъ него, да противъ Ѳедосѣевыхъ и крестьянъ нѣтъ,—это съ тѣхъ поръ, какъ они перестали водку пить, мясо ѣсть... Павелъ накупилъ себѣ земли, продаетъ сѣно, *(сталъ помъщикомъ.*—изъ показаній другого свидѣтеля): намъ, говорятъ, Богъ подаетъ“.—Кромѣ всѣхъ вышеизложенныхъ способовъ совращенія, болѣе или менѣе обычныхъ въ сектѣ скопцовъ, въ дѣлѣ о вышневолоцкихъ скопцахъ, мы встрѣтились съ однимъ способомъ совращенія—совершенно необычайнымъ. Такъ какъ на судѣ объ этомъ давала показаніе одна дѣвушка 11 лѣтъ, то показаніе ея было весьма нескладно и запутанно. Но

вотъ что можно было понять изъ него. Егору Ѳедорову хотѣлось оскопить одну дѣвушку — подругу свидѣтельницы—Анну Алексѣеву. За это онъ предлагалъ послѣдней „два рубля и ситцу". Кромѣ того, онъ прибѣгъ къ запугиванію воображенія дѣвушки „какимъ-то богомъ", „у котораго пять ногъ, пять рукъ, хвостъ, огонь изъ рта, 5 рогъ, съ копытами". „Бога этого" Егоръ Ѳедоровъ привезъ изъ Москвы, и онъ стоялъ среди пола и къ нему прикладывались. И дѣйствительно, дѣвушка настолько напугалась этого „бога", что онъ сталъ казаться ей во время сна, и она вслѣдствіе этого впадала въ безсознательное состояніе [1]). Пріемъ дѣвушки въ секту былъ совершенъ, и при пріемѣ „ей разрѣзали палецъ". (sic.).

Таковы разнообразные способы совращенія въ скопчество, употреблявшіеся скопцами Вышневолоцкаго уѣзда. Ихъ усердіе въ этомъ отношеніи не оставалось безрезультатнымъ; напротивъ, изъ дѣла видно, что скопчество развилось тамъ сильно, такъ что, по выраженію одного свидѣтеля, подъ судъ попала только меньшая часть скопцовъ. Успѣхи скопцовъ производили настолько сильное впечатлѣніе на православныхъ, что одно-

---

[1]) „Дѣвушка испугалась этого „бога", показывала свидѣтельница-ребенокъ, затѣмъ богъ явился у нея въ домѣ и сбросилъ ее съ печки, съ подушки на полъ и вырвалъ изъ подушки пять мѣстъ, а дѣвушка лежала на полу мертвая. А богъ ушелъ за дверь и хлопнулъ дверью".

му изъ свидѣтелей казалось, по его характерному выраженію, что „если что или что, то они могутъ пол-Россіи, а не то и всю Россію“ (показаніе крестьянина Василія Козлова, изъ дер. Деменца).

Согласившихся перейти въ секту скопцы принимали особымъ обрядомъ. Мы выше имѣли случай привести показаніе о принятіи въ секту волостного старшины; но много подробнѣе и интереснѣе сообщилъ объ этомъ на судѣ другой свидѣтель, крестьянинъ Андрей Трофимовъ. Считаемъ очень умѣстнымъ привести здѣсь это показаніе буквально съ небольшими только поясненіями. „Я былъ приглашенъ въ эту секту“, такъ началъ свои показанія Трофимовъ. Неоднократно онъ бесѣдовалъ съ скопцами, — и разспрашивалъ, — какая у нихъ вѣра, — и всегда слышалъ отъ нихъ почти одинъ и тотъ же отвѣтъ: „вѣра самая истинная: — не пить, не курить, мяснаго не ѣсть“. Результатомъ однихъ-ли этихъ разговоровъ, или и еще чего-нибудь было то, что Андрей Трофимовъ и съ женою согласился перейти въ секту. И вотъ надъ нимъ совершается своего рода „чинопріемъ“. „Привелъ меня, показывалъ Трофимовъ на судѣ, въ домъ Кирилла Леонтьева, Егоръ Богдановъ, и становитъ въ сѣняхъ. Здѣсь сдѣлали мнѣ наставленіе кланяться Дарьѣ Михайловой (скопческая богородица). — Вхожу, горятъ свѣчи. „Зачѣмъ, Андрей, пришелъ?“ спросили меня. „Спасенья искать“. „Хорошее дѣло: нужно поддержать себя... младенцевъ не кре-

стить и на свадьбу не ходить". Привели жену и встрѣтили ее также. Скоро послѣ этого свѣчи погасили и усѣлись по мѣстамъ. Потомъ начали пѣть стихи и пошли въ кружокъ—одна за другой—*по солнцу:* потомъ попѣли сидя. Начали спрашивать: дай какое-нибудь ручательство [1])? Показываютъ портретъ въ рамѣ, надпись: „Пресвятая Богородица". Дальше — больше. Крестились обѣими руками, хлопали въ ладоши. Есть у нихъ какіе-то пророки; одинъ пророкъ что-то постоянно говоритъ, а ты долженъ стоять и молиться на него. Дарья Михайлова въ родѣ богородицы, все сидитъ и подушка подъ ж...и. Мужчины и женщины были въ длинныхъ бѣлыхъ рубашкахъ, а въ рукахъ платки, красныхъ не было. Платки держатъ, полагать надо, *для опотѣнія* со всего течетъ. Мужчины надѣвали рубашку на голое тѣло, подпоясывались узенькими поясками. Моленіе въ тотъ разъ продолжалось часа три, пока не перепѣли всѣ стихи; когда была самая сильная скачка, то кричали: ай духъ, ой духъ, охъ, охъ... Было и пророчество; пророчица говорила „съ вывороченными глазами".

Временемъ собраній (радѣній) скопцовъ, были ночи подъ праздники, — и преимущественно (по показанію свидѣтелей)—подъ Введеніе, Рождество Христово, около Троицына дня, Преображенія, на

---

[1]) См. примѣчаніе выше, стр. 210.

день Михаила Архангела, на Власовъ день; бывали собранія и на масляницѣ. Обыкновенно, радѣнія происходили въ избахъ, обращенныхъ окнами на дворъ, при чемъ еще окна занавѣшивались. На дворѣ во время радѣній всегда ставились сторожа или „караулъ“. До начала дѣла въ 1886 году эти собранія скопцовъ происходили довольно часто — и преимущественно въ деревняхъ: Ѳедовѣ, Береговой, Кочкахъ, Братскомъ, Сергіинѣ и др. Они иногда бывали многочисленны,—собиралось человѣкъ до 40—50. Кромѣ пѣнія стиховъ, радѣній и пророчествъ, о чемъ нами сказано выше, на такихъ собраніяхъ совершалось иногда причащеніе крендельками, потому что одинъ свидѣтель показывалъ, что „присутствующимъ тамъ раздавали кренделькы“. На православныхъ скопческія радѣнія производили ужасающее впечатлѣніе, такъ что, по показанію одной свидѣтельницы, когда она услыхала разъ, какъ „скопцы скачутъ, хлопаютъ въ ладоши и т. п., то это такъ напугало ее, что она еле ноги удрала, страшно!“

Вотъ въ существенныхъ чертахъ все болѣе важное, что нами вынесено изъ судебнаго процесса о скопцахъ Вышневолоцкаго уѣзда, происходившаго въ 1888 г., въ г. Твери, и что своевременно занесено было въ тетрадь. Мы конечно не старались особенно заносить въ свою тетрадь тѣ подробности изъ дѣла, которыя для характеристики секты скопцовъ или вовсе не имѣютъ ни-

какого значенія, или же имѣютъ въ этомъ отношеніи весьма малое значеніе [1]).

---

[1]) Въ качествѣ вещественныхъ доказательствъ на судѣ были представлены слѣдующіе предметы·

1) Большой печатный листъ съ заглавіемъ „Два пути“.

2) Картина, изображающая Спасителя, входящаго въ домъ (?). Въ виньеткахъ этой картины нарисованы голуби.

3) Три сученыхъ или плетеныхъ пояса.

4) Евангеліе на русскомъ языкѣ, малаго формата, съ нѣкоторыми отмѣтками,—особенно изъ 19 гл. Ев. Матѳея ст 11—24, (стр. 53).

5) Изображеніе Іоанна Крестителя съ барашкомъ; подпись нѣмецкая: „Kind Iohannes“.

6) Платки крапчатые.

7) Изображеніе (картина) Іоанна Крестителя съ сложенными руками въ молитвенномъ настроеніи и съ бѣлымъ барашкомъ. 1863 г.

8) Двѣ тетради съ хлыстовскими и скопческими стихами. Въ первой изъ нихъ, между прочимъ, есть выраженіе: „знать жила я для тѣла, а не Бога и для прихоти своей“. Во второй тетради находятся нѣкоторыя выдержки изъ сочиненій І. Златоуста о воздержаніи и цѣломудріи и объясненіе словъ Апостола: *оженившійся печется о женѣ* и т. д. Затѣмъ указываются неудобства оженившемуся устроять свое спасеніе и восхваляется дѣвство въ самыхъ яркихъ чертахъ, напр: „не рабствуйте плотскому вожделѣнію, сохраните дѣвственную красоту. Человѣческая красота смрадомъ и гноемъ изъязвитъ человѣческіе уды“. „Дѣвственницы—собесѣдницы Вышняго града“.

9) Портретъ женщины въ черномъ платьѣ и бѣломъ чепчикѣ (не Акулины-ли Ивановны, или, что тоже, Елизаветы Петровны?!).

10) Длинныя рубахи, употреблявшіяся при радѣніяхъ.

XI.

Религіозность русскаго народа, какъ предметъ эксплоатаціи [1]).

Не нужно доказывать, что религіозное чувство русскаго народа, приверженность его къ святынѣ, особенно къ святымъ мѣстамъ, и, наконецъ, любовь къ религіознымъ событіямъ, отличающимся таинственностію, нерѣдко эксплоатируются разными обманщиками и проходимцами. Эксплоататоры указанныхъ прекрасныхъ духовныхъ особенностей русскаго народа бываютъ двоякаго рода: одни изъ нихъ направляютъ свои усилія къ тому, чтобы изъ русской религіозности извлечь, какъ можно болѣе матеріальныхъ выгодъ, при чемъ иные и прямо находятъ въ ней единственный и обильный источникъ для своего прокормленія. Къ этому роду эксплоататоровъ относятся разнаго рода „яко бы“ выходцы изъ св. земли, продающіе народу разные крестики, камешки и другія вещицы, которыя, по ихъ словамъ, они принесли

[1]) Читано въ очередномъ собраніи Московскаго Общества любителей духовн. просвѣщенія, 20 февраля 1895 г. Напечатана въ Москов. Церк. Вѣд. за тотъ же годъ, № 10, стр. 98

или изъ Іерусалима, или съ Аѳона, или еще откуда. Сюда же нужно отнести тѣхъ мелкихъ обманщиковъ, которые разсыпались по Руси святой въ видѣ сборщиковъ на устройство храмовъ, на колокола, на созиданіе иконостасовъ и пр., которые, безъ всякаго законнаго позволенія, производятъ свои сборы, остающіеся въ ихъ карманахъ. Таковы же, наконецъ, всѣ тѣ лица, которыя, переходя съ мѣста на мѣсто, выдаютъ себя за странниковъ, исходившихъ чуть ли не всю Россію вдоль и поперекъ; эти безъ стѣсненія разсказываютъ простодушному народу такія подробности о разныхъ монастыряхъ, какъ будто они въ каждомъ изъ нихъ прожили не по одному году: разсказываютъ они о Соловкахъ, о Валаамѣ, о Кіевопечерскихъ угодникахъ, о Троицкой лаврѣ, о Новомъ Іерусалимѣ и пр., — и все это такъ живо и съ такой увѣренностію, что неопытный слушатель невольно поддается ихъ обману; многимъ изъ нихъ, по ихъ словамъ, хорошо знакомъ и Старый Іерусалимъ, въ которомъ они побывали не однажды, да и еще собираются, если Богъ подкрѣпитъ силы ихъ, да добрые люди помогутъ... Таковъ первый разрядъ эксплоататоровъ религіознаго чувства народнаго. Другіе эксплоататоры пользуются любовью народа къ святынѣ и таинственнымъ религіознымъ событіямъ совершенно съ другою цѣлію: они заботятся о томъ, чтобы разсѣять разные ложные разсказы и слухи, идущіе, большею частію, въ ущербъ чистому Православію

и дающіе пищу разнымъ нелѣпымъ вѣрованіямъ русскаго народа. Нерѣдко приходится замѣчать, что вдругъ среди народа, гдѣ-нибудь въ глухой деревнѣ—появится новая молитва, которой придаютъ какое-то особенное значеніе, напр., придаютъ ей свойство предохранять отъ болѣзней и несчастій того, кто будетъ читать ее, а большею частію указываютъ на нее, какъ на вѣрное средство ко спасенію: только читай эту молитву столько-то разъ въ день и спасешься, больше ничего не требуется. Кто составители этихъ молитвъ, откуда они появляются, большею частію, остается неизвѣстнымъ, и ихъ появленіе обнаруживается только тогда, когда онѣ успѣютъ распространиться, а авторы ихъ спрятать концы въ воду. Конечно, послѣдняго рода эксплоататоры религіознаго чувства ничуть не менѣе вредны, чѣмъ первые: они укрѣпляютъ народъ въ суевѣріяхъ, посѣваютъ въ немъ холодность къ св. церкви, а нерѣдко закладываютъ основаніе новому ложному ученію и зарожденію новой секты. — Съ очень характерными и любопытными проявленіями того и другого рода религіознаго эксплоататорства намъ пришлось не такъ давно столкнуться, а потому и считаемъ не безполезнымъ подѣлиться ими съ читателями.

Былъ я однажды въ Успенскомъ соборѣ знаменитой Троицкой лавры и любовался прекрасной гробницей, устроенной надъ прахомъ ученаго митр. Макарія. Вдругъ подходитъ ко мнѣ мужи-

чекъ. Добродушное лицо, умный и нѣсколько хитрый взглядъ расположили меня въ его пользу. И вотъ онъ заводитъ со мною такую рѣчь.

— А что, господинъ, кто же тутъ похороненъ?

— Ученый и умный митрополитъ московскій Макарій, просто отвѣчаю я.

— А онъ былъ уже послѣ Филарета?

— Да.

— Вотъ вѣдь, все такъ и спрашиваешь; самъ-то я, видишь, неграмотный, а узнать-то, вѣдомо, хочется. Индѣ монаха спросишь, а индѣ попадется такой же господинъ, какъ ты, и скажетъ мнѣ кое-что.

— И ладно, что такъ дѣлаешь, говорю я.

— Да какъ же иначе: вѣдь уже сколько времени я странствую.

Я поинтересовался узнать, гдѣ онъ бывалъ и сколько лѣтъ ходитъ по монастырямъ. И онъ перечислилъ мнѣ цѣлый рядъ русскихъ монастырей, упомянувъ, что онъ былъ и у „Кіевскихъ чудотворцевъ, и у Афанасія сидячаго“ и пр., и пр. На мой вопросъ, сколько времени онъ странствуетъ, отвѣчалъ:

— Да вотъ уже три года.

— И безъ перерывовъ все странствуешь?

— Да, безъ перерывовъ; только въ одномъ монастырѣ мѣсяца полтора былъ сторожемъ въ саду,—да не понравилось.

— Самъ ты откуда?

— Костромичъ.

— Ну, значитъ, землякъ мнѣ, говорю я, желая расположить его на откровенность; что же тебя заставило по монастырямъ-то ходить?

— Да что, господинъ, нужно говорить правду: *вѣдь нужно же чѣмъ-нибудь кормиться.* Былъ я въ солдатахъ. Когда возвратился на родину, то тамъ уже не было въ живыхъ ни жены, ни дѣтей. Ну, вотъ и пошелъ странствовать.

И такъ, странство для этого человѣка было въ буквальномъ и тѣснѣйшемъ смыслѣ „ремесломъ". И съ какимъ удовольствіемъ и пріятностію онъ говорилъ о своемъ ремеслѣ этомъ.

— Ужъ очень хорошо у хохловъ. Тамъ есть непочатый уголокъ: и священники, и мужики — все народъ добродушный. Придешь къ нимъ, они и мучки дадутъ, и хлѣбца, и похлебать положатъ. А борщъ малороссійскій—прелесть что такое! Ну, вотъ, такъ у хохла-то и поѣшь всласть. Вѣдомо, разскажешь ему что-нибудь. О своихъ-то кіевскихъ-то чудотворцахъ онъ кое-что знаетъ; но вотъ о здѣшнихъ-то онъ ничего не знаетъ: говори, — что хошь; ну и говоришь! Конечно, со всячинкой: и правду, и пріукрасишь... Ну, а у священниковъ-то все больше молчишь: знаютъ.

— Ну-съ, а теперь куда пробираешься?

— Да думаю, на Новый Аѳонъ.

— А что, въ Саровѣ ты былъ, почему-то вздумалось спросить мнѣ?

— Нѣтъ, туда не стоитъ ходить: тамъ для странниковъ скудно, а потому странники туда не

ходятъ. Въ Соловки тоже, пожалуй, не стоитъ. Положимъ, что въ Архангельской губерніи народъ добрый, онъ радъ тебя принять, да у самого то у него зачастую ѣсть нечего. Тутъ не разживешься.

Что существуетъ кругъ людей, занимающихся странничествомъ, какъ ремесломъ,—это извѣстно было мнѣ и раньше. Но разсказанный фактъ интересенъ вотъ въ какомъ отношеніи. Встрѣчали мы раньше странниковъ и подозрѣвали, что они — странники-ремесленники; но чтобы сами эти люди говорили прямо о себѣ, что странничество— ремесло для нихъ — этого не приходилось слышать. Всѣ странники стараются представить себя „святошами“, для которыхъ монастырь имѣетъ только религіозное значеніе и больше никакого. Но этотъ странникъ прямо заявилъ, что значитъ для него въ данномъ случаѣ монастырь. Изъ этого факта можно заключить, что странничество, какъ ремесло, — очень распространенное явленіе; объ немъ всѣ знаютъ, а потому и самимъ странникамъ не стоитъ больше скрывать того, что они странствуютъ, чтобы *кормиться*, потому что этимъ никого не поразишь.

А вотъ и другой типъ. Пришлось однажды быть въ Сергіевомъ посадѣ на вокзалѣ желѣзной дороги. Гляжу—идетъ сѣдой старикъ съ открытымъ воротомъ, съ выставленнымъ на видъ мѣднымъ большимъ крестомъ, съ непокрытой головой. Вся фигура его говорила, что онъ открылъ Аме-

рику: глаза его блестѣли и вызывающе глядѣли на народъ. Вотъ онъ подходитъ къ одной кучкѣ людей и начинаетъ говорить; выговоръ его ясно обнаружилъ въ немъ вологодца.

— А що, поштенные, хотите-ли вы знать, сколки дневъ, часовъ, минутъ и сикундъ прошло отъ сотворенія міра? Да, вотъ я—неграмотный, а знаю.—Тутъ онъ высказалъ какъ-то, что кто хочетъ обладать его „великимъ открытіемъ", тотъ долженъ дать ему „на хлѣбъ да на лапотки". Я далъ ему двѣ копѣйки. Истово перекрестившись, онъ сказалъ:

— Спаси Богъ душу твою, твоихъ родныхъ и семейныхъ, и знакомыхъ, и любимыхъ... и т. д.

— Ну же говори,—сколько дневъ отъ сотворенія міра?

Вынимаетъ онъ изъ рукавицы клочекъ бумаги, расправляетъ его на рукѣ и начинаетъ по ней громкимъ, хотя и дов. пискливымъ, голосомъ выкрикивать:

— Во имя Отца и Сына и Св. Духа, отъ сотворенія міра, еже есть мірозданіе, протекло дневъ—2 милліона, теперь пошло на тысячи (не помню хорошо числа тысячъ, что-то около 600 т)., во дняхъ часовъ 62 милл... и т. д., во часахъ минутъ (что-то такое ок. 388 милл.), а во минутахъ секундовъ (сколько-то тысячъ милліоновъ).

Послѣ этого онъ тщательно сложилъ бумажку, опять перекрестился и съ самодовольствомъ оглядывалъ окружавшихъ.

— Если ты неграмотный, то откуда же узналъ это?

Ловко обойдя этотъ вопросъ, онъ началъ разсказывать, что „съ этой самой бумажки“, содержащей „сокровенная“, самъ великій князь Владиміръ Александровичъ списывалъ у него своею рукою... и удивлялся его мудрости. „Да, да, да“, заключилъ онъ, уходя.

Вотъ этотъ Колумбъ не скажетъ, что онъ продѣлываетъ эти штуки для того, чтобы кормиться, и эксплоатируетъ религіозную настроенность народа, въ силу которой ему интересно знать, сколько въ самомъ дѣлѣ прошло „сикундовъ“ отъ такого важнаго событія, какъ сотвореніе Богомъ міра, а интересуясь этимъ, народъ тащитъ изъ своей мошны копѣйки, которыя и переходятъ въ карманъ хитраго старика.

Очевидно, обѣ эти личности: странникъ по ремеслу и вологодскій Колумбъ преслѣдуютъ одну цѣль — кормиться и поживиться, эксплоатируя религіозность народа. Но не такъ давно пришлось намъ встрѣтиться и съ другимъ видомъ эксплоатаціи набожности, въ которомъ нажива и матеріальная выгода не имѣютъ никакого значенія. Среди простого народа нерѣдко распространяются вымышленныя и православною церковію вовсе неодобренныя молитвы. Намъ случайно въ одной глухой мѣстности попалъ въ руки листокъ, представляющій собою обыкновенный согнутый вдвое поллистъ бумаги: на одной сторонѣ пер-

вой четвертки его написано: „сказаніе“, а на другой—„молитва“. Вотъ точная копія съ него:

„Сказаніе“.

„Въ Іерусалимскомъ храмѣ во время Божественной литургіи былъ слышанъ гласъ всѣмъ людямъ: „поражу весь міръ бѣдствіями“. Сіи слова слышалъ весь народъ, бывшій въ церкви. Потомъ явилась слѣдующая молитва на гробѣ Господнемъ, которая прислана въ Воронежъ Архіепископу для раздачи народу. Кто сію молитву будетъ съ вѣрою читать три или лишь одинъ разъ въ день, будетъ избавленъ отъ всѣхъ бѣдствій, кто имѣетъ сію молитву, долженъ передать оную девяти человѣкамъ [1]), если же сего не сдѣлаетъ, будетъ подверженъ разнымъ бѣдствіямъ. Произошло сіе 24 сентября 1884 года“.

Молитва.

„О Іисусе Христе! Молимъ тя Святый Боже, Святый Крѣпкій, Святый Безсмертный помилуй насъ и весь міръ твой отъ всякой погибели, кровію омывшій грѣхи наши. О Боже предвѣчный яви милосердіе Твое великое, молю тя, прости грѣхи моя, ради пречистыя и пресвятыя Крови Твоея нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, аминь“.

[1]) Цѣль этихъ словъ ясна, именно. наискорѣйшее распространеніе молитвы

Затѣмъ, намъ сдѣлалось извѣстнымъ, что молитва эта стала выдаваться за произведеніе о. Іоанна Сергіева и стала надписываться такъ: „Молитва о. Іоанна Кронштадтскаго". Она появилась въ обращеніи въ Петербургѣ и во многихъ другихъ мѣстахъ какъ среди интеллигенціи, такъ и среди простого народа. По этому поводу о. Іоаннъ принужденъ былъ даже дѣлать въ газетахъ объясненіе. Такъ, въ одной изъ нихъ онъ писалъ: „объявляю, что эта молитва—не моя. Эта молитва—одна изъ тѣхъ апокрифическихъ, отреченныхъ, невѣжественныхъ произведеній темнаго люда, которыя обращаются съ давнихъ поръ въ средѣ его въ томъ родѣ, какъ „Сонъ Богородицы" и „сказаніе о свиткѣ небесномъ, найденномъ въ камнѣ, упавшемъ съ неба въ св. градѣ Іерусалимѣ. Отрицаю всякую солидарность съ этой фальшивой, безтолковой молитвой". Сдѣлавши по поводу этой молитвы еще нѣсколько справокъ, мы узнали, что она была напечатана въ „Московскихъ Вѣдом." за 1858 и 1859 г. Здѣсь, между прочимъ, сообщалось, что во время Божественной литургіи въ Іерусалимѣ слышенъ былъ гласъ съ небеси: „поражу весь міръ несчастіемъ" и что по этому поводу составлена и выслана (куда?) преосвященнымъ Антоніемъ, епископомъ Воронежскимъ, вышеприведенная молитва: О Іисусе Христе и т. д. съ весьма небольшою только особенностію сравнительно съ встрѣченной нами. За молитвою слѣдуетъ тотъ-же завѣтъ читать ее

три или хоть одинъ разъ въ день и передать девяти человѣкамъ.

Насколько намъ извѣстно, народъ безусловно вѣритъ всему прописанному въ такихъ „сказаніяхъ“ и съ любовію читаетъ новоизобрѣтенныя „молитвы“. А поэтому такіе листки распространяются быстро. Когда намъ пришлось спросить одного крестьянина, что его заставило такъ полюбить эту молитву, то онъ указалъ на тѣ блага, которыя обѣщаются за чтеніе ея. Другой же крестьянинъ, какъ видно, болѣе свободомыслящій, на тѣ резоны, что въ православной церкви молитвы лучше этой, что ихъ тамъ много и онѣ утверждены авторитетомъ церковнымъ и что, наконецъ, эта новая молитва — неправославна, отвѣчалъ намъ: „тѣ-то молитвы ужъ намъ понаскучили, а эта все-таки *новая*, отчего-жъ и по ней не молиться: въ ней худого ничего нѣтъ“! Не сдѣлалъ-ли этотъ крестьянинъ первый шагъ по пути отступленія отъ церкви?!

И ясно, что въ этомъ печальномъ явленіи преимущественно повиненъ авторъ вышеписанныхъ „сказанія и молитвы“.

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР

СОДЕРЖАНІЕ.

Стр.

Предисловіе . . . . . III—IV

I. Краткій очеркъ происхожденія раціоналистическихъ сектъ на Руси.

Вступленіе.—Раннее появленіе у насъ на Руси идей противоцерковныхъ.—Краткій очеркъ раціоналистическаго сектантства до XVIII вѣка: секты стригольниковъ, жидовствующихъ, Бакшина и Косого.—Появленіе многочисленныхъ сектъ въ XVIII и XIX вѣкахъ.—Что такое сектантскій раціонализмъ?—Религіозная секта, пока она остается таковою, не можетъ быть чисто раціоналистическою. Необходимость присутствія въ каждой религіозной сектѣ элемента мистическаго.—Возможность вырожденія крайне-раціоналистическихъ сектъ въ отрицательныя атеистическія и антигосударственныя системы . . . . . 5—19

II. Штундизмъ.

Почва, на которой онъ возникъ; краткія историческія замѣчанія, отрицательное ученіе штундистовъ о церковномъ преданіи, о церкви православной, іерархіи и таинствахъ; положительное ихъ ученіе о таинствахъ, о лицѣ І. Христа и др.—Соціально-политическія чаянія штундистовъ, выразившіяся въ ихъ ученіи „о духовномъ союзѣ“, „святомъ соединеніи“ и т. п.—Секта штундистовъ есть не только антицерковная, но и антигосударственная . . . . . 20—37

III. Пашковщина.

Обстоятельства возникновенія пашковщины въ Петербургѣ съ выясненіемъ условій, благопріятствовавшихъ ея развитію.—Краткая первоначальная исторія пашковщины.—Ученіе пашковцевъ.—Пересажденіе пашковщины изъ высшаго аристократическаго круга въ народъ.—Какъ вѣрованія пашковцевъ отразились на народѣ.—Взаимоотношеніе интеллигентнаго сектантства съ народнымъ . . . . . 38—61

Стр.

IV. Сютаевщина.

Сектантское движеніе 60-хъ и 70 годовъ и положеніе въ этомъ движеніи Тверской епархіи.—Причины быстраго распространенія въ Тверской губерніи пашковщины.—Василій Кирилловъ Сютаевъ и основанная имъ секта сютаевцевъ, связь сютаевщины съ пашковщиной и различіе ихъ между собою . . . . . 62—68

V. Пашковцы по судебнымъ процессамъ о нихъ.

Пашковщина въ Новоторжскомъ уѣздѣ и крестьянинъ Иванъ Кондратьевъ, какъ самый главный распространитель секты въ этомъ уѣздѣ.—Пашковщина въ Бѣжецкомъ уѣздѣ и крест. Михаилъ Ивановъ, какъ главный сектантъ-пашковецъ въ этомъ уѣздѣ.—Слѣды Пашковщины въ Корчевскомъ уѣздѣ съ своеобразнымъ сектантскимъ оттѣнкомъ.—Пашковщина въ Вышнемъ-Волочкѣ и главный сектантъ города Ѳедоръ Евфимовъ Ушковъ.—Пашковщина въ Вышневолоцкомъ уѣздѣ, крестьянки Марья Семенова и Дарья Меркурьева, какъ проповѣдницы секты въ уѣздѣ.—Пашковщина въ Старицкомъ уѣздѣ и главный пропагандистъ здѣсь секты Никаноръ Трофимовъ Орѣховъ . . . . . 69—123

VI. Пашковскія брошюры.

Библіографическія свѣдѣнія о нихъ, литература о сектѣ; перечень брошюръ . . . . . 124—140

VII Толстовство, какъ секта.

Тяготѣніе современнаго сектантства къ толстовству, представляющему собою завершеніе политическихъ упованій раціоналистическихъ сектъ.—Что такое толстовство съ религіозной стороны и со стороны соціально-политическихъ воззрѣній, выводъ: толстовство—секта не столько религіознаго, сколько политическаго характера . . . . . 141—147

VIII. Письмо сектанта . . . . . 148—157

IX. Раціонализмъ въ безпоповщинѣ . . . . . 158—200

X. Скопцы.

По судебному процессу о скопцахъ Вышневолоцкаго уѣзда, бывшему въ г. Твери въ 1888 году 15—21 ноября . . . . . 201—218

XI. Религіозность русскаго народа, какъ предметъ эксплоатаціи. 219—230

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Предисловіе . . . . . III—IV стр.

Стр.

I. Краткій очеркъ происхожденія раціоналистическихъ сектъ на Руси . . . . . 5—19

II. Штундизмъ . . . . . 20—37

III. Пашковщина . . . . . 38—61

IV. Сютаевщина . . . . . 62—68

V. Пашковцы—по судебнымъ процессамъ о нихъ. 69—123

VI. Пашковскія брошюры . . . . . 124—140

VII. Толстовство, какъ секта . . . 141—147

VIII. Письмо сектанта . . . . . 148—157

IX. Раціонализмъ въ безпоповщинѣ 158 200

X. Скопцы . . . . . 201—218

XI. Религіозность русскаго народа, какъ предметъ эксплоатаціи . . . . . 220—230

Содержаніе . . . . . I—II

Цѣна 1 руб. 50 коп.

Адресъ: Г. Тула, преподавателю духовной Семинаріи Дм. Ив. Скворцову.

У того-же автора можно получать слѣдующія книги:

1) Діонисій Зобниновскій, архимандритъ Троицкаго-Сергіева монастыря. Историческое изслѣдованіе. Тверь. 1890 г. стр. 444 (Сочиненіе на степень Магистра Богословія). Ц. 1 р. 50 к.
2) Очерки Тверскаго раскола и сектантства. Москва. 1895 г. стр. 116. Цѣна 1 руб.
3) Новая попытка окружниковъ и противоокружниковъ къ соединенію между собою (страничка изъ послѣднихъ лѣтописей австрійскаго раскола). Черниговъ. 1900 г. Ц. 25 коп.
4) Историко-статистическое обозрѣніе современнаго старообрядческаго раскола Черниговской епархіи. Черниговъ. 1901 г. Ц. 30 коп.
5) Первые старообрядческіе архіереи и учрежденіе единовѣрія. С.-Петербургъ. 1903 г. Ц. 30 к.
6) Первый годъ русскаго старообрядческаго раскола. (По поводу 250-лѣтія существованія его. 1653—1903 г.). С.-Петербургъ. 1904 г. Цѣна 40 коп.
7) Единовѣріе, его сущность и происхожденіе. Тула. 1901 г. Цѣна 15 коп.
8) Идея православія, какъ созидательная сила русскаго государства и современныя церковныя братства, какъ охранители этой идеи. Рѣчь. Тверь 1895 г. Ц. 30 коп.
9) Наблюденія и впечатлѣнія миссіонера. Четыре выпуска. Тула. 1902—1904 г. Цѣна каждаго выпуска 25 коп.
10) Орденъ іезуитовъ, какъ сила политическая. Москва. 1897 г. Цѣна 40 коп.
11) Проф. Т. В. Барсовъ и проф. А. С. Павловъ по вопросу объ управленіи древней христіанской церкви. Москва. 1905 г. Ц. 40 к.

Цѣны обозначены съ пересылкой. Выписывающимъ на сумму не менѣе 15 рублей дѣлается уступка 10%.

Ф9

1 0 МАР 1962